

Карлос КАСТАНЕДА

КНИГА 9. ИСКУССТВО СНОВИДЕНИЯ.

ОТ АВТОРА

В течение последних двадцати лет я написал серию книг о своем обучении у дона Хуана Матуса — мага из мексиканского племени индейцев яки. В своих книгах я рассказывал о том, как он обучал меня магии, но магии не в обычном понимании, — то есть не в смысле владения сверхъестественными силами либо использования колдовских манипуляций, ритуалов и заклинаний для получения волшебных эффектов. С точки зрения дона Хуана магия — это способ реализации некоторых теоретических и практических предпосылок, касающихся природы восприятия и его роли в формировании окружающей нас вселенной.

Следуя пожеланиям дона Хуана, я воздержался от употребления слова «шаманизм» в качестве названия того рода знания, которому он учил меня, поскольку шаманизм — категория скорее антропологическая. Во всех своих книгах я употреблял то слово, которым пользовался сам дон Хуан — «магия». Однако, несколько разобравшись в том, чему же меня учили, я пришел к заключению, что название «магия» вносит дополнительную неясность в этот и без того не слишком ясный феномен.

Работы по антропологии описывают шаманизм как систему верований, присущую некоторым туземным народам северной Азии, а также некоторым индейским племенам Северной Америки. Согласно шаманистским трактовкам, наш мир пронизан невидимым миром духовных сил предков. Силы эти бывают как добрыми, так и злыми. Тот, кто владеет шаманскими практиками, способен вызывать их и ими управлять, являясь промежуточным звеном между нашей обычной реальностью и сферой сверхъестественных сил.

Дон Хуан действительно был связующим звеном между реальностью мира повседневности и невидимым миром, который он называл не сферой сверхъестественного, а сферой второго внимания. Его задача как учителя заключалась в том, чтобы сделать ее доступной моему восприятию. В предыдущей своей работе я описал методы обучения, которыми он для этого пользовался, а также те приемы магического искусства, которые он заставлял меня практиковать. Самым важным из них было особое искусство видеть сны — искусство контролируемого сновидения.

Дон Хуан утверждал, что мир, который мы считаем единственным и неизбежно абсолютным, является лишь одним из множества параллельно существующих миров, наподобие того, как располагаются слои в луковице. Он уверял, что все эти сферы иного бытия так же реальны, уникальны и абсолютны, как и наш мир. И мы обладаем способностью в определенной степени внедряться в них, хотя энергетически ограничены возможностью воспринимать только наш мир.

Дон Хуан объяснил мне, что одного желания недостаточно чтобы научиться воспринимать другие миры, — необходимо накопить энергию, достаточную для того, чтобы их «ухватить». Другие миры существуют постоянно и независимо от нашего осознания, но их недоступность нашему восприятию является целиком и полностью следствием нашей обусловленности. Другими словами, исключительно благодаря этой обусловленности мы вынуждены согласиться с тем, что мир нашей повседневности единственно возможный мир.

Дон Хуан считал, что наша энергетическая обусловленность вполне поправима. Он утверждал, что в древние времена маги разработали систему практических методов, призванных изменить энергетическую обусловленность способностей нашего восприятия. Этот набор практических методов получил название искусства сновидения.

Теперь, по истечении времени оглядываясь назад, я понимаю, что точнее всего дон Хуан охарактеризовал искусство сновидения назвав его «вратами в бесконечность». Тогда же я заявил, что эта метафора ни о чем мне не говорит.

— Хорошо, не будем пользоваться метафорами, — уступил он. — Так, искусство сновидения есть путь, посредством которого маги используют обычные сны.

— Как могут быть использованы обычные сны? — поинтересовался я.

— Слова, — сказал он. — Вечно они вводят нас в заблуждение. Когда мой учитель пытался объяснить мне, что такое искусство сновидения, он назвал его магическим способом желать миру спокойной ночи. Конечно, он просто старался подогнать свое описание под характер моей ментальности. Тоже самое делаю я в твоём случае.

По какому-то другому поводу дон Хуан сказал мне: — Сновидение должно быть испытано, иначе просто невозможно понять — что же это такое. Простое наблюдение снов не есть сновидение. Полет мысли, представление желаемого и любое действие по созданию картин в воображении — тоже не то.

Сновидение раскрывает перед нами возможность восприятия других миров. Мы можем описывать эти миры, но не способны описать то, что позволяет нам их воспринимать. И в то же время нам дано ощутить, каким образом сновидение открывает перед нами вход в иные сферы бытия. Я бы сказал, что сновидение — это ощущение, процесс, протекающий в теле, и осознание, возникающее в уме.

В ходе общего обучения дон Хуан подробнейшим образом объяснял мне принципы, теоретическое обоснование и практические приемы искусства сновидения. Инструкции его разделялись на две части. Первая из них касалась собственно методик практики сновидения, вторую составляли абстрактные объяснения этих методик. Метод обучения, которым пользовался дон Хуан, был своего рода игрой, построенной на взаимодействии моего чисто интеллектуального любопытства и моего желания удовлетворить это любопытство практически. Вначале дон Хуан заинтересовал меня изложением абстрактных принципов сновидения, а потом вводил в курс практической стороны, давая мне тем самым возможность удовлетворить свой интерес самым непосредственным образом.

Я уже описывал все это — настолько подробно, насколько мог. Описывал я также и ту особую магическую среду, в которую дон Хуан вводил меня, чтобы обучать своему искусству. Мое функционирование в этой среде представляло для меня особый интерес, поскольку оно полностью принадлежало к сфере второго внимания. Именно во втором внимании я взаимодействовал с десятью женщинами и пятью мужчинами — членами отряда дона Хуана, а также с его учениками, среди которых было четверо молодых людей и четыре молодые женщины.

Дон Хуан набрал учеников сразу же после того, как я вошел в его мир. Мне он со всей определенностью дал понять, что они образуют традиционную магическую группу, воспроизводящую структуру его собственной партии магов, и что мне предстоит их возглавить. Однако в ходе работы со мной он понял, что я не совсем таков, каким он меня представлял изначально. Отличие он объяснил в терминах энергетической конфигурации, которую могут видеть только маги.

Моя энергетическая сфера имела не четыре сектора, как сфера самого дона Хуана, а только три. Он ошибался, полагая, что сможет исправить этот дефект. Из-за такой энергетической конфигурации я совершенно не годился на роль лидера восьми набранных доном Хуаном учеников. Причем не годился настолько, что, не видя иного выхода, дон Хуан вынужден был набрать новую группу людей, в большей степени соответствовавших моей энергетической структуре.

Обо всех происходивших тогда событиях я уже писал, и достаточно подробно. Но я ни разу не упомянул о второй группе учеников. Дон Хуан строжайше запрещал мне делать это. Он утверждал, что они находятся всецело в моем поле. А согласно договору, заключенному между нами еще в самом начале, мне разрешалось писать только о том, что относилось к полю дона Хуана.

Вторая группа учеников, вернее учениц, бывшая исключительно компактной, состояла всего из трех членов: видящей Флоринды Грау, сталкера Тайши Абеляр и женщины-нагвая Кэрл Тиггс.

Мы взаимодействовали друг с другом исключительно во втором внимании. В мире повседневной жизни мы не имели друг о друге даже смутного представления. Что же касается отношений каждого из нас с доном Хуаном, то здесь все было совершенно ясно: он вкладывал одинаково огромные силы в обучение и тренировку каждого из нас. Тем не менее, ближе к концу, когда время дона Хуана было почти исчерпано, психологическое давление, вызванное его предстоящим уходом, начало разрушать бывшие до тех пор незыблемыми границы сферы второго внимания. В результате наше взаимодействие стало выплескиваться в мир повседневности. И мы впервые, как нам казалось, встретились.

В состоянии обычного осознания ни один из нас не знал о нашем глубоком и напряженном взаимодействии в сфере второго внимания. Поскольку все мы в той или иной степени были людьми рационального склада ума, мы были более чем в шоке, выяснив, что уже встречались прежде. В интеллектуальном плане этот факт был и, конечно же, остается, непостижимым для нас, хотя мы знали с полной определенностью, что все это ни в коей мере не выходит за пределы нашего практического опыта. Таким образом, мы были оставлены здесь наедине с тревожным знанием о том, что наша психика суть вещь неизмеримо более сложная, чем твердит нам наш повседневный рассудок или результаты академических научных исследований.

Однажды, когда дон Хуан еще был с нами, мы все одновременно попросили его внести ясность и объяснить нам, что с нами происходит. Он сказал, что возможны два варианта объяснения. Первый позволяет несколько поддержать нашу пошатнувшуюся рассудочность. Согласно этому варианту второе внимание — это состояние осознания, так же однозначно

относящееся к области иллюзий, как и парящие в небесах слоны. Поэтому все, что мы, как нам казалось, испытывали в этом состоянии, было не более чем результатом гипнотической суггестии. Второй вариант — то, как это понимается магами, — строится на рассмотрении энергетической конфигурации осознания.

Однако в ходе выполнения данных мне заданий по практике искусства сновидения, барьер второго внимания оставался для меня неизменным. Каждый раз, входя в состояние сновидения, я вступал и в сферу второго внимания. Но когда я просыпался, — это вовсе не обязательно означало, что я из нее вышел. Поэтому в течение многих лет мне удавалось вспомнить лишь крупницы опыта, обретенного мною в процессе сновидения. Основная же часть того, что я делал, была мне энергетически недоступна. На то, чтобы накопить количество энергии, достаточное для реорганизации содержимого моего ума и восстановления линейной последовательности событий, мне понадобилось пятнадцать лет — с 1973 по 1988 — непрерывной, напряженнейшей работы.

В конце концов я вспомнил. Выстроенные в ряд события дополняли друг друга, и мне наконец удалось заполнить места в памяти, казавшиеся поначалу пробелами. Таким образом я восстановил внутренний порядок и полную последовательность уроков дона Хуана, касавшихся практики искусства сновидения. Прежде такое восстановление всей полноты этой последовательности было для меня принципиально неосуществимо вследствие того, что дон Хуан постоянно заставлял состояние моего осознания колебаться между сферами повседневности и второго внимания.

Данная книга является результатом выполненной мною реорганизации осознания.

Теперь я подошел к заключительной части моей вводной статьи, а именно — к причинам, побудившим меня вновь взяться за перо и написать эту книгу. Обладая практически полной информацией, содержащейся в учении дона Хуана об искусстве сновидения, мне бы хотелось в будущих своих работах коснуться нынешнего положения и интересов четырех его последних учеников — Флоринды Грау, Тайши Абельяр, Кэрл Тиггс и меня самого. Но прежде чем взяться за рассказ о результатах нашего обучения под руководством дона Хуана и того влияния, которое он на нас оказал, я считаю необходимым изложить в свете своих новых знаний те разделы учения дона Хуана об искусстве сновидения, доступа к которым я ранее не имел.

Решающий же аргумент в пользу написания данной работы был сформулирован женщиной-нагваль Кэрл Тиггс. Она считает, что рассказывая о мире, оставленном нам в наследство доном Хуаном, мы наилучшим образом выражаем свою благодарность ему и преданность как учеников.

1. МАГИ ДРЕВНОСТИ (ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ)

Дон Хуан неоднократно повторял, что все, чему он меня учит, является плодом обработки определенными людьми того, что они видели и визуализировали. Людей этих он называл магами древности, ясно давая понять, что между ними и магами современности существуют принципиальные различия. К категории магов древности, дон Хуан относил людей, живших на территории Мексики за тысячи лет до Конкисты — испанского завоевания. На основании своих величайших достижений они создали магические структуры, отличавшиеся практичностью и конкретностью применения. Дон Хуан говорил, что эти люди были блестящими практиками, но вот мудрости им не хватало. В противоположность древним, маги современности, по словам дона Хуана, отличаются трезвостью ума и способностью упрощать и совершенствовать магическую практику в тех случаях, когда это, по их мнению, необходимо.

Как объяснил мне дон Хуан, магические предпосылки, из которых развилось искусство сновидения, были разработаны древними магами на основе того, что они увидели естественным образом. Ключевое значение этих предпосылок с точки зрения объяснения и понимания сновидения заставляет меня рассмотреть их еще раз. Поэтому, в силу необходимости, основная часть данной книги посвящена пересмотру и углублению понимания информации, уже излагавшейся мною в предыдущих моих работах.

В одном из наших разговоров дон Хуан заявил, что для оценки реального положения сновидящих и искусства сновидения, необходимо отдавать себе отчет в том, почему современные маги прилагают максимум усилий для перевода магии от конкретности к абстрактному.

— Что ты подразумеваешь под конкретностью, дон Хуан? — спросил я.

— Практическую часть магии, — ответил он. — Навязчивую фиксацию ума на практических методах и приемах, позволяющих влиять на других людей, что, впрочем, не всегда удается.

— А о чем ты говоришь, когда ведешь речь об «абстрактном»?

— О поиске свободы — не ограниченной привязанностями и наваждениями свободы восприятия во всем доступном человеческому существу диапазоне. Я говорю, что маги современности стремятся к абстрактному потому, что они стремятся к освобождению. Конкретные достижения их не интересуют. Ибо у них, в отличие от магов древности, нет никаких социальных функций. Ты никогда не встретишь современного мага в роли официального ясновидца или придворного чародея.

— То есть ты хочешь сказать, дон Хуан, что для современных магов прошлое не имеет никакого значения?

— Ну как же не имеет? Безусловно, имеет. У прошлого есть некий оттенок, который нам совсем не нравится. Лично для меня это — темнота и истощения разума. Мне нравится беспредельность мысли. Однако, независимо от того, что мне нравится, а что — нет, я должен отдать должное магам древности. Ибо они первыми обнаружили все то, что мы знаем и используем сегодня.

Дон Хуан объяснил, что важнейшим из достижений древних магов было обнаруженное ими умение воспринимать энергетическую сущность предметов, существ и явлений. Это глубинное прозрение имело столь существенное значение, что превратилось в основную предпосылку всего магического искусства. В наше время, подчиняя всю жизнь дисциплине и постоянно тренируясь, маги целенаправленно обретают способность воспринимать сущность вещей. Способность эту они называют видением.

— Какое значение для меня могла бы иметь возможность воспринимать энергетическую сущность вещей? — как-то спросил я дону Хуана.

— Это значит, что ты смог бы непосредственно воспринимать энергию, — ответил он. — Отбросив ту часть восприятия, которая связана с социальными интерпретациями, ты сможешь воспринимать внутреннюю сущность чего угодно. Все, что мы воспринимаем, есть энергия. Но, поскольку мы неспособны воспринимать ее непосредственно, без интерпретаций, мы, обрабатываем результаты восприятия, подгоняя их под определенный шаблон. Этот шаблон и есть социально значимая часть восприятия, которую надлежит выделить и изолировать.

— Почему я должен ее изолировать?

— Затем, что она целенаправленно уменьшает объем потенциально возможного восприятия, заставляя нас быть уверенными в том, что реально существующее ограничено шаблоном, под который мы подгоняем свое восприятие. Я убежден, что для выживания человечества людям необходимо срочно изменить саму социальную основу своего восприятия.

— А какова социальная основа восприятия, дон Хуан?

— Физическая определенность, уверенность в том, что мир состоит из отдельных конкретных объектов. Я называю это социальной основой потому, что каждый человек прилагает серьезные усилия, яростно пытаясь удержать свое восприятие мира в общепринятом русле.

— А как же тогда следует воспринимать мир?

— Все есть энергия. Вся Вселенная — это энергия. Должна измениться социальная основа нашего восприятия, само качество физической определенности должно стать иным. Нам следует обрести уверенность — именно физическую уверенность — в том, что не существует ничего, кроме энергии. Необходимо совершить усилие, достаточно мощное для того, чтобы изменить русло восприятия, заставив нас воспринимать энергию как энергию. Тогда обе возможности выбора будут в кончиках наших пальцев.

— Но возможно ли воспитать людей таким образом? — спросил я.

Дон Хуан ответил, что это возможно. Именно этим он и занимается со мной и другими учениками. Он обучал нас новому способу восприятия, для чего, во-первых, заставлял нас осознать, что мы обрабатываем результаты нашего восприятия, подгоняя их под определенный шаблон, и, во-вторых, усердно подталкивая нас к непосредственному восприятию энергии. Он заверил меня, что этот метод в значительной степени подобен тому, который используется для обучения нас восприятию мира повседневности.

Дон Хуан полагал, что западня социального шаблона, в которую поймано наше восприятие, теряет силу и прекращает работать, стоит только нам осознать природу принятого нами шаблона, унаследованного от предков без малейших попыток критически его исследовать.

— Неважно, положительно или отрицательно было значение восприятия Вселенной как мира конкретных твердых объектов, но нашим предкам этот режим восприятия был жизненно необходим, — сказал он. — В течение множества веков мы воспринимали мир именно таким, и теперь в результате вынуждены верить, что именно таковыми является, — миром, состоящим из обособленных конкретных предметов.

— Я не могу представить себе мир другим, дон Хуан, — пожаловался я. — Для меня он, вне всякого сомнения, — мир конкретных твердых объектов. Тем более, что доказать это ничего не стоит — достаточно один раз врезаться лбом в какой-нибудь из них.

— Но разумеется, мир вполне предметен. Мы против этого и не возражаем.

— О чем же тогда ты говоришь?

— О том, что в первую очередь мир является миром энергии, и лишь потом — миром объектов. Однако, если мы не начнем с предпосылки, гласящей, что мир — это энергия, мы никогда не обретем способности непосредственного восприятия энергии. Нас неизменно будет останавливать отмеченная только что тобою физическая очевидность «твердости» составляющих мир объектов.

Аргументы эти были для меня загадочными. В то время мой разум просто отказывался принимать к рассмотрению какие бы то ни было пути понимания мира, кроме традиционно привычного. Утверждение дон Хуана и установки, к которой он пытался развить, выглядели в моих глазах неким подобием диких теорем, которые я не мог ни принять ни отвергнуть.

— Наш способ восприятия — это способ, свойственный хищнику, — однажды сказал мне дон Хуан. — Очень эффективный метод оценки и классификации добычи степени опасности. Но это — неединственный доступный способ воспринимать. Существует и другой тип восприятия, с которым я и пытаюсь тебя познакомить — восприятия сущности всего: непосредственное восприятие энергии.

Восприятие сути всего заставит нас совершенно по-новому понять, классифицировать и описать мир. И это новое описание будет гораздо более захватывающим, чем привычное нам нынешнее, а его язык — несравнимо изощреннее и богаче.

Тот более изощренный и богатый язык, о котором шла речь, был языком магических истин, унаследованным доном Хуаном от его предшественников. Термины и понятия, присущие этому языку, не имеют под собой никакого рационального обоснования и никак не соотносятся с привычными фактами мира нашей повседневности, но являются самодостаточными истинами, совершенно очевидными для магов, способных непосредственно воспринимать энергию и видеть внутреннюю суть всего.

Самым значительным магическим действием для этих магов является непосредственное восприятие сущности вселенной. Дон Хуан считал, что наилучшим образом ее описали те маги древности, которые первыми ее увидели. Они говорили, что сущность вселенной напоминает светящиеся нити, протянувшиеся во всех мыслимых и немыслимых направлениях из бесконечности в бесконечность — светящиеся волокна, обладающие собственным непостижимым для человеческого ума самосознанием.

После того, как древние видящие увидели сущность вселенной, они научились видеть энергетическую сущность всех человеческих существ. Дон Хуан говорил, что они описали человеческие существа как яркие образования, формой напоминавшей гигантские яйца. Эти образования называли светящимися коконами.

— Когда маг видит человеческое существо, — продолжал дон Хуан, — он видит громадное светящееся образование, которое при перемещении оставляет глубокую борозду в энергетическом поле Земли. Оно как бы плывет, волоча за собой на подобии хвоста вспахивающий землю стержневидный корень.

Дон Хуан полагал, что наша энергетическая форма изменяется с течением времени. Он говорил, что любой видящий, в том числе и он сам, гораздо чаще видит людей не в форме яиц, а в форме шаров, а иногда — даже в форме чего-то прямоугольного, подобного надгробной плите. Но иногда, по неизвестным для магов причинам, им попадаются люди, чью форму они видят как яйцо. Дон Хуан предполагал, что люди, обладающие в наше время яйцеобразной формой, больше соответствуют по своей структуре людям древности.

В ходе изложения своего учения дон Хуан неоднократно повторял и разъяснял то, что он считал решающей находкой, сделанной магами древности. Он называл это критической характеристикой человеческого существа как светящегося шара, и описывал в виде круглого пятна особо интенсивной светимости размером с теннисный мячик, постоянно располагающегося внутри светящегося шара вровень с его поверхностью на расстоянии двух футов позади правой лопаточной кости тела человека.

Поскольку по началу у меня были проблемы с визуализацией всего этого, дон Хуан объяснил, что светящийся шар гораздо больше человеческого тела, и что пятно интенсивной светимости является частью этого энергетического шара. Располагается это пятно на уровне лопаток на расстоянии вытянутой руки от спины человека. Дон Хуан сообщил мне, что, увидев, как работает это пятно, древние маги называли его «точкой сборки».

— И как же работает точка сборки? — поинтересовался я.

— Она обуславливает наше восприятие, — ответил дон Хуан. — Древние маги видели, что именно там, в этой точке собирается восприятие человеческих существ. Увидев, что

подобным пятном светимости повышенной интенсивности обладает любое живое существо, древние маги пришли к заключению, что вообще любое восприятие, каким бы оно ни было, формируется как раз в этом месте.

— Что именно из того, что видели маги древности, привело их к заключению, что восприятие имеет место в точке сборки? — спросил я.

Он ответил, что, во-первых, они увидели, что непосредственно через точку сборки проходят лишь очень немногие из миллионов светящихся нитей вселенной. Это и неудивительно, ведь размер точки сборки относительно мал по сравнению с целым.

Во-вторых, они увидели, что точка сборки всегда окружена дополнительным сиянием сферической формы, немного больше нее по величине. Этим сиянием значительно усиливается свечение нитей, непосредственно проходящих через него.

И, наконец, они увидели еще две вещи. Первая — точки сборки человеческих существ могут изменять свое положение. И второе — при нахождении точки сборки в привычном положении восприятия и осознания человека производили впечатление нормальных, судя по поведению субъектов, за которыми проводились наблюдения. При смещении же точки сборки и окружающего ее сияния с привычного места, поведения наблюдаемых субъектов становилось странно необычным, что казалось доказательством наличия изменений в их осознании, равно как и некоторой трансформации их способа восприятия.

Вывод, который древние маги сделали на основании этих наблюдений, был следующим: чем больше сдвигается точка сборки из своего обычного положения, тем более странным становится поведение индивида, что, очевидно, следует из необычности осознания и восприятия.

— Обрати внимание, — предупредил меня дон Хуан, — когда я говорю о видении, то всегда пользуюсь фразами типа «похоже на то, что», «кажется». Дело в том, что результаты видения настолько уникальны и специфичны, что говорить о них можно только сопоставляя их с чем-то уже нам известным.

Он сказал, что наиболее подходящим примером сложности описания увиденного может служить то, как маги говорят о точке сборки и окружающем ее сиянии. Их описывают как зоны светимости повышенной яркости, хотя яркость тут не при чем, ведь видение осуществляется не при помощи глаз. Однако, чтобы как-то подчеркнуть отличие этих образований от всего остального, говорят, что точка сборки есть световое пятно, окруженное чем-то вроде гало, неким сиянием. Как подчеркнул дон Хуан, мы настолько скованы привычкой к преимущественно визуальному «восприятию хищника», что вынуждены интерпретировать все в терминах нормального визуального восприятия, свойственного хищнику, который смотрит глазами.

Дон Хуан рассказал, что, после того, как древние маги увидели точку сборки с окружающим ее сиянием и составили представление о их вероятной функции, они приступили к разработке объяснения. Они предположили, что, фокусируя сферическое сияние на энергетических нитях вселенной, непосредственно сквозь это сияние проходящих, точка сборки человеческих существ автоматически без какого бы то ни было предварительно осознанного намерения собирает эти или волокна, формируя из них устойчивую картину, воспринимаемого мира.

— Но каким образом волокна, о которых ты говоришь, могут быть собраны в устойчивую картину воспринимаемого мира? — спросил я.

— Этого не может знать никто, — ответил дон Хуан. — Маги видят движение энергии. Но видеть ее движение недостаточно, чтобы сказать, как и почему это происходит.

Дон Хуан утверждал, что, после того, как они увидели миллионы сознательных энергетических волокон, проходящих через точку сборки, древние маги сформулировали постулат, гласивший: проходя сквозь точку сборки, волокна собираются в пучок под действием окружающего точку сборки сияния. Увидев, насколько меркнет это сияние у людей, находящихся без сознания или при смерти, и как оно полностью исчезает у мертвецов, древние маги пришли к убеждению, что это сияние и есть свечение осознания.

— Имеется ли точка сборки у трупа? — поинтересовался я. Дон Хуан ответил, что у мертвого существа бесследно исчезает, поскольку именно она вместе с окружающим ее сиянием является основным признаком жизни и наличия осознания. На основании своих наблюдений маги древности пришли к неизбежному выводу: осознание и восприятие неразрывно связаны друг с другом, с точкой сборки и окружающим ее сиянием.

— Не может быть так, что древние маги ошиблись, когда пытались разобраться в том что видели? — спросил я.

— Я не могу объяснить тебе, почему, но маг никоим образом не может ошибиться, интерпретируя то, что видит, — ответил дон Хуан тоном, не допускающим возражений. — Выводы, к которым древние маги пришли в свое время, могут оказаться неправильными сейчас но лишь потому, что они давали неправильные интерпретации, будучи наивными и не

имея подготовки, в соответствующий нынешнему уровню понимания. Чтобы избежать подобных ошибок, маг, если он намерен заниматься интерпретациями, должен постоянно оттачивать свой ум.

Затем дон Хуан несколько смягчился и ответил, что, безусловно, гораздо менее опасно для мага оставаться на уровне простого описания увиденного, но побуждение обобщать, интерпретировать, делать выводы и объяснять — пусть хотя бы самому себе — чересчур сильно, чтобы ему можно было противиться. Воздействие смещения точки сборки на энергетическую конфигурацию существ стало еще одним объектом, который маги древних времен принялись изучать с помощью видения. Дон Хуан объяснил, что при смещении точки сборки в новое положение в этом месте формируется новый конгломерат светящихся энергетических волокон. Увидев это, маги древности пришли к выводу, согласно которому восприятие автоматически собирается там, где находится точка сборки, поскольку она всегда окружена свечением осознания. Однако в следствии того, что сборка осуществляется на новом месте и задействуют новые волокна, собранный мир не может не отличаться от привычного нам повседневного мира.

Дон Хуан объяснил, что древние маги различали два типа смещений точки сборки. Первый тип — смещение в любое положение по поверхности светящегося шара или внутрь него. Такое смещение получило название сдвига точки сборки. Второй тип — смещение точки сборки наружу, за пределы светящегося шара. Это было названо движением точки сборки. Маги древних времен обнаружили, что различие между сдвигом и движением определяется природа восприятия, формирующегося в результате смещения.

Поскольку сдвиг точки сборки является ее смещением в пределах светящегося шара, миры, воспринимаемые в следствии этого, какими бы странно причудливыми они не казались, принадлежат к человеческой сфере. Человеческая сфера составлена энергетическими волокнами, проходящими сквозь светящийся шар. В противоположность сдвигу, движение точки сборки является смещением ее в положение вниз светящегося шара, в результате чего задействуются волокна, относящиеся к сфере человека. Восприятие этих волокон вызывает к жизни немыслимые, непостижимые миры, в которых нет никаких следов чего бы то ни было, свойственного человеку.

В то время проблема получения подтверждений имела для моего разума огромное значение. По этому как-то по случаю я заявил:

— Ты меня прости, дон Хуан, однако все, связанное с точкой сборки, кажется мне настолько «притянутым за уши», настолько неприемлемым, что я просто не знаю, что мне делать с этим и что об этом думать.

— Сделать ты можешь только одно — увидеть точку сборки! — парировал он мою тираду. — Видеть не так уж сложно. Основная сложность состоит в том, чтобы пробить стену, которая сдерживает нас и не дает сдвинуться с места. Эта стена существует в уме каждого из нас. А чтобы ее разрушить, все что нам необходимо — это энергия. Как только мы накапливаем достаточное количество энергии, видение приходит само по себе. Просто случается так, что мы начинаем видеть. Весь фокус в том, чтобы выбраться из крепости удовлетворенности собой и ложного чувства безопасности.

— Дон Хуан, я вполне отдаю себе отчет в том, какой огромный объем знаний необходим для того, чтобы видеть. Это — не просто вопрос наличия энергии.

— Это есть вопрос наличия энергии. Самое сложное — убедить себя в том, что это возможно. А для этого необходимо верить нагвалю. Магия тем и чудесна, что каждый маг должен доказать все самому себе на собственном опыте. И я рассказал тебе о принципах магического искусства отнюдь не с надеждой на то, что ты все это запомнишь. Я рассчитываю на практическое применение тобой этих принципов.

Говоря о необходимости верить нагвалю, дон Хуан, несомненно, был прав. На начальных стадиях моей тринадцатилетней работы с ним мне труднее всего было принять его мир и его как личность. Ибо это предполагало безраздельную веру и безоговорочное принятие его как нагваля.

Роль дон Хуана в магическом мире в полной мере описывалась его статусом среди таких же магов, как он. Они звали его нагвалем. Мне в свое время объяснили, что этим понятием обозначается человек — мужчина или женщина — обладающий энергетической конфигурацией особого типа, которую видящий воспринимает как двойной светящийся шар. Видящие считают, что когда такой человек вступает в магический мир его избыточная энергия превращается в мерило силы и способности к лидерству. Нагваль, таким образом, является естественным лидером, его призвание — возглавить группу магов.

Поначалу мысль о таком доверии к дону Хуану выводила меня из равновесия, будучи противоестественным. Когда я сообщил ему об этом, он успокоил меня, сказав, что для него проблема доверия к учителю стояла не менее остро.

— Как-то я сказал своему учителю в точности тоже самое, что ты мне, — сказал дон Хуан. — Он ответил, что без веры в нагваля не может быть избавление от всего того, чем захламлена наша жизнь, и потому не может быть освобождения. Без сомнения, он был прав.

Я еще раз выразил свое принципиальное несогласия. Я рассказал ему, что меня воспитывали в гнетущей обстановке религиозного фанатизма, и что это очень плохо на мне отразилось. Его же утверждение, равно как и утверждение его учителя, напоминали мне о догматах смирения и покорности, которыми я был сыт по горло с детства.

— Твои слова о нагвале звучат как догмат символа веры, — сказал я ему.

— Ты можешь верить во что угодно, — возразил он. — Но факт остается фактом: нет игры без нагваля. Я это знаю и я это говорю, также, как и все нагвали до меня. Но как и я, они говорили это вовсе не из чувства собственной важности. И когда говорится, что без нагваля не может быть пути, подразумевается лишь одно: нагваль — человек особый, потому что он лучше кого бы то ни было способен отражать абстрактное, дух. Но и только. Все мы связаны с духом напрямую, и лишь опосредованно — с человеком, который приносит нам послание духа.

Я научился безоговорочно доверять дону Хуану как нагвалю. Как он говорил, это принесло мне чувство огромного облегчения и способность принять все то, чему он меня учил.

При изложении своего учения дон Хуан уделял внимание всему, связанному с точкой сборки. Однажды я спросил у него, имеет ли точка сборки какое-либо отношение к физическому телу.

— К тому, что мы обычно воспринимаем в качестве человеческого тела, точка сборки отношения не имеет, — ответил он. — Точка сборки частью светящегося яйца — нашей энергетической сущности.

— За счет чего она смещается? — спросил я.

— За счет воздействия потоков энергии. Их генерируют энергетические всплески внутри или вне нашей энергетической формы. Как правило, формирование потоков непредсказуемо и происходит по случайным законам. Однако маги не только предвидят характер и поведение энергетических потоков, но и подчиняют их своему намерению.

— А ты сам ощущаешь эти потоки?

— Их ощущает каждый маг. Их чувствует и любое человеческое существо, но обычные люди слишком заняты своими повседневными делами, чтобы обращать внимание на подобные ощущения.

— На что похоже ощущение энергетического потока?

— Легкий дискомфорт, мимолетная печаль, которая сменяется эйфорией. Поскольку ни печаль ни эйфория не имеют объяснимой причины, мы обычно не склонны относиться к ним как к достоверному признаку того, что на нас накатывается неизвестное. Мы списываем это на счет необъяснимых и в общем-то не очень здоровых колебаний настроения.

— Что происходит, когда точка сборки сдвигается за пределы энергетической формы? Она зависает снаружи? Или как-то прикрепляется к светящемуся шару?

— Она вытягивает контур светящегося шара вовне, не разрывая его энергетических границ.

Дон Хуан объяснил, что конечным результатом движения точки сборки является полное энергетической формы человеческого существа. Вместо того, чтобы оставаться яйцом или шаром, она трансформируется в нечто, напоминающее по виду курительную трубку. Конец мундштука — это точка сборки, чашка — то, что осталось от светящегося шара. Если точка сборки продолжает движение, то в конце концов наступает момент, когда светящийся шар превращается в тонкую полоску энергии.

Далее дон Хуан объяснил, что трансформация энергетической формы — это достижение, на которое были способны только маги древности.

Я поинтересовался, оставались ли эти люди по-прежнему людьми после того, как их энергетическая форма изменялась.

— Конечно же, они по-прежнему оставались людьми, — ответил дон Хуан. — Но я думаю, ты хотел бы знать, оставались ли они людьми здравого смысла, которым можно было бы доверять. На этот вопрос я бы ответил: нет, не совсем.

— Чем они отличались?

— Своими побуждениями. Нормальные человеческие цели, склонности и мотивы ровным счетом ничего для них не значили. Кроме того, их внешность тоже определенным образом изменялась.

— Ты имеешь в виду, что они переставали быть похожими на людей?

— Об этих магах очень сложно сказать что-либо наврное. Выглядели они, безусловно, как люди. На кого еще они могут быть похожи? Но в то же время они отличались от того обычного человеческого образа, который ты или я себе представляем. Но если бы ты

попросил меня описать, чем именно они отличались, я не смог бы этого сделать, и ходил бы кругами как собака, которая пытается ухватить себя за хвост.

— Тебе самому приходилось с кем-нибудь из них встречаться, дон Хуан?

— Да, с одним приходилось.

— Как он выглядел?

— На первый взгляд — как обычный человек. Необычным было его поведение.

— Что именно было в нем необычным?

— Могу только сказать, что его поведение было совершенно невообразимым, но не в смысле манеры себя вести. Чтобы оценить это, нужно увидеть самому.

— И что, все те маги были похожи на того, которого ты встречал?

— Нет, конечно. Я не знаю, какими были другие. Разве что по магическим историям, передающимся из поколения в поколение. А в этих историях они предстают в очень причудливом виде.

— Чудовищном?

— Да нет. Говорят, что они были даже привлекательными, хотя иногда и страшноваты. Они больше были похожи на неких неведомых существ. Все мы — светящиеся шары, и это делает человечество однородных. А те маги не были более шарами, но стали полосами энергии. Они пытались сворачиваться в кольца, но это им не вполне удавалось.

— И что же с ними в конце концов случилось, дон Хуан? Они вымерли?

— В магических историях говорится, что поскольку им удалось растянуть свою энергетическую форму, продолжительность существования их сознания также растянулась. Так что они живы, и по сей день находятся в сознании. Даже ходят рассказы о том, как они периодически объявляются на земле среди людей.

— А сам ты что об этом думаешь, дон Хуан?

— Для меня это чересчур эксцентрично. Меня интересует свобода. Свобода растворится в бесконечности, сохранив сознание. С моей точки зрения эти древние маги были существами экстравагантными, одержимыми и капризными. Они попались на удочку своих же собственных манипуляций.

Но ты не позволяй моему личному мнению сбить тебя с толку. Ибо нет ничего, равного достижениям магов древних времен. По крайней мере, они доказали, что потенциальные возможности человека более чем достойны серьезного отношения.

Еще одной темой объяснений дон Хуана была необходимость энергетической однородности, и внутренней связи для адекватности восприятия. Он утверждал, что человечество воспринимает известный нам мир в том виде, в котором мы его воспринимаем, только благодаря тому, что все мы обладаем одинаковыми характеристиками энергетической однородности и внутренней связи для адекватности восприятия. Он утверждал, что человечество воспринимает известный нам мир в том виде, в котором мы его воспринимаем только благодаря тому, что все мы обладаем одинаковыми характеристиками энергетической однородности и внутренней связи. Мы автоматически обретаем соответствующие энергетические характеристики в процессе воспитания и относимся к ним как к чему-то само собой разумеющемуся.

И мы не отдаем себе отчета в их жизненно важном значении до тех пор, пока не сталкиваемся с возможностью восприятия миров, отличных от того, который нам известен. Но когда это происходит, мы со всей очевидностью осознаем, что для адекватности и полноты восприятия новой реальности нам требуются новые характеристики энергетической однородности и внутренней связи.

Я спросил, что такое однородность и внутренняя связь. Он ответил, что под однородностью понимается однородность формы — все человеческие существа на земле обладают формой шара или яйца. А тот факт, что человеческая форма сохраняет компоновку шара или яйца, говорит о наличии у человеческого энергетического поля определенной внутренней связи. Примером формирования нового типа энергетической однородности и внутренней связи может служить трансформация энергетической формы древних магов. Новые характеристики однородности обусловили их превращения в полосу: все они как один сделались полосами. А новые характеристики внутренней связи позволяют им сохранять новую форму, оставаясь полосами. Сочетание же новых характеристик однородности и внутренней связи на уровне энергетической полосы позволяют древним магам воспринимать новый непрерывный мир.

— Каким образом приобретаются соответствующие характеристики однородности и внутренней связи? — спросил я.

— Ключом является положение точки сборки, вернее, ее фиксация, — ответил дон Хуан.

В тот раз он не захотел вдаваться в детали. По этому я спросил, могут ли древние маги восстановить себя в форме яйца. Дон Хуан ответил, что был момент, когда они могли это сделать, но не захотели. А затем линейная внутренняя связь закрепились и возвращение

стало невозможным. Но дон Хуан полагал, окончательная кристаллизация линейной структуры внутренней связи и невозможность возвращения были обусловлены их выбором, продиктованным жадностью. Дело в том, что объем восприятия и возможности этих магов был в астрономическое число раз более обширным чем объем восприятия любого обычного мага, не говоря уже об обычном человеке.

Дон Хуан объяснил, что для существа шарообразной формы сферой человеческого является весь объем в пределах границы шара, сквозь который проходят энергетические волокна. В нормальном состоянии мы воспринимаем не всю сферу человеческого, но, наверное, не более одной тысячной ее общего объема. С учетом этого факта очевидным становятся невероятный масштаб достижения древних магов, умудрившихся растянуть себя в полосу, захватывающую в тысячи раз больше волокон, чем шар, и при этом научившихся воспринимать все проходящие сквозь них волокна.

По настоянию дон Хуана я изо всех сил старался понять новую для меня модель энергетической конфигурации. Он втолковывал мне ее снова и снова, и наконец я кое-как справился с идеей энергетических волокон, существующих внутри и вне светящегося шара. Но как только я начинал представлять себе множество светящихся шаров, модель мгновенно разваливалась в моем уме. Я рассуждал так: те волокна, которые являются внешними для одного светящегося шара, частично окажутся для другого шара, смежного с первым. Получилось, что при достаточно большом количестве шаров внешних волокон вообще не может быть, ибо все они окажутся внутри соприкасающихся других шаров.

— Понимание всего этого не является упражнением для разума, — сказал дон Хуан, внимательно выслушав мои доводы. — Вряд ли я смогу объяснить, что именно имеют в виду маги, говоря о волокнах внутри и вне человеческой формы. Когда видящий видит человеческую форму, он видит один-единственный шар энергии. Твое представление относительно множества шаров продиктовано привычкой воспринимать людей как толпу. Но в энергетической вселенной толп не существует. Там есть только отдельные индивидуумы, одинокие, окруженные безграничностью. Ты должен увидеть все это сам.

Я возразил, что с его стороны ни к чему говорить мне о самостоятельном видении, поскольку он знает, что я на это не способен. В ответ он предложил мне одолжить у него немного энергии и воспользоваться ею для того, чтобы увидеть.

— Как я могу сделать это — одолжить у тебя энергию?

— Очень просто. Я могу заставить тебя сдвинуть в новое положение, более подходящего для не посредственного восприятия энергии.

Это был первый на моей памяти случай, когда он намеренно заговорил о том, что все время делал: вводил меня в некоторое непостижимое состояние осознания, которое он называл вторым вниманием, и которое бросало вызов всем моим понятием о мире и о самом себе. Итак, чтобы заставить мою точку сборки сдвинуться в более подходящее для не посредственного восприятия энергии положение, дон Хуан хлопнул меня по спине между лопаток с такой силой, что у меня перехватило дыхание. Мне показалось, что я провалился в обморок, либо заснул. Вдруг я обнаружил, что смотрю или что мне снится, будто я смотрю на что-то в буквальном смысле неопишемое. Это нечто распространялось во все стороны бесконечно. Оно было образовано чем-то, что напоминало световые струны, но не было похоже ни на что, когда-либо мною виденное или даже воображаемое.

Когда я вновь обрел дыхание, а может быть — проснулся, дон Хуан, выжидательно посмотрев, спросил:

— Что ты видел?

Я совершенно искренне ответил:

— Твой удар заставил меня увидеть звезды.

Услышав это, дон Хуан согнулся пополам от хохота. Потом он отметил, что я просто еще не готов справиться с восприятием необычных вещей.

— Я заставил твою точку сборки сдвинуться, — продолжал дон Хуан, — и в течение мгновения ты созерцал в сновидении энергетические волокна вселенной. Но тебе конечно не хватает то ли дисциплины, то ли энергии на реорганизацию характеристик однородности, и внутренней связи. Древние маги были непревзойденными мастерами такой реорганизации. Именно за счет этого им удавалось увидеть все, что только вообще способен увидеть человек.

— Что значит «реорганизовать характеристики однородности и внутренней связи»?

— Это значит — войти в состояние второго внимания, удерживая точку сборки в новом положении и не давая ей сдвинуться в исходное.

Затем дон Хуан остановился на традиционном определении второго внимания. Он сказал, что вторым вниманием древние маги называли результат фиксации точки сборки в новом положении. Они рассматривали второе внимание как полноценную сферу действия подобную обычному повседневному вниманию. Дон Хуан подчеркнул, что маги

действительно обладают двумя полноценными сферами деятельности. Одна из них — небольшая — называется первым вниманием, осознанием мира повседневности, или фиксацией точки сборки в привычном положении. Вторая сфера деятельности гораздо больше первой. Это — второе внимание, осознания иных миров, или фиксация точки сборки в огромном множестве всех возможных положений.

Применяя то, что он называл магическим маневром, дон Хуан помогал мне переживать совершенно невероятные состояния. Маневр заключался в том, что он либо слегка хлопывал, либо сильно ударял меня на уровне лопаток. Как он объяснял, удары смещали мою точку сборки. Для меня такие смещения означали переход осознания в беспокоящее состояние ни с чем несравнимой ясности — состояние сверхсознания, продолжавшееся недолго, но позволявшее мне постигать все что угодно с минимальными усилиями и минимальной подготовкой. Восприятие мое в этом состоянии по большей части напоминало странные сны, необыкновенно интенсивные по сравнению с нормальным состоянием осознания.

Дон Хуан оправдывал неизбежность такого маневра тем, что основные понятия и базовые процедуры маг может изложить своему ученику только когда тот находится в нормальном состоянии сознания, но для того, чтобы ученик усвоил подробные абстрактные объяснения, маг вынужден переводить его в состояние второго внимания.

Обычно ученик совершенно не помнит объяснений, полученных им во втором внимании. Но они тем не менее накапливаются где-то в его памяти и там хранятся в неизменном виде. Маги научились использовать это кажущееся странным свойство памяти, превратив процесс восстановления сознательной памяти того, что происходило с ними во втором внимании, в одну из самых сложных и трудно выполнимых традиционных задач магии.

Это кажущееся странным свойство памяти, а также трудно выполнимость задачи вспоминания маги объясняют следующим образом. Каждый раз, когда человек входит во второе внимание, его точка сборки оказывается в новом положении, до этого ей неизвестным. Вспомнить — значит повторно сдвинуть точку сборки в то место, где она была во время пребывания человека во втором внимании. Дон Хуан заверил меня, что маги могут не только абсолютно полностью восстановить все содержимое памяти, но также оживить любое переживание, когда-либо испытанное ими во втором внимании. Для этого они намеренно сдвигают точку сборки в нужные положения. И еще дон Хуан говорил, что на выполнения задачи восстановления содержимого памяти у магов уходит вся жизнь.

Когда я находился во втором внимании, дон Хуан давал мне подробнейшие объяснения относительно искусства магии. Он знал, что точность и корректность останутся со мной, вероятнее всего, в нетронутom виде, на всю мою жизнь.

По поводу вероятности их сохранения дон Хуан говорил:

— Восприятие человека, находящегося во втором внимании, подобно восприятию ребенка. По этому то, что мы узнаем, остается с нами на всю жизнь. «привычка — вторая натура» — как мы говорим о чем-то, усвоенном в раннем возрасте.

С позиций своего нынешнего знания я понимаю, что дон Хуан заставлял меня входить в состояние второго внимания так часто, как только мог, и на возможно более продолжительное время для того, чтобы подольше поддержать мою точку сборки в возможно большем количестве разных положений и научить меня адекватному восприятию при сдвинутой точке сборки. Другими словами, его целью было заставить меня реорганизовать свою однородность и внутреннюю связь.

Бесчисленное количество раз я воспринимал все также точно и ясно, как я воспринимал мир повседневности в обычном состоянии осознания. Проблемой для меня было возведение моста между моими действиями во втором внимании и моим обычным осознанием. Чтобы понять, что же такое есть второе внимание, мне понадобилось массу времени и сил. И не столько в следствии сложности и замысловатости второго внимания, которые сами по себе весьма усложняли ситуацию, сколько потому, что мне было до невозможности трудно вспомнить не только то, как я входил в состояние второго внимания, но даже то, что такое состояние вообще существует.

Еще одним прорывом, который по утверждению древних магов, имел фундаментальное значение и о котором дон Хуан рассказывал самым подробным образом, было сделанное древними магами открытие того, что точка сборки очень легко смещается во время сна. Это открытие повлекло за собой еще одно: сны обусловлены смещением точки сборки. Маги древних времен увидели — чем значительнее сдвиг, тем более необычные сны видит человек, и наоборот, чем более необычные сны видит человек, тем значительнее сдвиг точки сборки. Дон Хуан рассказал, что эти наблюдения привели к разработке древними магами в весьма экстравагантных приемов смещения точки сборки, таких как употребление внутрь растений, вызывающих изменения состояния сознания, а также использование с этой целью состояний голода, крайней усталости и стрессовых ситуаций. Особое же внимание они

уделили разработке практики управления снами. Тем самым, вероятно, даже не подозревая об этом, они создали метод, получивший в последствии название практики сновидения.

Однажды дон Хуан сформулировал наиболее адекватное с точки зрения магического искусства определение сновидений. Это произошло во время нашей с ним прогулки по главной площади в городе Оахака.

— Маги рассматривают сновидения как исключительно сложное искусство, — сказал дон Хуан, — искусство намеренного смещения точки сборки из ее привычного положения с целью расширения диапазона восприятия и углубления его интенсивности.

И он рассказал, что в основу своего искусства сновидения, древние маги-видящие положили пять особенностей энергетического потока человеческих существ. Во-первых, древние маги увидели, что те энергетические волокна, которые проходят непосредственно сквозь точку сборки, могут быть собраны в адекватное восприятие.

Во-вторых, они увидели, что если точка сборки смещается в новое положение, то, независимо от того, насколько мало ее смещение, сквозь ее начинают проходить новые, ранее незадействованные волокна, тем самым изменяется осознание, и новые, ранее незадействованные поля энергии собираются в устойчивое связанное восприятие.

В-третьих, они увидели, что, когда человек видит обычные сны, точка сборки легко смещается в новые положения вдоль поверхности светящегося яйца и внутрь него.

В-четвертых, они увидели, что можно заставить точку сборки смещаться в положения, находящиеся вне светящегося яйца — в большой внешней вселенной.

И в-пятых, они увидели, что по средствам соответствующей дисциплины во время обычного сна и созерцания обычных сновидений можно выработать и систематически практиковать целенаправленное смещение точки сборки.

2. ПЕРВЫЕ ВРАТА СНОВИДЕНИЯ

Прежде чем приступить к своему первому уроку по искусству сновидения, дон Хуан остановился на том, как, постепенно прогрессируя, развивается способность человека управлять вторым вниманием. Сначала человек просто испытывает любопытство, не особенно веря в то, что овладение вторым вниманием является для него реальной возможностью. Затем второе внимание превращается в нечто, порождающее ощущение, — теперь уже человек начинает его чувствовать. И в конце концов оно развивается в новое состояние бытия, практическую реальность. Второе внимание становится выдающейся силой, нашим пропуском в удивительные миры, образы которых до этого не могли явиться нам даже в наших самых необузданных фантазиях.

Существует два способа изложения магического искусства. Первый — с помощью метафоричных описаний мира магических измерений. Второй — с помощью абстрактной терминологии, свойственной теории и практике магии. Я всегда предпочитал второй способ, хотя обычно рациональный ум человека Запада вряд ли сможет удовлетвориться любым из этих двух способов.

Дон Хуан объяснил мне, что скрывалось за его метафорическим описанием развития способности управления вторым вниманием. Являясь результатом смещения точки сборки, второе внимание не может развиваться естественным образом, само по себе. Оно формируется под действием намерения. Таким образом, сначала человек должен генерировать намерение развить второе внимание. При этом второе внимание остается не более чем идеей. Но, в конце концов, человек вырабатывает намерение сохранять второе внимание как устойчивое контролируемое смещение точки сборки.

— Итак, мы на начнем с первого шага к овладению силой, — сказал дон Хуан, приступая к изложению искусства сновидения. — Я намерен обучить тебя практике настройки сновидения.

— Что такое настройка сновидения?

Настроить сновидение — значит обрести практическую способность точно управлять общим ходом развития ситуации в сновидении. Например, тебе снится, что ты — в учебном классе. В данном случае настройка сновидения будет заключаться в том, что ты не дашь ситуации, развивающейся во сне, переметнуться в другое место. Ты не перепрыгнешь из класса в горы. Другими словами, ты контролируешь вид класса и не позволяешь ему исчезнуть до тех пор, пока сам того не захочешь.

— Но разве такое возможно?

— Вполне. Этот тип контроля ничем не отличается от контроля, которым мы обладаем в любой ситуации нашей повседневной жизни. Маги привыкают к этому и пользуются контролем сновидения, когда им это необходимо. Для того, чтобы выработать привычку контролировать сны, тебе необходимо начать с чего-нибудь очень простого. Сегодня ночью ты должен будешь смотреть во сне на свои руки.

Когда я находился в нормальном состоянии осознания, мы почти никогда не касались этой темы. Однако, вспоминая то, что происходило со мной, когда я находился во втором внимании, я обнаружил, что мы возвращались к теме настройки сновидения и обсуждали ее гораздо подробнее. Я, например, высказал дону Хуану все, что думал по поводу абсурдности данного мне задания. В ответ на это дон Хуан предложил мне относиться к заданию как к занятому приключению — своего рода забаве, — а не как к чему-то серьезному и утомительному.

— Всю свою серьезность ты можешь вкладывать в наши беседы о сновидении, — продолжал дон Хуан. — Объяснения всегда требуют глубокого осмысления. Ты можешь быть тяжелым и мрачным — это нормально. Но, созерцая сны, будь легче перышка. Безусловно, практика сновидения требует целостности и серьезного отношения, но качество серьезности здесь несколько иное — это серьезность беззаботного смеха, каким смеется человек, которому не о чем беспокоиться в этом мире. Только при выполнении этого условия искусство видеть сны превращает их в сновидения.

Дон Хуан уверял, что руки он выбрал произвольно. Объектом для фиксации взгляда во сне могли бы быть не руки, а что угодно другое, все равно прием бы работал. Смысл задачи заключается не в том, чтобы отыскать в увиденном сне определенный предмет, а в том, чтобы задействовать свое внимание сновидения.

Дон Хуан описал внимание сновидения как контроль, который человек обретает над сном, фиксируя точку сборки в любом новом положении, где она оказывается, вследствие ее смещения во сне. Более обобщенно он назвал внимание сновидения непостижимой гранью осознания, которая всегда существует сама по себе, ожидая момента, когда мы соблазним ее целью. Внимание сновидения — это скрытая потенциальная возможность, инструмент, который каждый из нас хранит в резерве. Однако возможности применить этот инструмент в повседневной жизни нам, как правило, так никогда и не предоставляется.

Первые мои попытки взглянуть во сне на свои руки окончились полным провалом. После нескольких месяцев безуспешных усилий я прекратил это занятие и в очередной раз пожаловался дону Хуану на абсурдность поставленной им передо мной задачи.

— Существует семь врат, — сказал мне в ответ дон Хуан. — Сновидящий должен открыть их — все семь, по очереди. Сейчас ты стоишь перед первыми вратами. И, если ты намерен овладеть искусством сновидения, тебе предстоит их открыть.

— Почему ты раньше ничего мне об этом не говорил?

— Было бессмысленно рассказывать тебе о вратах сновидения прежде, чем ты уткнешься лбом в первые из них. Теперь ты знаешь: они реально существуют и они являются препятствиями, которые необходимо преодолеть.

Дон Хуан объяснил, что в энергетическом потоке вселенной имеются входы и выходы, и что в конкретном случае сновидения входов — семь. Сновидящий воспринимает их как препятствия, которые и были названы магами семью вратами сновидения.

— Первые врата — это особый порог. Преодолевается он посредством осознания особого ощущения, возникающего перед тем, как человек проваливается в глубокий сон, — говорил дон Хуан. — Это ощущение сродни чувству приятной тяжести, которая не дает нам открыть глаза. Мы достигаем врат в то самое мгновение, когда осознаем, что засыпаем, паря во тьме и ощущении тяжести.

— Но как я могу осознать, что засыпаю? Существуют ли какие-либо специальные приемы?

— Нет. Никаких специальных приемов. Просто намерение осознать, что засыпаешь.

— Но откуда мне взять такое намерение?

— Намерение — это вещь, о которой очень сложно сказать что-нибудь вразумительное. Если я или кто бы то ни было попытается объяснить, что такое намерение, — его слова будут напоминать идиотический бред. Сейчас я попробую сформулировать. Маг формирует намерение совершить то, что он намерен совершить, просто за счет того, что он намеревается это совершить.

— Но это же ничего не значащая бессмыслица, дон Хуан.

— А ты отнесись к ней повнимательнее. Ведь когда-нибудь тебе самому придется все это объяснять. Мое утверждение кажется тебе бессмысленным потому, что ты не рассматриваешь его в соответствующем контексте. Как любой рационально мыслящий человек, ты относишь понимание исключительно к сфере рассудочного здравого смысла, то есть — к сфере ума.

Но в моем утверждении речь идет о намерении. Поэтому с точки зрения мага понимание этой формулировки относится к сфере функций энергетического тела. Маги считают, что если у человека возникает намерение понять эту формулировку, его энергетическое тело понимает ее совсем иначе, чем это мог бы сделать его ум. Весь фокус в том, чтобы добраться до энергетического тела. А для этого нужна энергия.

— В каких терминах понимает такую формулировку энергетическое тело, дон Хуан?

— Как ощущение, чувство в теле, которое очень тяжело описать. Чтобы узнать, о чем я говорю, тебе необходимо самому это почувствовать.

Я хотел, чтобы он объяснил точнее, но дон Хуан хлопнул меня по спине, переведя тем самым во второе внимание. В то время эта его манипуляция еще оставалась для меня тайной. Я мог бы поклясться, что своим прикосновением он меня загипнотизировал. Я думал, что он мгновенно усыпил меня, и это во сне я вижу себя рядом с ним — мы идем по какой-то широкой обсаженной деревьями улице совершенно незнакомого города. Сон был настолько ярким, а мое осознание происходящего — настолько четким, что я немедленно попытался сориентироваться, читая вывески и рассматривая людей. Говорили вокруг определенно не по-английски и не по-испански, но город был западным. Люди на улицах были похожи на жителей Северной Европы. Я подумал, что, вероятно, это — литовцы, и принялся изучать надписи на домах и дорожные знаки.

Дон Хуан слегка подтолкнул меня и сказал:

— Брось, ты не определишь, где мы, поскольку это невозможно. Просто я одолжил тебе немного своей энергии, чтобы ты смог добраться до своего энергетического тела, и это позволило тебе перейти в другой мир. Однако ненадолго, так что постарайся мудро использовать это время.

Постарайся все рассмотреть, но не слишком открыто — так, чтобы никто тебя не заметил.

В молчании мы прошли один квартал. Это оказало на меня потрясающее воздействие. По мере того, как мы шли, внутри моего тела нарастало ощущение тревоги. Умом я испытывал любопытство, но тело мое было обеспокоено. С пронзительной ясностью я осознал, что нахожусь не в своем мире. Когда мы дошли до перекрестка и остановились, прежде чем перейти улицу, я обратил внимание на аккуратно подстриженные деревья с жесткими скрученными листьями. Вокруг ствола каждого дерева был широкий не мощный квадрат для полива. И ни на одном из этих квадратов я не увидел мусора или травы, столь обычных для городских клумб. Только угольно-черная рыхлая почва.

В тот миг, когда я, прежде чем ступить на мостовую и перейти улицу, взглянул на бордюр тротуара, я вдруг заметил, что на улицах нет машин. Тогда я сделал отчаянную попытку разглядеть людей, во множестве мельтешивших вокруг нас, рассчитывая увидеть что-нибудь, что хоть как-то объяснит мне природу охватившей меня тревоги. Как только я начинал смотреть на кого-либо, тот смотрел на меня в ответ. Мгновенно вокруг нас образовалось кольцо жестких голубых и карих глаз.

Словно молния, меня пронзила догадка: это вовсе не сон, это — реальность, не имеющая отношения к тому, что я привык считать реальным. Я повернулся к дону Хуану. Я почти понял, что странного было в этих людях, но тут необычный сухой ветер ударил мне в лицо, проникая внутрь и задувая в глаза, уши, рот, нос, затуманив мое зрение и заставив меня забыть то, что я собирался сказать дону Хуану. Мгновение спустя я был там, откуда начиналось это путешествие — в доме дона Хуана. Я лежал на соломенной циновке, свернувшись калачиком.

— Я одолжил тебе немного своей энергии, и ты достиг твоего энергетического тела, — сообщил мне дон Хуан таким тоном, словно речь шла о чем-то само собой разумеющемся.

Я слышал его слова, но сам я был нем. Необычный зуд в солнечном сплетении делал дыхание поверхностным и болезненным. Я знал, что был где-то на грани некоторого трансцендентального открытия о сновидении и людях, которых видел, но сосредоточиться на том, что я знал, мне не удавалось.

— Где мы были, дон Хуан? Это был сон? Или гипнотическое состояние?

Это был не сон, — ответил он. — Это было сновидение. Я помог тебе достичь второго внимания, чтобы ты понял — намерение — объект, относящийся не к сфере рассудка, но к сфере энергетического тела.

На нынешнем этапе ты не можешь постичь всей важности того, о чем идет речь. Не только потому, что не обладаешь достаточным количеством энергии, но и ввиду того, что тебе незнакомо намерение. Ты никогда раньше не намеревался что-либо совершить или добыть. Если бы ты знал, что это такое, твое энергетическое тело мгновенно постигло бы, что единственный путь формирования намерения заключается в том, чтобы сосредоточить свое намерение на том, что ты намереваешься совершить или получить. В этот раз я сосредоточил его за тебя на достижении твоего энергетического тела.

— Цель сновидения — формирование намерения добраться до энергетического тела? — вдруг спросил я, побуждаемый каким-то странным импульсом.

— Да, конечно, можно сказать и так, — согласился дон Хуан. — В данной конкретной ситуации, поскольку мы ведем речь о первых вратах сновидения, целью сновидения является формирование намерения заставить энергетическое тело осознать, что ты засыпаешь. Заставить нужно не себя, а свое энергетическое тело. Причем скорее не заставить, а просто позволить ему осознать, что ты засыпаешь. Ибо намерение — это

желание, в котором отсутствует желание, действие, в котором отсутствует деяние. Намереваться — значит, хотеть, не желая, делать, не делая.

— Прими вызов намерения, — продолжал дон Хуан. — Молча, с полной определенностью и без единой мысли, убеди себя в том, что ты достиг своего энергетического тела, что ты — сновидящий. Сделав это, ты автоматически научишься осознавать момент засыпания.

— Но как я могу убедить себя в том, что я — сновидящий, если мне доподлинно известно, что я таковым не являюсь?

— Когда ты слышишь о том, что должен себя в чем-то убедить, ты автоматически становишься более рациональным. Как можешь ты убедить себя в том, что ты — сновидящий, если тебе доподлинно известно, что ты таковым не являешься? Все дело в намерении. Ты убеждаешь себя в том, что ты — сновидящий, хотя никогда ранее сновидение не практиковал, и ты становишься в этом убежденным — и то, и другое суть одно и то же намерение.

— То есть мне следует сказать самому себе, что я — сновидящий, а затем приложить максимум усилий к тому, чтобы в это поверить? Ты это имеешь в виду?

— Нет. Намерение — это гораздо проще, и в то же время — бесконечно сложнее. Для его формирования требуются воображение, дисциплина и устремленность. В данном случае вознамериться означает обрести непреложное внутреннее знание того, что ты — сновидящий.

Это должно быть знание, принадлежащее телу. Каждой его клеткой ты должен чувствовать, что ты сновидящий.

Затем дон Хуан шутливым тоном добавил, что не обладает достаточным количеством энергии для еще одного одолжения, поэтому мне придется добираться до моего энергетического тела самостоятельно, ибо другого выхода у меня нет. Формирование намерения достичь первых врат сновидения является одним из средств достижения второго внимания и энергетического тела. Такое открытие в свое время сделали маги древности.

Сообщив мне об этом, дол Хуан буквально вытолкнул меня из своего дома, велел не показываться до тех пор, пока я с помощью намерения не доберусь до первых врат сновидения.

Я вернулся домой и в течение нескольких месяцев каждый вечер, укладываясь спать, отчаянно «намеревался» осознать миг засыпания и во сне увидеть собственные руки. Что же касается второй части задачи — убедить себя в том, что я — сновидящий, достигший своего энергетического тела — то ее выполнение представлялось мне абсолютно невозможным.

Но как-то, когда я прилег отдохнуть днем, я увидел сон, в котором смотрел на свои руки. Этот случай оказался уникальным, сон больше не повторялся. Неделя проходила за неделей, но мне по-прежнему не удавалось ни осознать момент засыпания, ни найти во сне свои руки. Однако я начал замечать, что в моих снах присутствует некое смутное чувство. Словно я должен был что-то сделать, но никак не мог вспомнить, что именно.

Когда я рассказал дону Хуану о своих тщетных попытках прорваться сквозь первые врата сновидения, он дал мне некоторые указания:

— Когда сновидящему предлагают найти во сне определенный объект, это — уловка. Истинная же цель состоит в осознании момента засыпания. А это, как ни странно, достигается не посредством установки на осознание момента засыпания, но посредством установки на устойчивую фиксацию во сне какого-либо конкретного образа.

Дон Хуан рассказал, что сновидящий бросает короткие целенаправленные взгляды на все, что присутствует в сновидении. А тот объект, на котором устойчиво сфокусировано его внимание, является лишь своего рода точкой отсчета. С нее сновидящий переводит взгляд, чтобы посмотреть на другие объекты, присутствующие в содержимом сна, как можно чаще возвращаясь обратно — к точке отсчета.

Ценой неимоверных усилий мне действительно удалось найти во сне руки. Но руки эти не были моими. Они только казались моими, на самом же деле эти руки мне не принадлежали, они все время изменялись, временами приобретая поистине кошмарные формы. Тем временем все остальное содержимое моих снов было на диво устойчивым. Мне почти удавалось сохранять образ любого объекта, на котором я сосредоточивал внимание.

Так продолжалось несколько месяцев. Потом вдруг однажды качество моего сновидения как бы само собой резко изменилось. Я ничего специально для этого не делал. Просто каждый вечер я ложился спать, твердо намереваясь не упустить момент засыпания и отыскать во сне свои руки.

В тот раз мне снилось, что я приехал в свой родной город. Не то чтобы город, который мне снился, был в точности похож на мой родной, но каким-то образом у меня возникло убеждение, что это и есть то самое место, где я родился. Началось все как обычный, хотя и очень яркий, сон. Потом освещенность во сне изменилась. Образы сделались более четкими. Улица, по которой я шел, стала выглядеть заметно реальнее, чем за миг до этого. Заболели

ноги. Я почувствовал, что предметы до абсурда по-настоящему тверды. Когда я, скажем, ударился о дверь, я не только ощутил боль в ушибленном колене, но и пришел в ярость от собственной неуклюжести.

Я совершенно реально бродил по городу до полного изнеможения.

Я видел все так же четко, как видел бы, если бы по-настоящему приехал в этот город и как турист бродил по улицам. Не было никакой разницы между этой прогулкой по городу во сне и любой из реальных прогулок, которые мне доводилось предпринимать в городах, где я бывал впервые.

— Мне думается, ты зашел чересчур далеко, — сказал дон Хуан, выслушав мой отчет. — Ведь от тебя требовалось лишь осознать миг засыпания. Ты обрушил стену вместо того, чтобы только прихлопнуть сидевшего на ней комара.

— Ты имеешь в виду, что все это было неправильно?

— Нет. Но ты явно пытаешься сделать нечто, что уже когда-то тебе удавалось. Когда я заставил твою точку сборки сдвинуться, и мы с тобой оказались в том странном городе, ты не спал. Ты видел сон, но ты не спал. Это было сновидение. Я имею в виду, что твоя точка сборки сдвинулась в новое положение не за счет нормального сна. Я заставил ее сдвинуться.

И теперь ты определенно можешь достичь того же самого ее положения посредством сновидения, но сейчас я бы не советовал тебе это делать.

— Это опасно?

— И еще как! Сновидение требует исключительной трезвости. Нельзя допускать ни одного неверного движения. Сновидение есть процесс пробуждения, обретения контроля. Внимание сновидения нуждается в систематической тренировке, ибо оно есть дверь в сферу второго внимания.

— Какая разница между вниманием сновидения и вторым вниманием?

— Второе внимание подобно океану, а внимание сновидения — впадающей в него реке. Второе внимание — это состояние осознания полноценных миров, таких же полноценных, как наш. А внимание сновидения — это состояние осознания отдельных объектов, присутствующих в сновидении.

Дон Хуан особо подчеркнул, что внимание сновидения — ключ к любому движению в мире магов. Среди множества вещей, присутствующих в наших снах, имеются объекты, которые являются результатами энергетического вмешательства. Они внедрены в наши сны извне посторонними силами. В умении находить и отслеживать их и состоит искусство магии.

Дон Хуан настолько явно выделил эти несколько фраз, что я попросил его объяснить еще раз. Некоторое время он колебался, потом ответил.

— Сны — это если не дверь, то, определенно, лазейка в другие миры, — начал он. — Будучи таковыми, сны подобны улице с двусторонним движением. Через эту лазейку наше осознание пробирается в иные сферы бытия. А оттуда в наши сны пробираются лазутчики.

— Что такое лазутчики?

— Заряды энергии, которые вливаются в наши нормальные сны, смешиваясь с имеющимися там объектами. Всплески посторонней энергии — они поступают в наши сны, а мы интерпретируем их то ли как что-то известное нам, то ли — как неизвестное.

— Ты уж меня прости, дон Хуан, но как-то не доходит до меня твое объяснение.

— Не доходит, потому что ты настойчиво продолжаешь думать о снах известным тебе образом — как о том, что происходит с нами, когда мы спим. Я же настойчиво предлагаю тебе иную версию: сны — лазейка в иные сферы восприятия. Через нее просачиваются потоки неведомой энергии. И тогда мозг, или ум, или что-то еще — то, что эти потоки энергии воспринимает — трансформирует их, превращая в части содержимого сновидений.

Дон Хуан немного помолчал, очевидно, чтобы дать моему уму время справиться с тем, что рассказал.

— Маги осознают эти потоки посторонней энергии, — продолжил он. — Заметив их, маги стараются изолировать их от нормального хода сновидений.

— Почему маги изолируют их, дон Хуан?

— Потому что эти потоки приходят из иных реальностей. И если мы отследим их до самого их истока, они послужат нам проводниками в пространства, наполненные такими тайнами, что даже маги бьют дрожь при одном упоминании об этой возможности.

— Каким образом маги изолируют их от нормального течения своих сновидений?

— При помощи тренировки и контроля внимания сновидения. В какой-то момент внимание сновидения обнаруживает эти потоки энергии в ситуациях сновидения. Тогда весь сон тает, остается только чужеродная энергия.

Дальше обсуждать эту тему дон Хуан отказался. Он вернулся к тому, что так или иначе, но ему приходится рассматривать мой сон как первую настоящую попытку практики сновидения. А это означает, что мне удалось добраться до первых врат сновидения.

Как-то однажды дон Хуан вдруг неожиданно вернулся к прерванному разговору. Он сказал:

— Сейчас я еще раз расскажу тебе, что следует делать во сне, чтобы пройти сквозь первые врата сновидения. Сфокусируй взгляд на чем-нибудь, что ты выберешь в качестве точки отсчета. Затем переводи взгляд на другие объекты, мгновение смотри на них, сразу же возвращаясь к точке отсчета. Помни: если ты бросаешь лишь короткие взгляды, образы не сдвигаются.

— Что это значит — пройти сквозь первые врата сновидения?

— Мы достигаем первых врат, когда осознаем мгновение засыпания либо когда видим фантастически реальный сон. После того, как мы их достигли, нам необходимо пройти сквозь них, обретая способность сохранять образ любого объекта, присутствующего в содержимом наших снов.

— Мне почти удастся устойчиво созерцать объекты в моих снах, но они слишком быстро рассеиваются, — сказал я.

— Именно об этом я и говорю. Прием использование точки отсчета был разработан магами с целью компенсации такого качества сновидений, как мимолетность. Каждый раз, когда ты выделяешь точку отсчета и бросаешь на нее взгляд, ты испытываешь прилив энергии. Поэтому для начала не пытайся взглянуть на большое количество объектов. Четырех будет достаточно. Потом постепенно ты будешь расширять диапазон, пока не научишься разглядывать все, что захочешь. Но всегда, как только образы начинают сдвигаться и ты чувствуешь, что утрачиваешь контроль, немедленно возвращайся к точке отсчета и начинай сначала.

— Ты действительно веришь в то, что я в самом деле достиг первых врат сновидения, дон Хуан?

— Да. И это очень много значит. По мере того, как ты будешь продвигаться дальше, ты увидишь, насколько легко тебе будет даваться практика сновидения.

Я думал, что дон Хуан либо преувеличивает, либо хочет меня приободрить. Но он сказал, что говорит совершенно честно.

— Самым поразительным явлением из всего, что происходит со сновидящим, оказывается то, что по достижении первых врат сновидения, они достигают также и энергетического тела.

— Что такое энергетическое тело?

— Двойник физического тела. Призрачная форма, составленная чистой энергией.

— Но разве физическое тело не состоит из энергий?

— Состоит. Различие в том, что энергетическое тело — это только форма, не имеющая массы. Являясь чистой энергией, оно способно совершать действия, выходящие за пределы возможностей физического тела.

— Например, дон Хуан?

— Например, в мгновение ока перемещаться в любой конец вселенной. Сновидение есть искусство закалки энергетического тела, искусство придания ему гибкости и координации посредством постепенной тренировки.

Практикуя сновидение, мы уплотняем энергетическое тело, пока оно не становится воспринимающей единицей. Восприятие, которым обладает энергетическое тело, — независимо, хотя и подвержено влиянию со стороны нашего обычного повседневного восприятия. Энергетическое тело воспринимает в своей собственной отдельной сфере.

— Что это за сфера, дон Хуан?

— Энергия. Энергетическое тело воспринимает энергию как собственно энергию. В процессе сновидения оно может обращаться с энергией тремя различными способами: воспринимать потоки энергии, использовать энергию в качестве толкателя, чтобы, подобно ракете, перелететь в какие-нибудь совершенно неожиданные пространства, или воспринимать так, как мы обычно воспринимаем мир.

— Кто значит воспринимать потоки энергии?

— Это значит видеть. Энергетическое тело видит энергию, непосредственно воспринимая ее то ли как свет, то ли как своего рода вибрирующий поток, то ли как неоднородность пространства. Или же оно прямо чувствует ее как встряску или некое ощущение, которое может быть даже болью.

— А тот другой способ, о котором ты говорил, дон Хуан? Использование энергии в качестве толкателя?

— Энергия — сфера существования и восприятия энергетического тела. Поэтому для него не составляет труда пользоваться существующими во вселенной энергетическими потоками для перемещения. Все, что для этого требуется — выделить эти потоки и идти с ними.

Дон Хуан замолчал в нерешительности, словно собирался что-то добавить, но не был уверен в том, что это стоит делать. Он улыбнулся и продолжил объяснение в тот самый момент, когда я начал было задавать следующий вопрос.

— Я уже говорил, что в своих сновидениях маги выделяют лазутчиков из иных сфер бытия, — сказал он. — Этим занимается энергетическое тело — оно и узнает чуждую энергию, и захватывает ее. Однако крайне нежелательно, чтобы сновидящий чрезмерно этим увлекался, поскольку ловля лазутчиков превращается в страсть, на поводу у которой он идет. Я не хотел тебе об этом рассказывать из-за той легкости, с какой человек может угодить во власть этой охотничьей страсти.

Затем дон Хуан быстро сменил тему разговора и тщательно описал мне целый блок практических приемов. Я обнаружил, что на каком-то уровне они были для меня непостижимы, однако на другом казались вполне логичными и понятными. Он еще раз повторил, что намеренно контролируемое достижение первых врат сновидения есть путь к энергетическому телу. Но сохранение этого достижения зависит только от количества энергии. Маги получают необходимую для этого энергию, разумно перераспределяя ту имеющуюся у них энергию, которая используется ими для восприятия нашего мира повседневности.

Когда я потребовал, чтобы дон Хуан выразился яснее, он добавил, что каждый человек обладает определенным количеством изначальной энергии. Это количество — вся энергия, которая у нас есть. И всю ее мы используем для того, чтобы воспринимать столь поглощающий нас обычный мир и справляться с возникающими в нем проблемами.

Несколько раз он с нажимом повторил, что больше нам взять энергию неоткуда, поскольку вся имеющаяся у нас энергия уже задействована, ни капли ее не остается на экстраординарное восприятие, каковым, в частности, является сновидение.

— И что же нам остается? — спросил я.

— Нам остается лишь одно — стать скрягами в отношении энергии, добывая ее любыми доступными способами везде, где только возможно.

Затем дон Хуан рассказал о том, что у магов есть особый метод добычи энергии. Они разумно перераспределяют свою энергию, сокращая ее расход за счет устранения из своей жизни всего, что считают лишним. Этот метод получил название «пути мага». Как сформулировал дон Хуан, сущность пути мага заключается в определенном подходе к последовательному выбору способа поведения в отношении жизненных ситуаций, с которыми маг сталкивается в этом мире. То, что выбирает маг, всегда разумнее того, чему нас учили в этом мире родители, учителя, старшие друзья. Выбор мага призван исправить наш образ жизни, изменяя основу нашего отношения к самой жизни.

— О каком отношении ты говоришь? — спросил я.

— Существует два основных варианта отношения к жизни, — ответил он. — Первый — покориться ей, либо приспособившись к ее требованиям, либо с ними сражаясь. Второй — формирование своей жизненной ситуации сообразно своим собственным планам.

— И мы действительно можем формировать свою жизненную ситуацию, дон Хуан?

— Человек способен формировать свою жизненную ситуацию в соответствии со своими установками, — настаивал дон Хуан. — Сновидящие делают это. Это звучит дико? Вовсе нет, особенно если учесть, как мало мы о себе знаем.

Он сказал, что, будучи учителем, заинтересован в том, чтобы я как следует уяснил себе, что такое жизнь и что значит жить, то есть каково различие между феноменом жизни как следствием действия биологических сил, и процессом жизни как деятельностью, направленной на познание.

— Говоря о формировании жизненной ситуации, — продолжал дон Хуан, — маги имеют в виду формирование осознания процесса жизни. За счет формирования этого осознания мы можем обрести энергию, достаточную для формирования последствий каждого сделанного нами выбора и всего хода нашей жизни.

Заканчивая наш разговор о сновидении, дон Хуан посоветовал мне не просто подумать о том, что он мне рассказал, но постараться посредством многократного повторения воплотить его концепции в жизнь, выработав новый, более корректный и энергетически целесообразный образ жизни. Он утверждал, что все новое в нашей жизни, в частности, концепции магов, которым он меня обучал, должно повторяться до полного нашего изнеможения, и только тогда мы ему открываемся. Он также отметил, что именно за счет повторения наши предшественники по социуму приучают нас к принятому в этом мире образу восприятия.

По мере того, как я продолжал практиковать начальные шаги искусства сновидения, мне удалось добиться полноценного осознания момента засыпания. Кроме того, я научился останавливаться в сновидении, чтобы целенаправленно изучить любой объект, присутствующий в сюжете сна. То, что я испытывал, казалось мне по меньшей мере чудом.

Дон Хуан утверждал, что по мере того, как сны делаются все более подконтрольными нам, совершенствуется и наше умение контролировать внимание сновидения. Он был прав, говоря, что внимание сновидения вступает в действие, когда его призывают, когда перед ним ставят задачу. Происходит это не как процесс в обычном понимании. Занимающей какое-то время системы операций либо последовательности функциональных действий, приводящих к некоторому результату, при этом нет. Просто случается пробуждение. Нечто, до тех пор дремавшее, начинает действовать.

3. ВТОРЫЕ ВРАТА СНОВИДЕНИЯ

В ходе практики сновидения я обнаружил, что для обучения этому искусству учителю необходимо сформировать подход, основанный на дидактическом синтезе. В этом случае он сможет добиться выявления и усиления тех сторон учения, для которых это является необходимым. Чего добивался дон Хуан, давая мне первое задание? По сути, он хотел заставить меня упражнять внимание сновидения посредством фокусировки на объектах, присутствующих в сновидении. В качестве стрелки-указателя, выводящего на этот эффект, дон Хуан использовал идею осознания момента засыпания. Его заявление, будто изучение присутствующих во сне объектов есть единственный путь к осознанию момента засыпания, было не более чем уловкой.

Едва взявшись за практическую отработку искусства сновидения, я понял, что тренировка внимания сновидения является весьма существенной вещью. Однако с точки зрения ума тренировка осознания на уровне сновидения кажется чем-то невозможным. Дон Хуан объяснял, что основой такой тренировки является настойчивость. Рано или поздно, — говорил он, — под воздействием этой настойчивости защитные барьеры ума разрушаются, и на сцену выходит внимание сновидения.

По мере практики сосредоточения и удержания внимания сновидения на объектах сновидения, я начал чувствовать какую-то очень необычную уверенность в себе. Она была настолько странной, что я обратился к дону Хуану за разъяснением.

— Ощущение уверенности в себе дает тебе именно вхождение в сферу второго внимания, — пояснил он. — Теперь от тебя требуется еще более трезвый подход. Будь очень осмотрителен, продвигайся медленно, но неуклонно, и ни в коем случае не разговаривай об этом. Просто действуй!

Я сообщил ему, что в своей практике я уже добился того, о чем он мне говорил. Действительно, когда я бросал на объекты сновидения короткие взгляды, их образы не рассеивались. Я сказал, что сложнее всего преодолеть изначальный барьер, не позволяющий вывести сновидение в сферу нашего сознательного внимания. Я спросил его мнения, потому что сам искренне полагал, что барьер этот — чисто психологического свойства, — результат нашей социальной обусловленности, вследствие которой мы не склонны придавать снам особого значения.

— Этот барьер — не только результат обусловленности, — ответил он. — Это — первые врата сновидения. Теперь, когда ты их преодолел, тебе кажется странным, что раньше тебе не удавалось по своей воле останавливаться, обращая внимание на какой-либо объект сновидения. Но не спеши считать это достижением. Первые врата сновидения являются естественным препятствием и преодолеваются автоматически просто за счет увеличения уровня энергии.

Затем дон Хуан настоял на том, что мы станем говорить о сновидении только в тех случаях, когда я буду находиться во втором внимании или когда он сам сочтет нужным. Он просил меня во что бы то ни стало продолжать практику, обещая со своей стороны ни во что не вмешиваться.

Постепенно осваиваясь с настройкой сновидения, я начал опять и опять испытывать ощущения, которые почему-то счел очень важными. Это было ощущение, словно я скатываюсь в канаву. Оно приходило точно в момент засыпания. Дон Хуан не вмешивался: он ни разу не сказал, что эти ощущения бессмысленны и позволил мне записывать все, что я считал нужным. Сегодня я отдаю себе отчет, насколько нелепо выглядел тогда в глазах дона Хуана. Если бы сегодня мне довелось обучать кого-нибудь практике сновидения, я, безусловно, немедленно пресек бы подобное поведение ученика. Дон Хуан же просто потешался надо мной и дразнил, называя скрытым эгоманьяком, который заявляет о том, что борется с чувством собственной важности, а сам потихоньку дотошно ведет сверхличный дневник с надписью «Мои Сны» на обложке.

При каждом удобном случае дон Хуан подчеркивал, что энергия, необходимая для освобождения внимания сновидения появляется вследствие перераспределения той энергии, которая уже есть в нашем распоряжении. Он был абсолютно прав. Высвобождение внимания сновидения является естественным следствием корректировки образа жизни. Поскольку нет никакого внешнего источника энергии, к которому мы могли бы подключиться, то для

получения толчка нам остается лишь тем или иным способом перераспределять ту энергию, которой мы реально располагаем.

Дон Хуан настаивал, что именно путь мага является наилучшей «смазкой» для приведения в действие механизма перераспределения энергии, и в этом смысле наиболее важным, наиболее эффективным достижением на пути мага является потеря чувства собственной важности. Дон Хуан был убежден, что это абсолютно необходимо для достижения успеха в любом действии мага, и настаивал, чтобы ученики уделяли особое внимание выполнению этого требования, утверждая, что чувство собственной важности является не только главнейшим и опаснейшим врагом мага, но и роковым барьером для всего человечества.

Дон Хуан считал, именно на удовлетворение чувства собственной важности уходит подавляющая часть нашей энергии. С особой очевидностью это проявляется в нашей постоянной обеспокоенности тем, как нас воспримут, как нам себя подать, какое впечатление мы производим. Нас всегда чрезвычайно сильно волнует, понравимся ли мы окружающим, признают ли нас и будут ли нами восхищаться. Если бы нам удалось хотя бы частично избавиться от чувства собственной важности, с нами произошли бы два необычайных события. Первое — высвободилась бы энергия, которой питается наша иллюзия собственного величия. Второе — появилась бы свободная энергия, достаточная для проникновения в сферу второго внимания, что позволило бы нам хотя бы мельком взглянуть на истинное величие вселенной.

Чтобы научиться устойчиво фокусировать внимание сновидения на интересовавших меня объектах, мне понадобилось два года. Зато я настолько освоился, что чувствовал себя так, словно всю жизнь только этим и занимался. Самым невероятным было то, что я не мог даже представить себе, что когда-то этого не умел.

Однако я помнил, насколько сложно мне было когда-то думать об этом даже как о потенциальной возможности. Однажды мне пришло в голову, что способность исследовать происходящее в сновидениях является нашей врожденной способностью, как, скажем, способность ходить. Человек от природы — двуногое существо, но какие усилия нам приходится прилагать, чтобы научиться ходить!

Новая способность рассматривать объекты снов «короткими взглядами» сопровождалась постоянными напоминаниями самому себе о том, чтобы это делать. Я, в общем, знал о своей склонности к брюзжанию, но во сне эта склонность усиливалась до такой степени, что в конце концов я начал злиться на самого себя и даже задался вопросом: не является ли это чьим-то посторонним влиянием? Временами я даже подумывал, что схожу с ума.

— Я без конца болтаю сам с собой во сне, напоминая себе о том, что нужно рассматривать объекты, — пожаловался я дону Хуану.

В целом я старался придерживаться нашего соглашения обсуждать искусство сновидения только по его инициативе. Однако данный случай показался мне слишком серьезным.

— А это случайно не звучит так, будто говоришь не ты, а кто-то другой? — спросил дон Хуан.

— Подумать только — именно так! Это действительно звучит так, словно говорю не я.

— Тогда это — не ты. Но время для объяснения этого явления еще не пришло. Предположим, в этом мире мы не одни, что сновидящему доступны другие миры — полноценные целостные миры. Из этих полноценных целостных миров к нам являются энергетические сущности. В следующий раз, когда опять услышишь, как ты ворчишь на себя во сне, по-настоящему разозлишься и в приказном тоне рявкни: «Прекратить!»

Я столкнулся с новым для себя вызовом: необходимостью вовремя вспомнить о том, что следует выкрикнуть эту команду. И наверное потому, что уж слишком меня все это раздражало, я смог-таки вспомнить и рявкнул во сне: «Прекратить!» Ворчание тут же прекратилось и больше никогда не повторялось.

— Это происходит с каждым сновидящим? — спросил я у дон Хуана, когда мы встретились в очередной раз.

— С некоторыми, — безразличным тоном ответил он. Я начал было пространно рассказывать о том, как все это было странно, но дон Хуан оборвал мою тираду, сказав: — Теперь ты готов приблизиться ко вторым вратам сновидения.

Я тут же ухватился за возможность получить ответы на вопросы, теснившиеся в моем уме, поскольку задать их раньше не предоставлялось случая. Особенно меня интересовало то, что я пережил, когда он впервые заставил себя войти в состояние сновидения. Я сказал дону Хуану, что прекрасно помню все объекты, которые мне удалось созерцать в моих собственных снах, но что мне не приходилось испытывать ничего, хотя бы отдаленно напоминавшего то наше сновидение по яркости и насыщенности деталями.

— Чем больше я об этом думаю, — сказал я, — тем больше это меня интригует. Когда я разглядывал людей, бывших в том сновидении, меня охватил незабываемый страх. Было до

такой степени жутко, что кровь буквально застыла в жилах. Что это было за чувство, дон Хуан?

— По-моему, твое энергетическое тело попало на удочку неведомой энергии того места. Поэтому, поскольку ты впервые столкнулся с чужеродной энергией, то возникшее у тебя чувство испуга и протеста было вполне естественным.

— Ты склонен вести себя подобно магам древних времен, — продолжал он. — Как только тебе предоставляется случай, ты отпускаешь свою точку сборки. В тот раз она сдвинулась на довольно значительное расстояние. В результате ты, как в свое время древние маги, отправился куда-то далеко за пределы известного нам мира. Путешествие столь же реальное, как и опасное.

Я пропустил его замечание мимо ушей, не вникая в его значение, поскольку меня интересовало другое. Я спросил:

— Тот город, вероятно, находился на другой планете?

— Ты пытаешься объяснить сновидение, опираясь на то, что знаешь, или полагаешь, что знаешь, — ответил он. — Единственное, что я могу тебе сказать, — это то, что город, в котором ты побывал, не находится в нашем мире.

— А где же он тогда находится?

— Вне этого мира, разумеется. Послушай, ведь ты не такой уж тупица. Ты все заметил с самого начала. И делаешь вид, что не понимаешь, только потому, что не можешь себе представить, чтобы что-то не принадлежало к этому миру.

— Хорошо, а вне этого мира — это где, дон Хуан?

— Можешь мне поверить, это «вне этого мира» является самой замысловатой вещью во всем магическом искусстве. Ты, например, полагаешь, что я видел тогда то же самое, что и ты. Ведь ты ни разу не спросил меня, что я видел. Но на самом деле ты, и только ты видел и тот город, и людей в нем. Я же ничего подобного не видел. Я видел энергию. Так что в данном конкретном случае лично для тебя одного «вне этого мира» означало «в том городе».

— Но тогда, дон Хуан, тот город не был реальностью. Он существовал только для меня и только в моем уме.

— Нет. Не в этом дело. Теперь ты пытаешься свести нечто поистине трансцендентное к вещам самым обыкновенным. Но это невозможно. Путешествие было реальностью. Ты видел город. Я видел энергию. Ни ты, ни я не были правы. И ни ты, ни я не ошибались.

— Твои слова относительно реальности подобных вещей приводят меня в полную растерянность. Ведь ты только что говорил о том, что то место было реальным. Но, если это так, то как у нас с тобой могли возникнуть два различных варианта его образа?

— Очень просто. Наши версии различны, потому что на тот момент мы с тобой обладали различными характеристиками однородности и внутренней связи. А ведь я уже тебе говорил о том, что эти характеристики и есть ключи к восприятию.

— Как ты думаешь, мне удастся еще раз побывать в том самом конкретном городе?

— Меня привел туда ты. Так что я не знаю. Вернее, знаю, но объяснить не могу. Вернее, могу, но не хочу. Тебе просто следует выждать и самостоятельно выяснить, в чем тут дело.

Дон Хуан решительно прервал разговор на эту тему.

— Давай-ка вернемся к основной теме, — предложил он. — Вторые врата сновидения достигаются тогда, когда ты «просыпаешься» из одного сна в другом сне. Ты можешь иметь столько параллельных сновидений, сколько захочешь. Или столько, сколько сможешь. Главное — в одинаковой степени все их контролировать и «проснуться» в одном из них, а не в нашем мире известного.

Меня охватила паника.

— Уж не хотел ли ты сказать, что я никогда не проснусь в этом мире? — спросил я.

— Нет, этого я не говорил. Но раз уж ты затронул эту тему, я вынужден сказать тебе, что такое тоже возможно. Маги древности имели обыкновение так поступать. Они никогда не просыпались в этом мире известного. Так поступили и некоторые из магов моей линии. Конечно, это можно сделать, но я бы не советовал. Я хочу, чтобы по окончании практики сновидения ты проснулся самым обычным и естественным образом. Но вот во время практики тебе должно присниться, что ты проснулся в другом сне.

Невольно у меня вырвался тот же вопрос, который я задавал ему, когда он впервые рассказывал о настройке сновидения. Я услышал собственный голос, вопрошающий:

— Но разве такое возможно?

Дон Хуан явно заметил, что я не в себе, и со смехом ответил так же, как и в тот раз:

— Разумеется, это возможно. Все дело в самоконтроле, и он ничем принципиально не отличается от самоконтроля, которым мы пользуемся в повседневной жизни.

Я наконец справился со своим замешательством и приготовился задать следующий вопрос, но дон Хуан опередил меня, заговорив о гранях вторых врат сновидения. Его объяснения ввергли меня в еще более глубокое замешательство.

— Существует одна проблема, связанная со вторыми вратами сновидения, — сказал он. — И она может быть очень и очень серьезной. Все зависит от особенностей характера. И если нам присуща тенденция идти на поводу у нашей склонности цепляться за вещи и привязываться к ситуациям, — у нас могут возникнуть серьезные затруднения.

— Каким образом, дон Хуан?

— А ты подумай. Ведь тебе уже приходилось, исследуя содержимое снов, испытывать необычный манящий интерес, странное удовольствие. Теперь представь себе: ты переходишь от одного сновидения к другому, все разглядываешь, исследуешь каждую деталь. Нетрудно понять, что таким образом можно забраться в смертельные глубины, откуда нет выхода. Особенно если человеку свойственно indulgence [Indulge (англ.) — см. примечание к 4 тому К.К. «Сказки о силе», стр.14, (София, Киев, 1992)]

— Неужели тело или мозг естественным образом не среагируют и не пресекут это?

— Пресекут, если это естественный, то есть нормальный сон. Но в нашем случае о нормальном сне речь не идет. Мы говорим о сновидении. А сновидящий, преодолевший первые врата сновидения, достиг осознания энергетического тела. И именно энергетическое тело проходит сквозь вторые врата сновидения, перескакивая из одного сна в другой.

— Что же из всего этого следует, дон Хуан?

— То, что после преодоления вторых врат сновидения тебе следует сформировать намерение обрести еще более жесткий и трезвый контроль над вниманием сновидения, потому что оно — единственный предохранительный клапан для сновидящего.

— Что такое предохранительный клапан?

— Тебе еще предстоит обнаружить, что истинной целью сновидения является совершенствование энергетического тела. А совершенное энергетическое тело обладает, кроме всего прочего, настолько четким контролем над вниманием сновидения, что может остановиться по знаку последнего там, где это необходимо. Это и есть тот предохранительный клапан, который имеется в распоряжении сновидящих. И не важно, насколько глубоко погрузился сновидящий и в какой степени он indulges в данный конкретный момент, внимание сновидения должно выбросить его на поверхность, как только в этом возникает необходимость.

Итак, я вновь взялся за практику сновидения, отправившись на поиск теперь уже непонятно чего. На этот раз цель просматривалась гораздо менее ясно, чем прежде, а трудности еще более возросли. Точно так же, как и в случае с первым заданием, я никак не мог решить, что же мне делать. В сознание мое закралось довольно обескураживающее подозрение относительно того, что на этот раз вся моя практика вряд ли сможет чем-нибудь мне помочь. После бесчисленных неудач я возвратился к исходной точке, просто продолжив практику фиксации внимания сновидения на каждом из объектов, присутствовавших в моих снах. Я согласился с тем, что чего-то мне не хватает, и это, похоже, дало мне некий толчок. С возросшим мастерством я мог теперь удерживать образ любого объекта сновидения.

Год прошел без каких бы то ни было перемен. Потом вдруг, в один день что-то изменилось. Я видел сон. В нем я разглядывал окно, пытаюсь выяснить, удастся ли мне рассмотреть расстилавшийся за стенами комнаты пейзаж. Вдруг какая-то похожая на ветер сила, которую я ощущал как звон в ушах, вытянула меня сквозь окно наружу. Причем за мгновение до этого мое внимание сновидения было привлечено какой-то странной конструкцией, маячившей в отдалении. Она была похожа на трактор. В следующее мгновение я осознал, что стою рядом с ним и внимательно его изучаю.

Я совершенно четко осознавал, что это — сновидение. Я осмотрелся, чтобы выяснить, не вывалился ли я из окна, на которое смотрел. Судя по окружающему меня пейзажу, я находился где-то на ферме в сельской местности. В пределах видимости не было никаких зданий. Я хотел было как следует это осмыслить, однако все мое внимание было привлечено огромным количеством сельскохозяйственной техники, находившейся вокруг. Похоже было, что вся техника брошена. Я разглядывал сенокосилки, тракторы, зерноуборочные комбайны, дисковые плуги, молотилки. Их было так много, что я забыл о сне, с которого все началось. Потом я решил сориентироваться, осмотрев тот пейзаж, который окружал меня в данный момент. На некотором расстоянии виднелось нечто, похожее на огромный рекламный щит, подобный тем, что во множестве расставлены вдоль всех дорог Америки. Вокруг него виднелись телеграфные столбы.

Стоило мне сосредоточить внимание на рекламном щите, как я в то же мгновение обнаружил, что стою рядом с ним. Стальная конструкция внушала страх. В ней была угроза. На самом щите было изображено здание. Я прочел текст — это была реклама мотеля. Со

странной определенностью я был уверен, что нахожусь либо в Орегоне, либо в северной Калифорнии.

Я продолжал рассматривать пейзаж этого сна. Где-то очень далеко виднелись горы, а несколько ближе — зеленые округлые холмы. По холмам были разбросаны группы деревьев. Я решил, что это — калифорнийские дубы. Я захотел, чтобы зеленые холмы притянули меня к себе, но вместо этого был притянут далекими горами. Я был убежден, что это — Сьерра.

Там, в горах, меня покинула вся энергия, которой я обладал в сновидении. Но прежде чем это произошло, меня последовательно притягивали к себе все детали картины, на которые я обращал внимание. Сон перестал быть сном. Я воистину находился в горах Сьерры, по крайней мере об этом говорило мне мое восприятие.

Словно сквозь фотообъектив с электронным увеличителем, я вглядывался в расщелины, валуны, деревья, пещеры. По отвесным склонам я поднимался к вершинам гор, и все это продолжалось до тех пор, пока я полностью не обессилел, утратив способность сосредоточивать внимание сновидения на чем бы то ни было. Я почувствовал, что теряю контроль. В конце концов я обнаружил, что больше нет никакого пейзажа, но только лишь непроглядная тьма.

— Ну что же, ты добрался до вторых врат сновидения, — сообщил мне дон Хуан, когда я рассказал ему об этом сновидении. — Теперь тебе предстоит сквозь них пройти. Преодоление вторых врат сновидения — это очень серьезно. Для этого необходимо усилие, необходима строжайшая дисциплина.

Я не был уверен в том, что справился с поставленной задачей, поскольку в другом сне по-настоящему не просыпался. Я задал дону Хуану вопрос по поводу этой неувязки.

— Это моя ошибка, — ответил он. — Я говорил тебе, что необходимо проснуться в другом сне, но имелось в виду несколько иное: нужно последовательно и точно менять сны. Именно это ты и совершил.

— Подбираясь к первым вратам, ты потратил массу времени впустую, разглядывая исключительно собственные руки. На этот раз ты направился прямо к цели, не особо утруждая себя выполнением данной тебе инструкции проснуться в другом сновидении.

Затем дон Хуан сказал, что существует два корректных способа преодоления вторых врат сновидения.

Первый — проснуться в другом сне, то есть увидеть во сне, что видишь сон и во сне же увидеть, что проснулся.

Второй — использовать объекты сновидения для переключения на другой сон, как сделал это я.

Как обычно, дон Хуан в очередной раз предоставил мне возможность практиковаться без какого бы то ни было вмешательства с его стороны. Я же занялся отработкой обоих описанных им способов. Либо мне снилось, что у меня был сон, в котором мне снилось, что я проснулся, либо, как будто глядя сквозь объектив электронного фотоувеличителя, я переходил от чего-нибудь, непосредственно доступного моему вниманию сновидения, к чему-либо не столь доступному. Иногда я применял второй способ в слегка измененном варианте: я вглядывался в какой-нибудь из объектов сновидения до тех пор, пока он не начинал изменять форму, втягивая меня тем самым сквозь звенящий вихрь в другой сон. Однако мне никогда не удавалось предугадать заранее, каким из трех способов я воспользуюсь в данном конкретном сновидении. Заканчивались же мои тренировки по отработке искусства сновидения либо тем, что я «выскакивал» из внимания сновидения и просыпался, либо тем, что я проваливался в темный, глубокий беспробудный сон.

Все шло гладко. Единственное, что меня беспокоило, — это все чаще повторявшееся ощущение некоторой помехи, что-то вроде приступов страха или дискомфорта. Я полагал, что это обусловлено либо моим отвратительным питанием, либо тем, что как раз в то время дон Хуан часто давал мне галлюциногенные растения, что тоже входило в программу моих занятий. Однако в конце концов приступы сделались настолько явными, что я вынужден был обратиться к дону Хуану за советом.

— Ты прикоснулся к самой опасной грани магического знания, настоящему кошмару, истинному страху, — начал он. — Я обязан прямо сказать тебе об этом, не церемонясь с твоим любимым рационализмом. С этой гранью неизбежно сталкивается каждый маг. Боюсь, что если бы я тебя не предупредил, то на этом этапе ты вполне мог бы сорваться и запаниковать, считая, что где-то допущена ошибка.

Дон Хуан очень серьезно объяснил мне, что жизнь и сознание как энергетические категории не являются исключительным свойством живых организмов. Маги увидели, что существует два типа сознательных существ, скитающихся по этой земле — органические существа и существа неорганические. Сравнивая их друг с другом, маги увидели, что и те и другие являются сгустками свечения, сквозь которые во всех мыслимых направлениях струятся миллионы энергетических волокон вселенной. Отличаются они друг от друга

формой и яркостью. Неорганические существа имеют вытянутые формы, похожие на свечи, и светятся тусклым светом. Органические же существа более округлы и обладают гораздо более ярким свечением. Еще одно существенное различие между ними, которое увидели маги, состоит в том, что жизнь и сознание органических существ быстротечны, поскольку существа эти вынуждены жить в постоянной спешке. Неорганические существа живут неизмеримо дольше, потому что сознание их исполнено бесконечного покоя и глубины.

— Без особых сложностей маги могут взаимодействовать с неорганическими существами, — продолжал дон Хуан, — потому что последние обладают сознанием — главной характеристикой, необходимой для взаимодействия.

— Но они действительно существуют? — спросил я. — Так же реально, как ты и я?

— Конечно, существуют, — ответил он. — Можешь мне поверить, маги — создания исключительно разумные. Ни при каких условиях они не стали бы заигрывать с предрассудками, принимая их впоследствии за реальность.

— Почему ты говоришь, что эти существа — живые?

— С точки зрения мага обладать жизнью значит — обладать сознанием. То есть иметь точку сборки с окружающим ее свечением сознания. Именно это указывает магу на то, что существо, с которым он имеет дело, не важно — органическое оно или неорганическое, вполне обладает способностью к осознанию. Маги рассматривают наличие восприятия как необходимое условие жизни.

— Тогда неорганические существа также должны умирать. Это верно, дон Хуан?

— Естественно. Они утрачивают свое осознание точно так же, как и мы. Просто продолжительность существования их сознания поистине умопомрачительная.

— Неорганические существа сами являются магам?

— В их случае очень трудно сказать, что есть что. Скажем так: мы приманиваем их или, вернее, вынуждаем их с нами взаимодействовать.

Мгновение дон Хуан буквально сверлил меня взглядом.

— До тебя это совершенно не доходит, — уверенно заключил он.

— Я почти не в состоянии думать об этом с точки зрения здравого смысла, — сказал я.

— А я тебя предупреждал, что твоему рассудку предстоит серьезное испытание. В этом случае целесообразно оставить все как есть и предоставить событиям возможность идти своим чередом. Я имею в виду — позволить неорганическим существам прийти к тебе.

— Ты это серьезно, дон Хуан?

— Абсолютно серьезно. Сложность взаимодействия с неорганическими существами заключается в том, что их сознание действует чрезвычайно медленно по сравнению с нашим. И на то, чтобы они признали мага, уходят годы. Потому рекомендуется запастись терпением и ждать. Рано или поздно они покажутся. Но не так, как показались бы ты или я. Они дают о себе знать весьма специфическим способом.

— Как маги их приманивают? Существует какой-то ритуал?

— Ну, уж во всяком случае, маги не выходят на середину дороги и не вызывают к ним оттуда дрожащим голосом, когда бьет полночь, если под ритуалом ты понимаешь что-то в этом роде.

— А что же они делают?

— Они приманивают их посредством сновидения. Я же сказал, что это нечто большее, чем просто приманивание. Посредством практики сновидения маги вынуждают их к взаимодействию.

— Каким образом маги их вынуждают?

— Сновидение означает удерживание точки сборки там, куда она сдвинулась во сне. Образующийся вследствие этого энергетический потенциал привлекает внимание неорганических существ. Как наживка привлекает рыб. И они идут на эту наживку. Достигая и преодолевая первые и вторые врата сновидения, маги забрасывают наживку для неорганических существ и тем самым вынуждают их явиться.

Преодолев первые и вторые врата сновидения, ты довел до их сведения свое приглашение. Теперь жди, пока они подадут тебе знак.

— Каким может быть этот знак, дон Хуан?

— Вполне возможно, что кто-то из них явится тебе, хотя для этого еще слишком рано. По моему, знаком будет просто некоторое постороннее вмешательство в твоё сновидение. Я полагаю, что приступы страха, которые в последние дни ты испытываешь в сновидениях, обусловлены не нарушением пищеварения, но импульсами энергии, которые посылают тебе неорганические существа.

— И что мне теперь делать?

— Обмануть собственные ожидания.

Я не мог понять, что он имеет в виду. Дон Хуан подробно объяснил. Чего мы ожидаем, вступая во взаимодействие с людьми или другими органическими существами? Немедленной

реакции на свой запрос. Однако неорганические существа отделены от нас самым труднопреодолимым барьером — другими скоростями движения энергии. Поэтому мгновенной реакции быть не может, и маг должен обмануть свои ожидания, продолжая действовать в режиме запроса столько времени, сколько потребуется на то, чтобы его запрос был принят.

— Ты хочешь сказать, дон Хуан, что запрос и практика искусства сновидения в данном случае одно и то же?

— Да. Но для того, чтобы получить совершенный результат, тебе следует добавить к своей практике намерение добраться до неорганических существ. Послать им чувство силы и уверенности, чувство могущества и отрешенности. И любой ценой избежать того, чтобы их достигло твое чувство страха или подавленности. Они достаточно мрачны сами по себе. Добавлять к их мрачности свою тебе по меньшей мере не обязательно.

— Мне не совсем ясно, дон Хуан, каким образом они являются сновидящим. Что это за особый способ, которым они дают о себе знать?

— Случается, что они материализуются в этом мире — прямо перед нами. Хотя большую часть времени они невидимы, а присутствие их проявляется в виде особого ощущения в теле человека, своего рода встряски или дрожи, которая пробивает человека до мозга костей.

— А в сновидении, дон Хуан?

— В сновидении все наоборот. Временами мы ощущаем их так, как ощущал ты — как приступы страха. В большинстве случаев они материализуются, возникая прямо перед нами. Поскольку поначалу у нас нет опыта обращения с ними, они могут внушить нам безмерный страх. И это по-настоящему опасно для нас. По каналу страха они способны проследовать за человеком в мир повседневности. Результаты этого могут быть поистине катастрофическими.

— В каком смысле, дон Хуан?

— В его жизни может прочно укорениться страх. Совладать с этим страхом способен только воистину великий одинокий воин. Неорганические существа могут быть истинными паразитами — хуже чумы. Нагоняя на человека страх, они вполне способны свести его с ума.

— А что делают с неорганическими существами маги?

— Сливаются с ними. Превращают их в своих союзников. Образуют сообщества. Иногда их контракты выливаются в необычайную дружбу. Я называю такие отношения сотрудничеством без границ. Главнейшую роль в них играет восприятие. Ведь мы — существа общественные и неизбежно ищем компании других сознаний.

Секрет успешного налаживания контактов с неорганическими существами заключается в том, что их не нужно бояться. Причем послание, которое человек им посылает, должно быть исполнено силы и отрешенности. В нем должно быть закодировано: «Я вас не боюсь. Приходите повидаться. Если явитесь — буду рад вас видеть. Если не захотите прийти — мне будет вас не хватать». Когда неорганические существа получают такое послание, их охватывает настолько неудержимое любопытство, что они непременно приходят.

— Но для чего им приходиться ко мне, или с какой стати я должен стремиться к встрече с ними?

— Сновидящие ищут в своих сновидениях контактов с другими существами. Нравится нам это или нет — не имеет значения. Может быть, это тебя шокирует, но сновидящие автоматически стремятся отыскать группы существ, с которыми у них может установиться связь, своего рода узы. Сновидящие поистине жаждут их отыскать.

— Это кажется мне очень странным, дон Хуан. Зачем сновидящие это делают?

— Неорганические существа — нечто новое для нас. А для них новинкой становятся те из нас, кто переходит через границу их сферы бытия. Благодаря своему великолепному сознанию, неорганические существа обладают для сновидящего огромной притягательной силой и могут переносить его в неопишуемые миры. Запомни это хорошенько, и никогда об этом не забывай.

— Этим пользовались маги древних времен — именно им обязан своим происхождением термин «союзники». Союзники этих магов научили их смещать точку сборки за пределы светящегося яйца — в нечеловеческую вселенную. Таким образом, когда маг использует их в качестве транспортного средства, они переносят его в миры, находящиеся за пределами сферы человеческого.

Я слушал его, и меня одолевали странные страхи и дурные предчувствия. Дон Хуан мгновенно понял, в чем дело.

— Ты религиозен до предела, — рассмеялся он. — И в настоящий момент почувствовал на своем затылке дыхание дьявола. А ты подумай об этом иначе. Мы верим, что может быть воспринято то-то и то-то. А сновидение — это восприятие того, что выходит за пределы возможного.

Во время бодрствования меня беспокоила возможность реального существования неорганических существ. Но когда я спал, мое сознательное беспокойство особой силы не

имело. Приступы физического страха продолжались, но за ними неизменно приходило странное спокойствие. Оно овладевало мной и позволяло мне продолжать, словно и не было никакого страха.

Тогда мне казалось, что каждый прорыв в моем сновидении случался внезапно, без предупреждения. Появление в моих снах неорганических существ не явилось исключением. Это случилось, когда мне снился цирк из моего детства. Окружающая обстановка напоминала пейзаж маленького городка в горах Аризоны. Я принялся рассматривать людей, испытывая никогда не покидавшую меня смутную надежду снова увидеть тех людей, которых я видел, когда дон Хуан впервые заставил меня войти в сферу второго внимания.

Наблюдая за ними, я ощутил всплеск нервозности — толчок под ложечкой, похожий на удар в солнечное сплетение. Толчок несколько меня отвлек, и я потерял из виду людей, цирк и городок в горах Аризоны. Вместо всего этого передо мной стояли две фигуры совершенно жуткой наружности. Они были тощие — не шире фута в плечах — и длинные — футов около семи. Они угрожающе нависали надо мной, как два гигантских земляных червя.

Я знал, что это сон, но я также знал и то, что я вижу. О видении мы с доном Хуаном беседовали, когда я был как в нормальном состоянии, так и в состоянии второго внимания. И, хотя я не мог тогда испытать это на собственном опыте, мне казалось, что понял идею непосредственного восприятия энергии. И в том сне, глядя на эти странные призраки, я понял, что вижу энергетическую сущность чего-то невероятного.

Я был очень спокоен. Я не двигался. Самым замечательным для меня было то, что они не рассеялись и не трансформировались во что-нибудь другое, оставаясь зримыми существами, по форме напоминавшими свечи. В них было нечто, заставлявшее меня удерживать восприятие их формы. Я знал это, поскольку что-то говорило мне, что, если я не буду двигаться, они тоже останутся на месте.

В определенный момент все закончилось. Я проснулся от испуга и немедленно попал в осаду множества страхов. Мною овладела глубокая обеспокоенность — нечто подобное физическому страданию, какая-то печаль, не имеющая под собой оснований.

С тех пор две странные фигуры являлись мне каждый раз, когда я практиковал сновидение. Со временем получилось так, словно вся моя сновидческая практика только затем и была нужна, чтобы я с ними встретился. Они никогда не пытались ни приблизиться ко мне, ни вступить в какое бы то ни было взаимодействие. Они просто недвижимо стояли передо мной все время, пока длился мой сон. Я не только ни разу не сделал усилия изменить свои сны, более того, — даже забыл, ради чего, собственно, практикую сновидение.

К тому времени, когда я, наконец, рассказал дону Хуану о том, что со мной происходит, я уже несколько месяцев созерцал только эти две фигуры.

— Ты застрял на очень опасном перекрестке, — сказал дон Хуан. — Будет неправильно, если ты их прогонишь. Однако позволить им остаться — тоже ошибка. В настоящее время их присутствие — помеха в твоей практике сновидения.

— Что же мне делать, дон Хуан?

— Встретиться с ними прямо сейчас, в нашем мире, и сказать им, чтобы они приходили позже, когда в твоём сновидении будет больше силы.

— Но как с ними встретиться?

— Это непросто, но возможно. Нужно только, чтобы кишка у тебя была не слишком тонка. Но она у тебя не тонка, будь спокоен.

И, не ожидая, пока я начну уверять его, что как раз кишка-то у меня и тонка, да к тому же весьма, он потащил меня куда-то в холмы. Жил он тогда на севере Мексики и предварительно позаботился о том, чтобы у меня сложилось впечатление о нем как об одиноком колдуне, всеми позабытом и выпавшем из потока человеческой жизни старце. Правда, меня слегка настораживала его внезапно проявляющаяся поистине безмерная интеллигентность. Поэтому я был склонен мириться с некоторыми его проявлениями, так как был наполовину уверен в том, что это просто его причуды.

Его любимым коньком была особая хитрость, которую маги отрабатывали на протяжении многих столетий. Он добивался того, чтобы в нормальном своем состоянии я понял все, что только был способен понять. В то же время, вводя меня в состояние второго внимания, он добивался того, что я либо понимал, либо по крайней мере увлеченно внимал всему, чему он меня учил. Таким образом он как бы разделял меня на две части. Пребывая в обычном состоянии, я не мог сообразить, почему или каким образом получается так, что я склонен принимать его эксцентричные выходки всерьез. Когда же я находился в состоянии второго внимания, все это имело для меня вполне определенный смысл.

Дон Хуан утверждал, что второе внимание в принципе доступно любому из нас, но, старательно цепляясь за спасительную соломинку своего рационализма, мы — одни более яростно, другие менее — отпихиваем от себя второе внимание, не подпуская его ближе, чем

на расстояние вытянутой руки. Идея дона Хуана состояла в том, что сновидение устраняет барьеры, которыми мы ограждаем себя от второго внимания, тем самым себя изолируя.

В тот день, когда он повел меня в холмы Соноранской пустыни на встречу с неорганическими существами, я находился в обычном состоянии осознания. Однако откуда-то мне все же было известно, что предстоит совершить нечто, и это нечто определенно окажется чем-то невероятным.

В пустыне прошел небольшой дождик. Рыжая почва еще не просохла и прилипала к резиновым подошвам моих ботинок. Чтобы избавиться от тяжелых комков, мне то и дело приходилось наступать на камни. Мы шли на восток, поднимаясь к холмам. Когда мы добрались до глубокой лощины между двумя холмами, дон Хуан остановился.

— Ну вот, это, пожалуй, идеальное место для того, чтобы вызвать твоих друзей, — сказал он.

— Моих друзей? Почему ты их так называешь?

— Они сами тебя выбрали. Когда они так поступают, это означает, что они ищут контакта. Я же говорил тебе, что между ними и магами образуются узы дружбы. Похоже, именно с такой ситуацией мы столкнулись в твоем случае. И от тебя даже не требуется функционировать в режиме запроса.

— А в чем, собственно, заключается такого рода дружба, дон Хуан?

— Во взаимном обмене энергией. Неорганические существа вкладывают в нее свой высокий уровень сознания, а маги — свое повышенное осознание и свою высокую энергию. Если результат оказывается положительным — происходит паритетный обмен. Но он может быть и отрицательным, тогда возникает взаимная зависимость.

Древние маги, как правило, любили своих союзников. Фактически, они любили своих союзников больше, чем своих ближних. И я усматриваю в этом огромную опасность.

— Ладно, что ты советуешь мне предпринять, дон Хуан?

— Вызывай их. Потом прикинешь их размеры и сам решишь, что делать дальше.

— Что делать, чтобы их вызвать?

— Воспроизведи в уме тот их облик, в котором они являлись тебе в сновидении, и зафиксируй его. Причина, по которой они старались, чтобы ты насытился их присутствием в сновидениях — в том, что они хотели оставить в твоем уме память об их формах. А сейчас пришло время этим воспользоваться.

Дон Хуан жестко приказал мне закрыть глаза и не открывать их. Затем подвел к каким-то камням и усадил на них. Они были твердыми, холодными и лежали под углом, так что трудно было удерживать равновесие.

— Сиди здесь и визуализируй их формы до тех пор, пока они не сделаются в точности такими, какими были во сне, — сказал дон Хуан мне на ухо. — Дашь мне знать, когда они будут в фокусе.

Очень быстро и почти без усилий мне удалось воспроизвести в уме образ их формы, такой же, как тот, что я видел во сне. То, что мне удалось это сделать, ничуть меня не удивило. Поразило меня совсем другое. Несмотря на то, что я отчаянно пытался подать дону Хуану знак, что уже представил их себе, мне не удавалось ни открыть глаза, ни выдать из себя хотя бы слово. Я определенно не спал. И все слышал.

Я слышал, как дон Хуан произнес:

— Теперь можешь открыть глаза.

Я открыл их без труда. Я сидел, скрестив ноги, на каких-то камнях. Это были не те камни, на которые дон Хуан усадил меня вначале. Сам он находился где-то позади и чуть справа от меня. Я попытался обернуться, чтобы на него взглянуть, но он не позволил, задержав мою голову в прямом положении. А потом я увидел две темные фигуры, похожие на два тонких древесных ствола.

Они были прямо передо мной.

Раскрыв от удивления рот, я уставился на них. Они были совсем не такими высокими, как во сне. Они сжались до половины своих исходных размеров. Вместо двух форм тусклой светимости передо мной были две плотные, темные, почти черные, угрожающие палки.

— Встань и схвати одного из них, — велел мне дон Хуан, — и не отпускай, как бы тебя ни трясло.

Мне явно не хотелось проделывать что-либо в этом роде, но некое неведомое побуждение заставило меня встать против моей воли. В тот же миг я ясно осознал: закончится тем, что я выполню все, хотя сознательного намерения подчиняться приказу дона Хуана я не испытывал.

Я механически приблизился к двум фигурам. Сердце едва не выскакивало из грудной клетки. Я схватил того, который был справа. То, что я почувствовал, напоминало электрический разряд, который едва не заставил меня отпустить темную фигуру.

Тут до меня донесся голос дона Хуана, словно он кричал откуда-то издалека:

— Если ты бросишь его, тебе конец!

Я продолжал держать фигуру. Она изгибалась и тряслась, но не так, как массивное животное, а как нечто пушистое, легкое и словно наэлектризованное. Мы возились на песчаном дне лощины и катались по нему довольно долго. Один за другим меня пронизывали тошнотворные импульсы электрического тока. Я подумал, что это воспринимается столь мерзким из-за того, что отличается от той энергии, с которой мне приходилось иметь дело в мире повседневности. Когда «это» било меня током, я дергался, орал и рычал, как зверь. Не от боли, а от какой-то странной злости.

Наконец, оно замерло подо мной — неподвижное, почти твердое. Инертное. Я спросил у дона Хуана, не умерло ли оно, но голоса своего не услышал.

— Ни в коем случае, — со смехом сказал кто-то; этот кто-то не был доном Хуаном. — Просто ты исчерпал заряд его энергии. Но не вставай еще. Полежи немного.

Я вопросительно взглянул на дона Хуана. Он изучал меня с огромным любопытством. Потом помог мне подняться. Темная фигура осталась лежать на земле. Я хотел спросить дона Хуана, все ли с этой фигурой в порядке. И снова не сумел выговорить ни слова. И тут я совершил нечто необычайное. Я согласился с тем, что все это — реально. До этого момента в уме оставалось что-то, оберегавшее мой рационализм, считая происходящее сном, навеянными манипуляциями дона Хуана.

Я подошел к распростертой на земле фигуре и попытался ее поднять. Это мне не удалось — ее невозможно было обхватить, поскольку она не имела массы. Я был сбит с толку. Тот же голос, не принадлежавший дону Хуану, велел мне лечь сверху на неорганическое существо. Я так и поступил, а когда поднялся на ноги, оно поднялось вместе со мной, словно прилипшая к моему телу тень. Потом оно мягко отделилось от меня и исчезло, оставив мне какое-то исключительно приятное ощущение полноты.

На то, чтобы полностью восстановить контроль над собой, мне потребовалось более суток. Большую часть времени я проспал. Время от времени дон Хуан проверял мое состояние, задавая один и тот же вопрос:

— Энергия неорганического существа была похожа на огонь или на воду?

Глотка моя была словно обожжена. Потому я не мог ответить ему, что импульсы энергии, которые я ощущал, напоминали струи наэлектризованной воды. Я не имею понятия о том, что такое струи наэлектризованной воды, поскольку никогда в жизни ничего подобного не ощущал. Я вообще не уверен, что такое явление можно воспроизвести или почувствовать. Но именно такой образ всплывал в моем уме каждый раз, когда дон Хуан задавал мне свой ключевой вопрос.

Когда я, наконец, понял, что полностью пришел в себя, дон Хуан спал. Зная, что вопрос его имеет очень большое значение, я разбудил его и все ему рассказал.

— Среди неорганических существ у тебя не будет друзей, которые бы тебе помогали. С ними у тебя может возникнуть только раздражающая связь по типу обременительной взаимозависимости, — заключил он. — Будь чрезвычайно осторожен. Водяные неорганические существа наиболее склонны к излишествам. Древние маги считали, что они сильнее любят, лучше притворяются и даже, возможно, обладают эмоциями. В противоположность неорганическим существам огненного свойства, которых древние маги считали серьезными, более сдержанными, но также и более напыщенными.

— А какое все это имеет значение для меня, дон Хуан?

— Слишком большое, чтобы говорить об этом сейчас. Советую тебе преодолеть все страхи, которые присутствуют в твоих снах и в твоей жизни. Тогда ты сможешь сохранить собственное единство. Неорганическое существо, которое ты лишил энергии, а затем снова зарядил, было вне себя от этого приключения. И явится, чтобы его повторить.

— Но почему ты меня не остановил, дон Хуан?

— Ты не дал мне времени это сделать. Кроме того, ты вообще даже не слышал, как я кричал, чтобы ты оставил его на земле.

— Нужно было подробно проинструктировать меня заранее, как ты обычно это делаешь, относительно всех возможных вариантов развития событий.

— Я не мог предвидеть всех возможных вариантов. Я вообще почти новичок в том, что касается неорганических существ. В свое время я отказался от этой части знания магов на том основании, что она слишком обременительна и зыбка. Я не хочу зависеть ни от каких сущностей, будь они органическими или неорганическими.

На этом наш разговор закончился. Очевидно, мне следовало бы беспокоиться, поскольку реакция его на происшедшее определенно была отрицательной. Но я не беспокоился. Я почему-то был уверен, что все сделал правильно.

В дальнейшем неорганические существа в мою практику сновидения никогда не вмешивались.

4. ФИКСАЦИЯ ТОЧКИ СБОРКИ

С тех пор, как мы с доном Хуаном условились о том, чтобы обсуждать мою практику сновидения только тогда, когда он сочтет это необходимым, я редко начинал говорить о ней сам и никогда не задавал лишних вопросов. Поэтому я всегда с особой готовностью слушал его, когда он затрагивал эту тему. Его объяснения и рекомендации относительно сновидений неизбежно касались и других аспектов его учения.

Однажды, когда я был у него дома и мы разговаривали о каком-то отвлеченном предмете, дон Хуан без всякого предисловия сказал, что посредством установления контактов с неорганическими объектами в сновидении старые маги в совершенстве овладели искусством перемещения точки сборки — предметом весьма непростым и опасным.

Я сразу же воспользовался возможностью попросить дон Хуана приблизительно сказать, когда жили старые маги. И раньше при разных обстоятельствах я задавал тот же вопрос, но никогда не получал на него удовлетворительного ответа. Но поскольку на сей раз он сам затронул эту тему, я был уверен, что он удовлетворит мое любопытство.

— Это довольно запутанный вопрос, — сказал он.

Он произнес эти слова таким тоном, что у меня возникла уверенность в его нежелании рассматривать этот вопрос. Я был очень удивлен, когда он продолжил.

— Он будет таким же испытанием для твоего здравого смысла, как и все связанное с неорганическими существами. Кстати, что ты сейчас о них думаешь?

— Я отложил в сторону свои мнения о них, — сказал я. — Теперь я не могу придерживаться ни одной конкретной точки зрения.

Мой ответ вызвал у него восхищение. Он засмеялся и заговорил о своем страхе и отвращении к неорганическим существам.

— Я никогда не испытывал к ним пристрастия, — сказал он. — Конечно, главной причиной этого был мой страх перед ними. В свое время я не смог от него отделаться, а затем он стал постоянным.

— Ты и сейчас их боишься, дон Хуан?

— Сейчас я ощущаю скорее отвращение, чем страх. Я не хочу иметь с ними ничего общего.

— Существует ли какая-нибудь определенная причина для этого отвращения?

— Лучшая причина в мире — мы с ними воплощаем полные противоположности. Они любят властвовать, — я люблю свободу. Они стремятся купить, я же не продаю.

Я почувствовал необъяснимое волнение и резко заявил ему, что эта тема кажется настолько далекой от моих проблем, что я не воспринимаю ее всерьез.

Некоторое время он пристально смотрел на меня, улыбаясь, а затем сказал:

— Лучшее, что можно делать с неорганическими существами, — это как раз то, что делаешь ты: отрицать их существование, но регулярно посещать их, придерживаясь мысли, что ты находишься во сне, где, по твоему мнению, все возможно. Таким образом ты как бы ничем не рискуешь.

Я ощутил непонятное мне чувство вины, причину которой не мог объяснить. Я вынужден был спросить:

— Что ты имеешь в виду, дон Хуан?

— Твои встречи с неорганическими существами, — сухо ответил он.

— Ты надо мной смеешься? Какие встречи?

— Я не хотел поднимать этот вопрос, но мне кажется, что пришло время сказать тебе кое-что о том ворчливом голосе, который ты слышишь в сновидении и который напоминает тебе о необходимости концентрации внимания на всем наблюдаемом тобой. Так вот, — это голос неорганического существа.

Я подумал, что дон Хуан совершенно непоследователен. Меня это настолько рассердило, что я даже громко возмущился в его адрес. В ответ он рассмеялся и попросил меня рассказать о необычных происшествиях, случающихся в моей практике сновидения. Эта просьба меня удивила. Я никогда никому не упоминал о том, что довольно часто выпадал из состояния сновидения, увлеченный каким-нибудь определенным предметом. При этом вместо того, чтобы изменить что-то во сне, как следовало поступить в этом случае, я обнаруживал, что изменял весь настрой сна и находил себя в совершенно незнакомом измерении. Я парил в нем под воздействием какой-то невидимой силы, которая все время кружила меня. Я всегда выходил из таких сновидений, продолжая кружиться, и долго поднимался и опускался, пока не просыпался полностью.

— Это были твои встречи лицом к лицу с друзьями из неорганического мира, — сказал дон Хуан.

Я не мог с ним спорить, но не хотел и соглашаться. Я продолжал молчать. Я забыл свой вопрос о магах прошлого, но дон Хуан снова поднял эту тему.

— Я думаю, что старые маги существовали около десяти тысяч лет назад, — сказал он, улыбаясь и наблюдая за моей реакцией.

Я уверенно заявил, что эти данные неправильны, основывая свой ответ на последних результатах археологических исследований о миграции азиатских кочевых племен на американский континент. Все это происходило не десять тысяч лет назад, а намного позже.

— У тебя свои представления, у меня — свои, — сказал он. — Я знаю, что древние маги жили в течение четырех тысячелетий, с пятого по первое тысячелетие до нашей эры. Три тысячи лет тому назад они исчезли. С тех пор маги постоянно систематизируют и по-новому интерпретируют их наследие.

— Как ты можешь быть столь уверенным в этих сроках? — спросил я.

— А как ты можешь быть столь уверенным в своих? — возразил он.

Я сказал ему, что у археологов есть проверенные методы для датирования событий прошлого. Он вновь возразил, что маги пользуются своими проверенными методами.

— Я не хочу противоречить тебе и не пытаюсь тебя переспорить, — продолжал он, — но может случиться так, что очень скоро ты сам сможешь спросить об этом у того, кто знает наверное.

— Никто не может знать это наверное, дон Хуан.

— Это еще одна из тех вещей, в которые невозможно поверить, но на самом деле существует тот, кто может все это подтвердить. Когда-нибудь ты встретишься с этим человеком.

— Ты, должно быть, шутишь дон Хуан. Кто может подтвердить, что произошло семь тысяч лет назад?

— Все очень просто. Это один из старых магов, о которых мы только что говорили. Тот, с которым я встречался. Он и поведал мне все о старых магах. Я надеюсь, что ты запомнишь все, что я собираюсь рассказать тебе об этом удивительном человеке. Он является для нас источником информации и авторитетом во многих отношениях. Именно с ним тебе следует встретиться.

Я сказал дону Хуану, что я внимаю каждому произносимому им слову, хотя и не могу понять, как в действительности может происходить то, о чем он говорит. Он обвинял меня в том, что я над ним насмехаюсь и не верю ни одному его слову о старых магах. Я согласился, что в обычном состоянии сознания я не поверил бы в эти его непостижимые истории. Но я не смог поверить этому и во втором внимании, хотя в нем я должен был бы отнестись к ним совсем по-иному.

— Эта история становится непостижимой только в том случае, если ты начинаешь над этим размышлять, — отметил он. — Если же ты не полагаешься на свой здравый смысл, для понимания такого рассказа необходимо лишь нужное количество определенной энергии.

— Почему ты говоришь, дон Хуан, что я встречаюсь с одним из старых магов?

— Потому что так будет. Очень важно, чтобы вы однажды встретились. А сейчас позволь мне рассказать тебе еще одну необычную историю об одном из нагвалей моей линии — нагвале Себастьяне.

Дон Хуан рассказал мне, что нагваль Себастьян был сторожем при церкви в южной Мексике примерно в начале восемнадцатого века. В своем рассказе дон Хуан обратил внимание на то, что современные маги и маги прошлого ищут и находят пристанище в таких общественных организациях как Христианская Церковь. По его мнению, благодаря своей высокой организованности маги легко становятся исполнительными служащими, и поэтому таких людей с готовностью принимают на ответственную работу в различные учреждения. Дон Хуан утверждал, что до тех пор, пока никто не знает об их сопричастности магии, отсутствие у магов идеологических симпатий помогает им зарекомендовать себя идеальными работниками.

Дон Хуан продолжал свой рассказ. Он сказал, что однажды, когда Себастьян выполнял свои обязанности церковного сторожа, в церковь вошел странный человек — старый индеец, выглядевший совсем больным. Ослабевшим голосом он сказал Себастьяну, что ему нужна помощь. Нагваль решил, что индеец хочет увидаться с приходским священником, но мужчина обратился к нагвалю, и казалось, что ему с трудом дается каждое слово. Резко и прямо он сказал ему, что он знает, что Себастьян — не просто маг, но и нагваль.

Себастьян, крайне встревоженный таким поворотом событий, отвел индейца в сторону и потребовал извинений. Тот ответил, что он здесь не для того, чтобы извиняться, но пришел к нему за особым рода помощью. По словам индейца, ему было необходимо получить от нагваля энергию для поддержания своей жизни, которая, как он заверил Себастьяна, длилась тысячи лет, но именно в то время чуть было не угасла.

Себастьян был очень рациональным человеком, и, не желая верить в такую бессмыслицу, настоятельно посоветовал индейцу прекратить дурачиться. Старик рассердился и пригрозил

Себастьяну выдать его вместе с учениками церковным властям, если он не согласится выполнить его просьбу.

Дон Хуан напомнил мне, что в те времена церковные власти часто жестоко расправлялись с языческими культами, сохранившимися среди индейцев Нового Света. Такую угрозу нельзя было не принять всерьез; и нагваль, и его последователи действительно оказались в смертельной опасности. Себастьян спросил индейца, как тот может получить от него энергию. Тот человек объяснил, что вследствие своей магической практики нагвали приобретают особую энергию, которую накапливают в своем теле, и что он может безболезненно для Себастьяна взять часть ее из энергетического центра, находящегося в области пупка. В свою очередь, Себастьян, оставшись невредимым, не только получит за это возможность продолжать свою магическую деятельность, но приобретет также дар силы.

Необходимость выполнить требование старого индейца не слишком привлекала нагваля, но тот не отступал, и Себастьяну пришлось в конце концов удовлетворить его просьбу.

Дон Хуан заверил меня, что старый индеец несколько не преувеличивал своих притязаний. Оказалось, что он является одним из магов древности, одним из тех, кто известен как бросивший вызов смерти. По всей видимости, он прожил вплоть до того времени, используя только ему известные методы воздействия на свою точку сборки.

Дон Хуан сказал, что происшедшее тогда послужило основой для заключения соглашения, к которому присоединились все шесть нагвалей после Себастьяна. Бросивший вызов смерти сдержал свое слово; в обмен на энергию, взятую от всех этих людей, он вознаградил каждого даром силы. Себастьян вынужден был принять такой дар, и сделал это вопреки своей воле; он был поставлен в такое положение, где у него не было выбора. Однако все последующие нагвали после Себастьяна с готовностью и гордостью принимали этот дар.

Дон Хуан завершил свою историю, сказав, что позже бросивший вызов смерти стал известен как арендатор ["the tenant" (англ.) — см. прим. к т.8 К.К. «Сила безмолвия» («София», Киев, 1993г, стр. 65)]. И на протяжении более чем двух столетий нагвали линии дона Хуана соблюдали условия этого соглашения, вступая в отношения обмена энергией, что привело к некоторым изменениям в некоторых деталях и конечной цели их учения.

Дон Хуан не потрудился объяснить, что же было дальше в этой истории, но у меня осталось странное ощущение ее подлинности, которое взволновало меня больше, чем я мог когда-либо вообразить.

— Как ему удалось прожить так долго? — спросил я.

— Этого никто не знает, — ответил дон Хуан. — Все, что мы знаем о нем с тех пор, — это то, что он сам нам рассказывал. Именно бросившего вызов смерти я и расспросил о старых магах, и он сказал мне, что наиболее плодотворный период их деятельности был три тысячи лет назад.

— Откуда ты знаешь, что он говорил правду? — спросил я.

Дон Хуан покачал головой как-то удивленно, почти с отвращением.

— После того, как столкнешься лицом к лицу с не постижимым, неизвестным тебе, где-то там, — сказал он, показывая вокруг себя, — перестаешь носиться с мелочной ложью. Мелочная ложь — это удел тех, кто никогда не заглянул в потустороннее, которое ожидает нас.

— Что ждет нас там, дон Хуан?

Кажущийся безобидным, его ответ привел меня в такой ужас, которого не вызвало бы во мне даже описание самой страшной вещи.

— Нечто абсолютно безличностное, — сказал он.

Он, должно быть, заметил, что страх разрывает меня на части, и изменил мой уровень осознания так, чтобы мой испуг прошел.

Несколько месяцев спустя в моих сновидениях произошла странная перемена. В своих снах я начал получать ответы на вопросы, которые я собирался задать дону Хуану. Но наиболее странным было то, что это стало происходить со мной и в часы бодрствования. Однажды, когда я сидел за столом на работе, я получил ответ на мысленный вопрос о реальности неорганических существ. Я видел неорганические существа в сновидении так много раз, что уже начал думать о них как о реальности. Я вспомнил, что даже прикасался к одному из них, находясь в необычном состоянии сознания в пустыне Соноран. Периодически в своих снах я проскальзывал в миры, которые едва ли могли быть порождением моего воображения. Я хотел наилучшим образом кратко сформулировать этот вопрос для дона Хуана. Для себя я сформулировал его так: если согласиться с тем, что неорганические существа точно так же реальны, как и люди, то где они могут существовать в материальной структуре вселенной?

Сформулировав для себя этот вопрос, я услышал странный смех. Такой же смех я слышал в тот день, когда столкнулся с неорганическим существом. Вполне человеческий голос сказал мне:

— Их мир существует в некотором особенном положении точки сборки, — сказал он. — Так же, как твой мир существует в обычном положении точки сборки.

Меньше всего на свете мне хотелось начинать разговор с бестелесным голосом, поэтому я вскочил на ноги и начал бегать по дому в поисках того, кто мог бы произнести эти слова. Я решил, что начинаю сходить с ума. Ко всем моим волнениям не хватало только этого.

Голос был столь ясным и внушительным, что не только озадачил, но и испугал меня. Я с трепетом ожидал дальнейших появлений этого голоса, но этого не происходило. При первой же представившейся возможности я обратился с вопросом к дону Хуану.

Мои недоразумения не произвели на него никакого впечатления.

— Ты должен понять раз и навсегда, что такие вещи обычны в жизни мага, — сказал он. — Ты не сходишь с ума; ты просто слышишь голос эмиссара в сновидении. Пройдя через первые и вторые врата сновидения, сновидящий достигает такого энергетического уровня, когда у него начинаются видения или когда он слышит голоса. Фактически, это не много голосов, а только один. Маги называют его голосом эмиссара в сновидении.

— Что такое «эмиссар в сновидении»?

— Чужая энергия, сконцентрированная в небольшой области пространства. Чужая энергия, претендующая на то, чтобы помогать сновидящим своими рассказами. Для эмиссара в сновидении характерно, что он может сказать лишь то, что маги уже знают или должны знать, если считают себя магами.

— Утверждение, что это чужая энергия, сосредоточенная в небольшой области пространства, совершенно ничего мне не говорит, дон Хуан. Какого рода эта энергия — дружелюбная, враждебная, положительная, отрицательная, — какая?

— Она в точности такая, как я сказал, — чужая. Безличностная сила, которую мы воспринимаем как личность потому, что она разговаривает с нами. Некоторые маги поклоняются ей. Они даже могут видеть ее. Или, подобно тебе, они попросту слышат ее как мужской или женский голос. Этот голос может объяснять им суть происходящего, и они чаще всего воспринимают сказанное им как полезный совет.

— Почему некоторые из нас воспринимают его как голос?

— Мы видим или слышим его, потому что мы удерживаем наши точки сборки в некотором новом положении; чем устойчивее это положение, тем стабильнее наше ощущение эмиссара. Остерегайся! Ты можешь увидеть и почувствовать его даже как обнаженную женщину.

Дон Хуан рассмеялся над своим собственным замечанием, но я был слишком испуган, чтобы веселиться.

— Способна ли эта сила материализоваться? — спросил я.

— Конечно, — ответил он. — Все зависит от того, где находится точка сборки. Но в любом случае, если ты можешь оставаться достаточно непривязанным к нему, ничего плохого произойти не может. Эмиссар останется таким же, каким он был, — безликим голосом, который воздействует на нас вследствие того, что точка сборки находится в определенном месте.

— Его советы безопасны и благоразумны?

— Его слова нельзя считать советами. Он лишь говорит нам, что есть что, а мы сами уже делаем из этого выводы.

Затем я рассказал дону Хуану о том, что голос поведал мне.

— Это в точности соответствует тому, что я тебе только что говорил, — заметил дон Хуан.

— Эмиссар не сказал тебе ничего нового. Его утверждения были правильными, но тебе только казалось, что он открывает для тебя что-то новое. Эмиссар просто повторял тебе то, что ты уже знаешь.

— Боюсь, что я не знаю всего того, что он говорил, дон Хуан.

— Да нет же, знаешь. Ты уже сейчас знаешь бесконечно больше о тайне вселенной, чем предполагает твой здравый смысл. Это наша человеческая слабость — знать о тайне вселенной больше, чем мы подозреваем.

Меня обрадовало то, что я сам, без всякой помощи со стороны дона Хуана, имел возможность убедиться в истинности этих слов. Мне хотелось узнать больше об эмиссаре. Я начал расспрашивать дона Хуана, слышал ли он когда-нибудь голос эмиссара.

Он перебил меня и, широко улыбнувшись, сказал:

— Да, конечно. Эмиссар говорит и со мной. В юности я обычно видел его в облики монаха в черной рясе. Этот болтливый монах каждый раз пугал меня до смерти. Позже, когда я научился преодолевать страх, он превратился в бестелесный голос, который говорит мне обо всем и по сей день.

— О чем он говорит, дон Хуан?

— Обо всем, что составляет суть моего намерения, но все еще не продумано мной до конца. Например, подробности, касающиеся поведения моих учеников. Что они делают,

когда меня нет поблизости. В частности, он говорит мне и о тебе. Эмиссар рассказывает мне обо всем, что ты делаешь.

После этого мне сразу же стало неинтересно разговаривать об этом дальше. Я отчаянно пытался придумать какой-нибудь вопрос на другую тему, в то время как дон Хуан хохотал во все горло.

— Является ли эмиссар в сновидении неорганическим существом? — спросил я.

— Лучше будет сказать, что эмиссар в сновидении — это сила, которая приходит к нам из мира неорганических существ. По этой причине сновидящие всегда сталкиваются с нею.

— Ты имеешь в виду, дон Хуан, что каждый сновидящий слышит или видит эмиссара?

— Слышит эмиссара каждый, но лишь немногие видят или ощущают его.

— Ты можешь это как-нибудь объяснить?

— Нет. Кроме того, меня на самом деле не волнует эмиссар. Однажды мне пришлось сделать выбор, уделять ли внимание неорганическим существам и тем самым идти по следам старых магов — или отказаться от этого. Мой учитель, нагваль Хулиан, помог мне решиться на этот отказ. И я никогда не пожалел о своем решении.

— Как ты считаешь, мне тоже следует отказаться от неорганических существ, дон Хуан?

Он не ответил мне; вместо этого он объяснил, что мир неорганических существ всегда продолжает обучать нас. Вероятно, это так потому, что неорганические существа обладают более глубоким сознанием, чем наше, и испытывают потребность опекать нас.

— Я не вижу никакого смысла в том, чтобы становиться их учеником, — добавил он. — За это приходится платить слишком дорого.

— Как именно?

— Нашими жизнями, энергией, преданностью им. Другими словами, нашей свободой.

— А чему они учат?

— Всему, что характерно для их мира. Точно также мы бы учили их, если бы могли это делать, — тому, что имеет отношение к нашему миру. Их метод, однако, заключается в том, чтобы рассматривать наше эго в качестве показателя того, в чем мы нуждаемся, и в соответствии с этим обучать нас. Крайне опасное занятие!

— Я не понимаю, почему это должно быть опасным.

— Если кто-то выяснит запросы твоего эго со всеми его страхами, жадностью, завистью и прочим, и станет обучать тебя тому, как удовлетворить все твои ужасные притязания, — как ты думаешь, каков будет результат?

У меня больше не было возражений. Мне показалось, что я отлично понял причины его неприятия неорганических существ.

— У магов прошлого возникли неприятности потому, что хотя они и достигли великолепных успехов в изучении магии, но при этом они руководствовались низменными эгоистическими побуждениями, — продолжал дон Хуан. — Неорганические существа стали их наставниками, и с помощью изоощренных средств они обучили старых магов множеству чудес. Следуя примеру своих наставников, старые маги начали шаг за шагом овладевать их искусством, повторяя их действия, но не изменяя своей эгоистической ориентации.

— Существуют ли такие взаимоотношения с неорганическими существами в наше время?

— Я не могу дать тебе точный ответ. Скажу лишь, что не могу представить себя в подобных взаимоотношениях с ними. Такие пристрастия ограничивают нашу свободу, потому что поглощают нашу энергию. Для того, чтобы по-настоящему следовать примеру своих наставников, старые маги были вынуждены жить в мире неорганических существ. Для того, чтобы совершить столь продолжительное путешествие в их мир, требуется колоссальный объем энергии.

— Ты хочешь сказать, дон Хуан, что маги древности могли существовать в тех мирах так, как мы существуем здесь?

— Не совсем так, но, несомненно, они как-то жили там: они сохраняли при этом свое самосознание, свою индивидуальность. Эмиссар в сновидении становился самым необходимым существом для этих магов. Если маг желает жить в мире неорганических существ, то лучшим гидом для него является эмиссар; он обо всем рассказывает, любит обучать и вести за собой.

— Ты бывал когда-нибудь в мире неорганических существ, дон Хуан?

— Бесчисленное количество раз. Так же, как и ты. Но сейчас нет смысла говорить об этом. Ты еще не овладел достаточно хорошо своим вниманием сновидения. Мы поговорим об этом мире как-нибудь в другой раз.

— Мне кажется, дон Хуан, что ты либо не одобряешь, либо не любишь эмиссара?

— Я и не одобряю, и не люблю его. Он проповедует другую систему ценностей — ту, которая соответствует духу старых магов. Кроме того, его поучения и рекомендации в нашем мире бессмысленны. И за эту бессмыслицу эмиссар требует от нас огромнейших затрат энергии. Когда-нибудь и ты согласишься со мной. Вот увидишь.

Дон Хуан произнес эти слова таким тоном, что я уловил в них скрытую убежденность в моем несогласии с ним в отношении эмиссара. Я уже был готов спросить его о своей догадке, как вдруг в своих ушах услышал голос эмиссара.

— Он действительно думает так, — сказал голос. — Я нравлюсь тебе, потому что ты не находишь ничего плохого в том, чтобы исследовать все возможности. Ты хочешь знаний; знания — это сила. Ты ведь не хочешь осмотрительно прятаться за традиции и убеждения твоего обычного мира?

Эмиссар сказал обо всем этом по-английски с ясно различимым калифорнийским выговором. Затем он перешел на испанский. Я заметил незначительный аргентинский акцент. Я никогда раньше не слышал, чтобы эмиссар говорил так. Это восхитило меня. Эмиссар рассказал о совершенствовании в познании; о том, сколь многого я уже достиг с тех пор, как появился на свет; о моей любви к приключениям и страсти ко всему новому, к открывающимся горизонтам. Голос обратился ко мне даже по-португальски, произнося слова с интонацией, характерной для пампасов Южной Америки.

Когда я услышал весь этот поток лести, изливающейся на меня, я не только испугался, но меня к тому же затосило от лицемерия эмиссара. Я сразу же сказал дону Хуану, что вынужден прекратить свою практику сновидения. Он взглянул на меня с нескрываемым удивлением. Но когда я повторил ему все, что слышал, он одобрил мое решение, хотя я и почувствовал, что он делает это только для того, чтобы успокоить меня.

Спустя несколько недель я пришел к выводу, что принял это решение сгоряча и необдуманно. Я вновь вернулся к практике сновидения. Я был уверен, что дон Хуан знает о том, что я возобновил занятия.

Во время одного из моих визитов к нему он довольно неожиданно заговорил о сновидении.

— Если ты не привык рассматривать сновидения в качестве подлинной сферы исследований, то отсюда не следует, что они не являются такой сферой, — начал он. — Сны анализируют в поисках смысла, их считают плохими предзнаменованиями, но никто не видит, что события, происходящие в них, так же реальны, как и наш обыденный мир.

— Насколько я могу судить, только маги прошлого считали сновидение реальным, — продолжал дон Хуан, — но в конце концов они исказили его суть. Они стали ненасытными, накапливая новые знания, и когда дело дошло до выбора правильного пути, они свернули не в ту сторону. Они смешали все в одну кучу, без разбора устанавливая точку сборки в тысячи возможных положений.

Дон Хуан выразил сожаление в связи с тем, что из всех великолепных вещей, которым научились старые маги, перемещая точку сборки в тысячи разных мест, остались только искусство сновидения и искусство stalking.

Он повторил снова, что искусство сновидения означает умение управлять смещением точки сборки. Затем он определил искусство stalking как умение фиксировать точку сборки в том месте, куда ее необходимо сместить.

— Фиксировать точку сборки на новом месте означает достигать состояния гармонии, — сказал он. — Сейчас ты как раз над этим и работаешь в своей практике сновидения.

— А я думал, что совершенствую энергетическое тело, — сказал я, сильно удивившись его словам.

— Ты работаешь над этим и еще многим другим, но прежде всего, ты овладеваешь умением достигать гармонии. Ты учишься этому в сновидении, когда тебе необходимо фиксировать точку сборки после ее перемещения. Внимание сновидения, энергетическое тело, второе внимание, отношения с неорганическими существами, эмиссар в сновидении — все это сопутствует обретению гармонии; другими словами, все это получается вследствие сдвига точки сборки в некоторые определенные положения в сновидении.

— Какие это положения, дон Хуан?

— Любые позиции, в которых точка сборки оказывается во время сновидения.

— А как мы фиксируем ее в этих точках?

— Продлевая присутствие объектов в сновидении или же преднамеренно изменяя эти объекты. Занимаясь практикой сновидения, ты фактически учишься достигать гармонии; другими словами, ты получаешь навыки сохранять энергию в той новой форме, которую она принимает вследствие фиксации точки сборки в определенном месте в каждом конкретном сновидении.

— Умею ли я сохранять энергию в новой форме?

— Еще не очень хорошо, и не потому что ты не можешь этого делать, а потому, что ты сдвигаешь точку сборки, а не плавно двигаешь ее. Последовательность сдвигов приводит к появлению незначительных, почти незаметных изменений в том, что ты видишь. Вся трудность при этом состоит в том, что изменений так много и они настолько малы, что

способность непрерывно находится в состоянии гармонии свидетельствует о большом успехе.

— Как определить, находимся ли мы в состоянии гармонии?

— По ясности восприятия. Чем отчетливее то, что мы наблюдаем в сновидении, тем гармоничнее наше состояние.

Он сказал мне, что пришло время практически использовать то, чему я научился в сновидении. Не давая мне времени задать очередной вопрос, он приказал мне сконцентрировать внимание на листе растущего недалеко мескитового дерева. И к тому же сделать это так, будто бы я нахожусь в сновидении.

— Ты хочешь, чтобы я просто смотрел на это дерево?

— Я не хочу, чтобы ты просто смотрел; я хочу, чтобы ты сделал нечто особенное с его листом, — сказал он. — Помни, что если в сновидении ты можешь удерживать в поле зрения объект, ты тем самым фактически удерживаешь точку сборки в определенном положении. А сейчас пристально смотри на эти листья, будто ты в сновидении, но с одним хотя и небольшим, но очень существенным отличием: удерживай свое внимание сновидения на листьях мескитового дерева, находящегося в обыденном мире.

Моя нервозность не давала мне возможности следовать ходу его мысли. Он терпеливо объяснил, что глядя на листву, я осуществляю незначительное перемещение точки сборки. Затем, собирая воедино свое внимание сновидения путем пристального всматривания в отдельные листики, я в действительности фиксирую точку сборки в этом едва смещенном положении. Тем самым гармоничность, достигнутая в этом состоянии, позволит мне воспринимать в терминах второго внимания. Посмеиваясь, он добавил, что это на редкость просто.

Дон Хуан был прав. Мне потребовалось лишь остановить взгляд на отдельных листьях дерева, удержать его там, и я мгновенно ощутил себя в вихре, подобном тем, в которые я попадал в сновидении. Листья мескитового дерева стала целой вселенной чувственных данных. Было похоже на то, что она поглотила меня, но я ощущал ее не только с помощью зрения; я прикасался к листьям и ясно осязал их. Я мог чувствовать их запах. Мое внимание сновидения было не просто визуальным, как в обычном сновидении, но объединяло все органы чувств.

То, что началось с пристального созерцания листвы мескитового дерева, теперь переросло в сновидение. Я был убежден, что воспринимаю дерево во сне, как это случалось со мной множество раз. Естественно, я поступил с этим деревом во сне точно так же, как всегда поступал в сновидении; я переходил от детали к детали, увлекаемый силой завихрения, которая уносила меня к той части дерева, куда я направлял свое внимание сновидения, охватывающее все органы чувств.

В ходе этого видения [vision (англ.)] или сновидения я столкнулся с сомнениями, порожденными моей обычной рациональностью. Я начал спрашивать себя, не взбрался ли я и в самом деле, замечтавшись, на дерево и не ощущаю ли в действительности обычные листья, не зная о том, что окружен со всех сторон настоящей листвой. Или может быть, я уснул, убаюканный шелестом листьев на ветру, и вижу сон? Но, как всегда в сновидении, мне не хватило энергии для того, чтобы долго об этом размышлять. Мои мысли были мимолетны. Они длились мгновение, а затем сила непосредственного восприятия всецело заглушила их.

От какого-то движения вокруг меня все вздрогнуло, и я буквально вынырнул из облака листьев, будто дерево перестало оказывать на меня свое притягивающее воздействие. Я видел со своей высоты великолепную панораму вплоть до самого горизонта. Темные горы и зеленая растительность окружали меня. Еще один энергетический всплеск из глубины встряхнул меня. Я понял, что уже нахожусь совсем не там, где было мескитовое дерево. Исполинские деревья возвышались вокруг. Они были выше, чем пихты в штатах Орегон или Вашингтон. Я никогда не видел такого леса. Эта панорама так резко контрастировала с безводной соноранской пустыней, что у меня не осталось сомнений, что я в сновидении. Я удерживал этот необычный пейзаж, боясь отпустить его, зная, что это в действительности сон, который исчезнет, как только я выскользну из внимания сновидения. Но образы оставались даже тогда, когда мне показалось, что я вышел из внимания сновидения. Ужасная мысль пронеслась у меня в уме: а что, если это и не сон, и не обычный мир?

Испугавшись так, как может быть напугано только животное, я устремился опять в заросли листьев, из которых вынырнул. Под воздействием порыва вовнутрь я пошел сквозь листву дерева, огибая толстые ветки. Затем я вновь вынырнул из дерева и в один миг очутился рядом с доном Хуаном у двери его дома в пустыне Соноран.

Я сразу понял, что снова нахожусь в состоянии, в котором могу нормально мыслить, но не могу разговаривать — Дон Хуан сказал, чтобы я не волновался. Он сказал, что наш дар речи

подвержен очень сильным влияниям, и что периоды немоты — довольно распространенное явление среди магов, которые отваживаются заглядывать за пределы обычного восприятия.

В глубине души я чувствовал, что дон Хуан проникся жалостью ко мне и решил меня приободрить. Но голос эмиссара который я ясно услышал в этот момент, произнес, что через несколько часов отдыха ко мне вернется не только дар речи, но и хорошее самочувствие.

Выспавшись, я по просьбе дона Хуана дал ему подробное описание всего увиденного и пережитого мной. Он предупредил меня, что понимание моих переживаний невозможно на основе рациональных представлений. И дело вовсе не в том, что мой интеллект в каком-то смысле неполноценен, а в том, что это было происшествие, которое разум не может постичь просто по своей природе.

Я, естественно, возразил, что нет ничего непостижимого для разума. Положение вещей может быть неясным, но рано или поздно мыслящий разум прольет свет на все. И я действительно верил в это.

Дон Хуан с большим терпением объяснил, что мыслящий разум — всего лишь один из аспектов положения точки сборки; поэтому знание о том, что происходит в мире, здравомыслие, уверенность в себе — все эти предметы нашей гордости и предполагаемые мерила нашего здравомыслия — являются лишь следствием расположения точки сборки в ее обычном месте. Чем более жестко она там фиксирована, тем более мы самоуверенны, тем сильнее мы чувствуем, что знаем мир и способны предвидеть будущее.

Он добавил, что сновидение дает нам гибкость, необходимую для того, чтобы войти в другие миры, разрушая нашу убежденность в знании этого мира. Он назвал сновидения путешествием в невообразимые измерения, когда, после того, как мы постигаем все доступное человеческому восприятию, наша точка сборки выскальзывает за пределы человеческого и достигает непостижимого.

— Мы снова вернулись к самому важному аспекту мира магов, — продолжал он, — положению точки сборки. Оно является одновременно проклятием старых магов и источником постоянных неприятностей человечества.

— Почему ты так говоришь, дон Хуан?

— Потому что все человечество и маги древности пали жертвой положения точки сборки. Человечество не знает, что точка сборки существует, и поэтому принимает последствия ее обычного расположения как нечто окончательное и неоспоримое. Что же касается старых магов, то они пострадали потому, что хотя и знали все о точке сборки, но не смогли правильно воспользоваться ее возможностями.

Ты должен избежать этих двух ловушек, — продолжал он. — Было бы очень плохо, если бы ты уподобился человечеству в своем неведении относительно точки сборки. Но будет еще хуже, если ты станешь так же рационально, как старые маги, использовать точку сборки для достижения личных целей.

— Я все еще не понимаю, о чем ты говоришь. Какое это имеет отношение к тому, что я пережил вчера?

— Вчера ты посетил другой мир. Но если ты спросишь меня, где он находится, и я скажу тебе, что он — в положении точки сборки, ты снова ничего не поймешь.

По словам дона Хуана, мне грозила одна из двух роковых возможностей. Первая состояла в том, что я последую по пути человечества и столкнусь с дилеммой, когда мой опыт скажет мне, что есть иные миры, а мой разум будет утверждать, что они не существуют и не могут существовать. Вторая — в том, что я уподоблюсь старым магам, сразу же согласившись с реальностью иных миров, и начну использовать положение точки сборки, порождающее эти миры, для корыстных целей. В результате возникнет проблема, связанная с уходом в иные уровни реальности в погоне за могуществом и богатством.

Мне нечего было сказать в ответ на его слова, но через некоторое время я понял, что я не должен непременно стать жертвой этих роковых возможностей, потому что в принципе я полностью согласен с точкой зрения самого дона Хуана, — хотя, естественно, я не мог тогда полностью представлять, с чем соглашаюсь. Согласие с ним скорее выражалось в каком-то давно забытом чувстве уверенности, которое я потерял и теперь начинал медленно обретать снова.

Возврат к моей практике сновидения устранил это беспокойство, но создал новое. Например, в связи с тем, что я каждый день слышал голос эмиссара, он перестал звучать для меня раздражающе или странно. Он стал обычным явлением. Я допустил так много ошибок под влиянием его слов, что почти понял, почему дон Хуан отказывался относиться к ним серьезно. Психианалитику потребовался бы не один день, чтоб проинтерпретировать высказывания эмиссара в соответствии со всеми возможными перипетиями моих межличностных отношений.

Дон Хуан придерживался по этому поводу непреклонного мнения: эмиссар — это безличностная, устойчивая сила из мира неорганических существ. Каждый сновидящий

сталкивается с ней при более или менее схожих обстоятельствах, но если он решает воспользоваться его советами, то является безнадежным дураком.

Я со всей определенностью и был таковым. Я никоим образом не мог оставаться равнодушным, сталкиваясь с таким необычайным явлением: голос, ясно и последовательно излагающий мне на трех языках тайные сведения обо всем, на чем останавливалось мое внимание. Единственным, но не очень существенным его недостатком для меня было то, что он говорил не всегда вовремя. Эмиссар нередко рассказывал мне о людях и событиях, когда я уже полностью забывал о том, что они меня раньше интересовали.

Я спросил у дон Хуана об этом, и в ответ он сказал, что это как-то связано с жесткостью положения моей точки сборки. Он объяснил, что меня воспитывали пожилые люди, и поэтому я унаследовал многие стороны их мировоззрения. В частности, я подвержен опасной тенденции считать себя праведным. Он сказал, что когда он давал мне принимать галлюциногенные растения, то руководствовался прежде всего необходимостью расшатать мою точку сборки и сделать ее подвижной хотя бы в минимальной степени.

— Если ты не сделаешь ее чуточку подвижнее, — продолжал он, — ты либо станешь еще более высокого мнения о себе, либо превратишься в неуравновешенного мага. Я говорю это тебе не для того, чтобы очернить старых магов, а для того, чтобы оградить тебя от их ошибок. Рано или поздно твоя точка сборки станет более подвижной, но все же не настолько, чтобы ты не рисковал стать либо тщеславным, либо неуравновешенным.

— Как мне избежать всего этого, дон Хуан?

— Существует только один путь. Маги называют его глубинным пониманием. Я называю его романом между человеком и знанием. Для магов он является движущей силой в познании, исследовании, удивительных открытиях.

Дон Хуан сменил тему разговора и продолжил объяснение фиксации точки сборки. Он сказал, что при видении точки сборки у детей, которая постоянно перемещается как бы под воздействием небольших встряхиваний, легко переходя из одного положения в другое, — старые маги пришли к выводу, что обычное место точки сборки не присуще ей от природы, а вырабатывается как привычка. Видя также, что точка сборки фиксирована на одном месте только у взрослых, они заключили, что с каждым конкретным ее положением некоторым особым образом связан определенный тип восприятия. Вследствие длительной привычки этот тип восприятия становится системой интерпретации чувственных данных.

Дон Хуан указал, что поскольку мы вовлечены в эту систему, будучи воспитанными в соответствии с ней, мы продолжаем с самого рождения приспосабливаться к требованиям системы интерпретаций, — системы, которая вводит нас в жизнь. Поэтому старые маги были совершенно правы в том, что верили в возможность отказа от нее и непосредственного восприятия энергии, в результате чего человек становится магом.

Как бы удивляясь, дон Хуан отметил, что так называемое величайшее достижение нашего общественного воспитания состоит в том, чтобы замкнуть точку сборки в ее обычном положении. Ведь после того как она замирает в этом положении, наше восприятие может легко описывать и объяснять то, что мы ощущаем. Другими словами, с этого момента нас можно легко заставить воспринимать лишь то, что предполагает система, а не то, что в мы ощущаем в действительности. Он заверил меня, что восприятие людей однотипно по всему миру, потому что точки сборки у всех представителей человечества фиксированы одинаково.

Он продолжил рассказывать, отметив, что маги сами убедились во всем этом, когда видели смещение точки сборки за определенную грань, приводившее к постижению новых вселенских волокон энергии. При этом то, что было окончательной реальностью на предыдущих этапах, утрачивало смысл. Непосредственной причиной этой бессмыслицы является восприятие органами чувств новых данных, приводящее к тому, что наша система интерпретации оказывается непригодной для объяснения того, что мы ощущаем.

— Восприятие без системы интерпретации, конечно же, хаотично, — продолжал дон Хуан. — Но удивительно, что когда мы считаем, что полностью утратили ориентиры, наша старая система оживает вновь. Она приходит нам на помощь и превращает наши бессистемные ощущения в тщательно упорядоченный новый мир. Это случилось с тобой, когда ты смотрел на листья мескитового дерева.

— Что на самом деле тогда случилось со мной, дон Хуан?

— В течение некоторого времени твое восприятие было хаотичным. Ты видел все сразу, и твоя система интерпретации мира не работала. Затем хаос упорядочился, и ты предстал перед новым миром.

— Мы снова, дон Хуан, вернулись туда, где были раньше. Существует ли тот мир, или он просто-напросто создан моим умом?

— Мы опять вернулись туда же, и ответ остался тем же. Он существует в том определенном положении твоей точки сборки. Для того, чтобы воспринимать его, тебе нужна была гармония с ним, то есть тебе следовало удерживать точку сборки фиксированной в том

положении, что ты и делал. В результате ты в течение некоторого времени ясно видел этот новый для тебя мир.

— Могли бы другие воспринимать тот же самый мир?

— Если бы у них было то же положение точки сборки и та же степень гармонии, — они бы могли. Маги прошлого называли эти действия по согласованию положения точки сборки и достижению гармонии с миром, лежащим за пределами обычного, сталкингом восприятия.

— Искусство сталкинга, — продолжал он, — как мы уже говорили, означает фиксацию точки сборки. Старые маги открыли посредством своей практики, что как бы ни было важно уметь перемещать точку сборки, еще важнее быть способным фиксировать ее в новом состоянии, каково бы оно ни было.

Он объяснил, что если точку сборки не удастся зафиксировать, нет никакой возможности воспринимать гармонично. В таком случае мы будем воспринимать калейдоскопическую картину несвязанных друг с другом образов. Вот потому маги прошлого уделяли сталкингу столько же внимания, сколько и сновидению. Одно искусство не может существовать без другого, особенно в отношении тех действий, которые совершали старые маги.

— Какие это были действия, дон Хуан?

— Старые маги называли их тонкостями второго внимания, или же великим приключением в неизвестном.

Дон Хуан сказал, что эти действия основываются на смещении точки сборки. Старые маги не просто умели смещать точку сборки в тысячи различных положений на поверхности или внутри своих энергетических тел, но они еще и научились фиксировать свои точки сборки в этих положениях, и, таким образом, поддерживать гармонию неограниченно долгое время.

— Зачем все это было нужно, дон Хуан?

— Мы не можем сказать, к чему они стремились, но можем говорить о том, чего они достигли.

Он объяснил, что старые маги умели достигать такой совершенной гармонии, которая делала возможным восприятие всего и физическое превращение во все, что соответствовало конкретному положению их точек сборки. Они могли стать кем угодно или чем угодно из длинного списка, который, по его словам, представлял собой детальное описание восприятия мира различными сущностями, например, ягуаром, птицей, насекомым и так далее.

— Мне очень трудно поверить, что эти превращения возможны, — сказал я.

Он сказал, что точки сборки старых магов обладали великолепной подвижностью. Им нужно было лишь слегка сместить их в соответствии с малейшей особенностью ощущения в сновидении, и сразу же с помощью сталкинга восприятия они достигали нужной гармонии с окружающим миром, становясь животным, другим человеком, птицей или вообще чем угодно.

— А разве душевнобольные не делают то же самое? Разве они не создают сами собственную реальность? — спросил я.

— Нет, это не одно и то же. Сумасшедшие воображают себе реальность вообще без всякой заранее поставленной цели. Они рожают хаос из хаоса. Маги, в отличие от них, упорядочивают хаос. Их постоянная глобальная цель состоит в том, чтобы освободить свое восприятие. Маги не выдумывают сами воспринимаемый ими мир. Они прямо ощущают энергию, а затем обнаруживают, что воспринимают некоторый неизвестный новый мир, что он так же реален, как реально все, что мы знаем.

Затем дон Хуан дал мне новое объяснение происшедшего со мной, когда я смотрел на мескитовое дерево. Он сказал, что я вначале ощущал энергию дерева. На субъективном уровне я верил, что сплю, потому что использовал для ощущения энергии технику сновидения. Он отметил, что использование этой техники в мире обыденной жизни было одним из наиболее эффективных средств, использовавшихся старыми магами. Это давало возможность ощущать энергию точно так же, как и во сне, а не всецело хаотично. Затем наступал момент, когда что-то изменяло восприятие, и маг находил себя стоящим лицом к лицу с новым миром — в точности как это случилось со мной.

Я сказал ему об одной мысли, которую я едва осмеливался произнести: панорама, увиденная мной, была и не сном, и не обычным миром.

— Да, она не была ни тем, ни другим, — сказал он. — Я напоминаю тебе это снова и снова, а ты думаешь, что я просто говорю одно и то же. Я знаю, как трудно уму допустить реальность существования безумных возможностей. Но новые миры существуют! Они охватывают друг друга, образуя в целом нечто похожее на луковицу. Тот мир, в котором мы живем, — это лишь один слой луковицы.

— Ты хочешь сказать, дон Хуан, что цель твоего учения в том, чтобы подготовить меня к посещению этих миров?

— Нет. Я хочу сказать совсем другое. Мы отправляемся в другие миры только в качестве упражнения. Такие путешествия были уделом бывших магов. Мы занимаемся сновидением, как и маги древности, но в то же время мы исходим из совершенно иных принципов. Старые маги предпочитали сдвиг ["shift» (англ.)] точки сборки, поэтому они всегда чувствовали себя в более или менее известном, предсказуемом положении. Мы же отдаем предпочтение движению ["movement» (англ.)] точки сборки. Старые маги искали неизвестное для людей. Мы ищем сверхчеловеческое неизвестное.

— Я еще не добрался до него, не правда ли?

— Нет. Ты только начинаешь. Вначале каждый должен пройти по стопам старых магов. Ведь в конце концов это они изобрели сновидение.

— Когда я, в таком случае, начну изучать сновидение новых магов?

— Тебе еще предстоит многое сделать. Возможно, на это уйдут годы. Кроме всего прочего, я должен быть с тобой очень осторожным. По характеру ты определенно похож на магов прошлого. Я предупреждал тебя об этом, но ты всегда умудряешься пренебрегать моими советами. Иногда мне даже казалось, что какая-то чужая энергия выступает в качестве твоего советника, но сейчас я отбросил эту идею. Ты — искренний человек.

— Что ты имеешь в виду, дон Хуан?

— Ты нечаянно совершил два поступка, которые меня чертовски взволновали. В первом же сновидении ты путешествовал в энергетическом теле за пределами этого мира. И прогуливался там! А затем ты посетил в энергетическом теле еще одно место за пределами этого мира, но об этом ты не помнишь в своем обычном состоянии сознания.

— Почему это беспокоит тебя, дон Хуан?

— Сновидение слишком легко для тебя. И в этом твое проклятие, если мы не уделим этому вопросу надлежащего внимания. Сновидение выводит к неизвестному для людей. Как я говорил тебе, современные маги стремятся постичь сверхчеловеческое неизвестное.

— Чем может быть это сверхчеловеческое неизвестное?

— Свободой от всего человеческого. Это — невообразимые миры, выходящие за пределы человеческих возможностей достижения, которые тем не менее каким-то образом доступны нам. Туда направляются современные маги. Их устремления лежат далеко вне интересов людей; за пределами этих интересов лежат всеобъемлющие миры, среди которых есть далеко не только сферы обитания птиц и животных, хотя и они неизвестны человеку. То, о чем я говорю, представляет собой миры, подобные нашему. Целые вселенные с бесконечными пространствами.

— Где находятся все эти миры, дон Хуан? В различных положениях точки сборки?

— Правильно. В различных положениях точки сборки, но эти положения доступны для магов вследствие движения точки сборки, а не ее сдвига. Путешествия в такие миры могут совершить в сновидении только сегодняшние маги. Маги древности были далеки от них, потому что такие путешествия требуют от магов великой непривязанности и полного отказа от чувства собственной важности в любом его проявлении. Старые маги не могли пожертвовать всем этим. Для магов, практикующих сновидение в наши дни, это сновидение является свободой достичь миров, не укладывающихся ни в какое воображение.

— Но зачем их достигать?

— Ты уже спрашивал меня сегодня об этом. Ты рассуждаешь, как настоящий купец. «Это опасно? — спрашиваешь ты. — На сколько процентов увеличится сумма моего вклада? Будет ли так лучше для меня?» На эти вопросы невозможно ответить. Ум купца настроен на подсчет прибылей. Но свобода не может основываться на вкладах и доходах от них. Свобода — это приключение, которому нет конца, в котором мы рискуем жизнью и даже большим, чем жизнь, во имя нескольких мгновений чего-то превыше слов, мыслей и чувств.

— Я спрашивал, имея в виду другое, дон Хуан. Я хотел узнать, что может вынудить такого никудышного бездельника как я, достичь этого всего?

— Поиск свободы — это единственная побуждающая сила, которую я знаю. Это свобода улететь внезапно в бесконечность, которая где-то там. Это свобода умереть, исчезнуть навсегда. Это свобода быть подобным пламени свечи, которая остается неугасимой в мире, озаряемом светом миллиардов великолепных звезд, остается неугасимой потому, что никогда не считает себя чем-то большим, чем есть на самом деле, — всего лишь свечой.

5. МИР НЕОРГАНИЧЕСКИХ СУЩЕСТВ

Верный своему согласию ждать, пока дон Хуан сам решит продолжить свои объяснения сновидения, я обращался к нему за советом только в случае крайней необходимости. Однако он, как правило, производил впечатление человека, который не просто не желает обсуждать сновидение, но еще и раздражен моим отношением к этому предмету. По моему мнению, подтверждением его недовольства мной было то, что всегда, когда мы начинали обсуждать мою практику сновидения, он преднамеренно преуменьшал важность достигнутого мной.

В то время самой важной чертой моей практики стали постоянные свидетельства в пользу существования живых неорганических существ. После того, как я встретился с ними в своих сновидениях, и особенно после столкновения с ними в пустынных окрестностях дома дона Хуана, у меня были веские основания считать их существование подлинным фактом. Но все эти случаи возымели на меня обратное действие. Я упрямо и яростно отрицал возможность их существования.

Затем мое настроение изменилось и я решил провести объективное исследование вопроса, связанного с ними. Метод исследования предполагал, что я прежде всего буду вести регулярные записи того, что случается в моих занятиях сновидением, а затем использую эти записи в качестве достаточного основания для вывода, подтвердилось ли на практике то, что я предполагал о неорганических существах. Фактически, я исписал сотни страниц скрупулезными, но бессмысленными описаниями, в то время как достаточные свидетельства в пользу их существования были получены мной почти в самом начале моих изысканий.

Нескольких занятий оказалось достаточно, чтобы выяснить, что как бы случайная рекомендация дона Хуана — прекратить рассуждать и предоставить неорганическим существам возможность приблизиться ко мне — была в действительности тем самым способом, который использовали маги прошлого для того, чтобы привлекать их. Предоставив мне возможность убедиться в этом на собственном опыте, дон Хуан просто-напросто следовал своему методу обучения магии. Он снова и снова повторял, что очень трудно заставить наше эго покинуть оборонительные рубежи. Этого возможно достичь только с помощью практики. Одной из сильнейших оборонительных линий эго является не что иное, как наша рациональность. И она не только является одним из самых стойких барьеров на пути к обладанию магическими умениями и теорией, но еще и наиболее опасным по своим проявлениям. Дон Хуан верил, что существование неорганических существ является фактом, способным сильно поколебать нашу рациональность.

В своей практике сновидения я придерживался установленного распорядка, от которого не отклонялся ни на один день. Вначале моей целью было наблюдение всех доступных объектов в моих снах, а затем — изменение снов. Я наблюдал день ото дня целые вселенные различных деталей предметов. Как-то раз я заметил, что мое внимание сновидения начало убывать, и мои занятия заканчивались либо тем, что я засыпал и видел обычные сны, в которых я вообще не был способен управлять вниманием, либо тем, что я просыпался и не мог больше заснуть вообще.

Однако время от времени в моих сновидениях появлялся поток чужеродной энергии, как определял его дон Хуан, называя его также лазутчиком. Его предостережение относительно лазутчиков помогло мне быть бдительным и правильно использовать свое внимание сновидения. Первый раз я столкнулся с чужеродной энергией, когда мне снилось, как я делал покупки в универмаге. Я переходил от прилавка к прилавку, разыскивая антикварные предметы. В конце концов я нашел то, что искал. Несоответствие между универмагом и поиском произведений древнего искусства было столь очевидным, что я тихонько посмеивался, но как только я нашел одно такое произведение, я сразу же забыл об этой нелепости. Этот предмет представлял собой рукоятку трости. Продавец сказал мне, что она была изготовлена из иридия, который он назвал одним из самых твердых веществ в мире. Рукоятка была украшена резьбой с изображением головы и плеч обезьяны. Но мне показалось, что она сделана из нефрита. Продавец был очень возмущен, когда я намекнул, что это скорее всего нефрит, и, чтобы продемонстрировать свою правоту, он изо всей силы бросил предмет на цементный пол. Он не разбился, но стал подскакивать, как мяч, а затем уплыл прочь, вращаясь, как фрисби. Я последовал за ним. Он скрылся за деревьями. Я побежал, чтобы найти его и обнаружил его увязшим в земле. Он превратился в необычайно прекрасную надлежащей длины трость темно-зеленого цвета с переходом в черный.

Я захотел взять ее себе. Я ухватился за нее и начал с силой отрывать от земли, пока кто-нибудь не появился поблизости. Но как я ни старался, я не мог сдвинуть ее с места. Я боялся, что сломаю ее, если буду пытаться вырвать из земли, расшатывая из стороны в сторону. Поэтому я начал раскапывать землю вокруг нее голыми руками. По мере того, как я продолжал копать, она таяла на глазах, пока на ее месте не осталась только лужица зеленой воды. Я уставился взглядом в воду; внезапно мне показалось, что она взорвалась. Она превратилась в белый пузырь, который затем исчез. Мой сон продолжался дальше с новыми образами и деталями, которые ничем не выделялись, хотя и были совершенно отчетливы.

Когда я рассказал дону Хуану об этом сновидении, он сказал:

— Ты встретился с лазутчиком. Лазутчики часто встречаются и в обычных снах. Странно, но сны сновидящих характеризуются отсутствием лазутчиков. Когда они появляются, их легко обнаружить по сопутствующей им необычности и несоразмерности.

— О какой несоразмерности ты говоришь, дон Хуан?

— Их присутствие окружено нелепостями.
— Во сне многое нелепо.
— Только в обычных снах вещи бессмысленны. Я бы сказал, что это происходит именно так вследствие большого количества лазутчиков, присутствующих в них. Их много потому, что обычные люди склонны сильнее ограждать себя от неизвестного.

— Ты знаешь, почему это так, дон Хуан?
— По-моему, все определяется балансом сил. Среднестатистический человек вынужден воздвигать необычайно прочные барьеры, чтобы защитить себя от натиска враждебных влияний. Например, такие барьеры как беспокойство о себе. Но чем крепче препятствие, тем мощнее нападение.

В отличие от них, сновидящие воздвигают меньше барьеров и поэтому привлекают меньше лазутчиков в свои сны. В снах сновидящих бессмысленные вещи отсутствуют, возможно, для того, чтобы сновидящие легко обнаруживали присутствие лазутчиков.

Дон Хуан посоветовал мне быть очень внимательным и замечать все доступные наблюдению детали моих снов. Он даже заставил меня повторить вслух эти свои слова.

— Ты сбиваешь меня с толку, — сказал я. — Ты то не хочешь ничего слышать о моем сновидении, то хочешь. Есть ли какая-то систематичность в твоих отказах и согласиях?

— Конечно же, за всем этим стоит некоторая система, — сказал он. — Быть может, ты когда-нибудь будешь поступать так же с другим сновидящим. Одни вопросы имеют ключевое значение, потому что связаны с духом. Другие — совершенно не имеют значения по причине нашего индуглирования.

Первый лазутчик, которого ты обнаружил, теперь будет присутствовать всегда в любой форме, даже в виде иридия. Кстати, что такое иридий?

— Точно не знаю, — искренне сказал я.

— Вот тебе и на! А что ты скажешь, если окажется, что это одно из самых прочных веществ в мире?

Глаза дон Хуана сияли от восторга, пока я нервно хихикал от абсурдности его последней реплики, которая, как я узнал впоследствии, в действительности была истиной.

Начиная с этого времени я стал замечать присутствие несурзных предметов в своих сновидениях. Стоило мне допустить верность слов дон Хуана, определяющих суть чужеродной энергии во сне, и я вскоре полностью согласился с тем, что нелепые вещи в моих сновидениях являются на самом деле пришельцами из других миров. После того, как я обнаруживал их, мое внимание сновидения всегда полностью сосредоточивалось на них, чего не происходило ни в каких других условиях.

Еще я заметил, что каждый раз, когда чужеродная энергия проникала в мои сны, мое внимание в них вынуждено было усиленно работать, чтобы превратить ее в какой-нибудь знакомый объект. Препятствие, с которым сталкивалось мое внимание в этом случае, состояло в его неспособности полностью совершить такое преобразование: в итоге я получал какой-то диковинный объект, почти мне незнакомый. Впоследствии чужеродная энергия довольно быстро исчезала; нестандартный предмет пропадал, превращаясь в пузырь света, который вскоре поглощался другими деталями моего сна.

Когда я попросил дон Хуана прокомментировать то, что происходит в моем сновидении, он сказал:

— В настоящее время лазутчики в твоих снах являются шпионами, присылаемыми из неорганического мира. Они очень недолговечны, что означает их неспособность долго оставаться во сне.

— Почему ты говоришь, что они — шпионы, дон Хуан?

— Они приходят в поисках возможности поглощать сознание других существ. У них есть собственное сознание и цель, хотя она недоступна постижению нашим разумом. По типу их сознания и замыслов их, вероятно, можно сравнить с деревьями. Внутренние устремления деревьев и неорганических существ непонятны нам, потому что они намного более медленны, чем наши.

— Почему ты так считаешь, дон Хуан?

— И деревья, и неорганические существа живут дольше, чем мы. Они созданы, чтобы пребывать неизменными. Они неподвижны, но в то же время они заставляют все двигаться вокруг себя.

— Ты хочешь сказать, дон Хуан, что неорганические существа являются такими же почти неизменными сущностями, как и деревья?

— Именно так. То, что ты видишь в сновидении в виде светлых и темных полых трубочек, является их проекцией. То, что ты слышишь во сне как голос эмиссара, — тоже их порождение. Равно как и их лазутчики.

По какой-то непонятной мне глубинной причине я был подавлен этими словами. Внезапно меня охватило беспокойство. Я спросил дон Хуана, являются ли и деревья подобными проекциями.

— Являются, — сказал он. — Более того, эти проекции более враждебны к нам, чем их аналоги из неорганического мира. Сновидящий никогда не вступает в контакт с деревьями, если только он не находится в теплых приятельских отношениях с другими мирами, что является очень трудно достижимым состоянием. У нас нет друзей на этой Земле, ты ведь знаешь. — Он грустно улыбнулся и добавил. — Ни для кого не секрет, почему это так.

— Возможно, это не секрет для тебя, дон Хуан, но, со всей определенностью, это тайна для меня.

— Наши действия разрушительны. Мы настроили все живые существа против себя на этой Земле. Вот почему у нас нет друзей.

Я чувствовал себя так неловко, что хотел вовсе прекратить беседу. Внутреннее побуждение вынудило меня вернуться к обсуждению неорганических существ.

— Что, по твоему мнению, мне следует делать, чтобы последовать за лазутчиками? — спросил я.

— А зачем, собственно, тебе нужно следовать за ними?

— Я занимаюсь научными исследованиями неорганических существ.

— Ты подшучиваешь надо мной, не так ли? Я думал, что ты непоколебим в своем отрицании их существования.

Его издевательский голос и раскаты смеха ясно показали мне его отношение к моему научному исследованию.

— Я теперь придерживаюсь другого мнения, дон Хуан. Теперь я хочу изучить все эти сущности.

— Помни, что мир неорганических существ был сферой деятельности магов прошлого. Чтобы пробраться туда, они тщательно концентрировали свое внимание в сновидении на наблюдаемых объектах. Таким образом они были способны обнаруживать лазутчиков. И когда лазутчики оказывались в центре их внимания, они выкрикивали вслух намерение следовать за ними. Как только маги древности заявляли об этом своем намерении, они уходили, увлекаемые чужеродной энергией.

— Так ли все просто, дон Хуан?

Он не ответил. Он только засмеялся, глядя на меня, как бы приглашая меня сделать то, о чем он рассказал.

Работая дома, я устал искать истинный смысл слов дон Хуана. Я упрямо не желал следовать тому, что он мог бы назвать рабочим методом. После того, как я отбросил и идеи, и терпение, я однажды потерял бдительность. В тот раз я видел во сне рыбу, озадачившую меня тем, что она внезапно выскочила из озера, возле которого я прогуливался. Она забилась у моих ног, затем полетела, как птица, и села на ветку, по-прежнему оставаясь рыбой. Картина была такой непривычной, что мое внимание сновидения оживилось. Я сразу же понял, что это лазутчик. Секундой позже, когда рыба-птица превратилась в точку света, я крикнул о своем намерении последовать за ней и отправился в иной мир точно так, как говорил об этом дон Хуан.

Я, как легкое насекомое, пролетел сквозь нечто, казавшееся темным тоннелем. Ощущение тоннеля внезапно прекратилось. Было так, как будто я был выдут из трубы и по инерции шлепнулся на огромную глыбу какого-то вещества; я почти касался ее. Я не видел ей конца во всех направлениях, доступных моему взору. Все это так сильно напоминало мне научно-фантастические фильмы, что я был полностью уверен, что эта панорама возникла в моем спящем сознании. А почему бы и нет? Я считал, что происходящее со мной всего лишь сон.

Я решил рассмотреть все детали этого сна. То, что я мог видеть, представляло собой подобие исполинской губки. Оно было пористым и покрытым углублениями. Я не мог прикоснуться к нему, но оно выглядело твердым и волокнистым. Оно было темно-коричневого цвета. Затем у меня проскользнуло сомнение в том, что все это немое нагромождение мне просто снится. То, что я видел, не изменяло своих начертаний. Оно не двигалось. При пристальном всматривании у меня создалось впечатление чего-то реального, но полностью неподвижного; это все где-то находилось и так приковывало к себе мое внимание, что я не мог оторваться для осмотра других объектов, включая себя. Какая-то удивительная сила, с которой я никогда раньше не сталкивался в сновидении, парализовала меня.

Затем я явственно ощутил, что масса высвободила мое внимание; и теперь все мое сознание сосредоточилось на лазутчике, который привел меня сюда. Он выглядел как светлячок в темноте, кружась надо мной и вокруг меня. В этом мире лазутчик был пузырьком чистой энергии. Я мог видеть кипение его энергии. Казалось, он знает обо мне. Внезапно он приблизился ко мне, а затем притянул и оттолкнул меня. Я не чувствовал его

прикосновения, но знал, что он касается меня. Это ощущение было изумительным и новым для меня; будто какая-то часть меня, не присутствующая там, была возбуждена этим прикосновением; волны энергии проходили по ней одна за другой.

Начиная с этого момента все в моем сне начало становиться все более реальным. Мне с трудом удавалось помнить, что я нахожусь в сновидении. К этому затруднению примешивалось чувство уверенности в том, что, касаясь меня, лазутчик осуществляет энергетический контакт со мной. В тот момент, когда казалось, что он притягивает или отпихивает меня, я знал, чего он от меня хочет.

Сначала он втолкнул меня в большое углубление в глыбе вещества, перед которой я находился. Как только я оказался там, я заметил, что внутренняя поверхность была так же равномерно пористой, как и внешняя, но выглядела не так грубо, будто ее неровности были отшлифованы. То, что я рассматривал снаружи, имело структуру, напоминающую что-то похожее на увеличенное изображение пчелиного улья. Во всех направлениях расходились бесчисленные тоннели всевозможных очертаний. Некоторые из них вели вверх, другие — вниз; были также идущие налево и направо; они образовывали всевозможные углы друг с другом, направляясь один выше, другой ниже, будучи наклоненными более или менее покато.

Свет был очень тусклым, но все было отчетливо видно. Тоннели выглядели оживленными и сознательными; они «кипели». Я пристально взглянул на них и с удивлением понял, что вижу их. Это были энергетические волокна. Как только я это постиг, голос эмиссара из сновидения зазвучал в моих ушах так громко, что я не мог разобрать ничего из сказанного.

— Говори тише, — завопил я нетерпеливо, замечая, что во время произнесения мною слов тоннели исчезают из виду, а я погружаюсь в вакуум, где могу только слышать.

Эмиссар понизил голос и сказал:

— Ты находишься внутри неорганического существа. Выбери себе любой из тоннелей, и ты сможешь жить в нем вечно. — Голос смолк на мгновение, а затем прибавил: — Разумеется, если ты хочешь этого.

Я не мог заставить себя вымолвить хоть несколько слов. Я боялся, что любое мое утверждение может быть понято в смысле, противоположном тому, который я в него вкладываю.

— В этом для тебя есть бесчисленные преимущества, — продолжал голос эмиссара. — Ты можешь жить в любых тоннелях, какие пожелаешь. И в каждом ты сможешь узнать что-то новое. Маги прошлого жили там и научились многим удивительным вещам.

Не пользуясь никакими органами чувств, я ощутил, что лазутчик подталкивает меня сзади. Казалось, он хочет, чтобы я двигался вперед. Я направился в тоннель, находящийся рядом справа от меня. Как только я очутился в нем, я как-то осознал, что не иду по нему; я кружился в нем, летел. Я был пузырьком энергии, подобно самому лазутчику.

Голос эмиссара снова зазвучал в моих ушах:

— Да, ты — всего лишь пузырек энергии, — произнес он.

И хотя я сам знал это, я почувствовал громадное облегчение.

— Ты паришь внутри одного из неорганических существ, — продолжал он. — Лазутчик хочет, чтобы ты двигался в этом мире именно таким образом. Когда он прикоснулся к тебе, он изменил тебя навсегда. Теперь ты, по сути, один из нас. Если желаешь остаться здесь, просто вырази свое намерение.

Эмиссар прекратил говорить, и вид тоннеля снова предстал предо мной. Но когда он заговорил снова, что-то изменилось; я не терял из виду этого мира и все же мог одновременно слышать голос эмиссара.

— Древние маги научились всему, что они знали о сновидении, пребывая здесь среди нас, — сказал он.

Я собирался спросить, научились ли они этому всему просто живя внутри этих тоннелей, но прежде чем я произнес свой вопрос, эмиссар ответил мне.

— Да, они узнали все, просто пребывая подолгу внутри неорганических существ, — сказал он. — Чтобы жить внутри них, магам прошлого требовалось всего лишь сказать о том, что они желают этого. Точно так же, как для того, чтобы попасть сюда, тебе требовалось только громко и отчетливо выразить вслух свое намерение.

Лазутчик толкнул меня вновь, давая понять, что я могу продолжить движение. Я засомневался, и тогда он сделал что-то эквивалентное такому силовому воздействию, от которого я полетел по бесконечным тоннелям, как пуля. В конце концов я остановился, потому что остановился лазутчик. На какое-то мгновение мы зависли; затем мы провалились в вертикальный тоннель. Но я не почувствовал, что направление движения существенно изменилось. Что касается моих ощущений, то я по-прежнему чувствовал, что двигаюсь вдоль поверхности.

Мы меняли направление движения множество раз, но в каждом случае мои ощущения были похожими. Я начал было уже формулировать мысль о своей неспособности чувствовать, куда я двигаюсь, вверх или вниз, когда вдруг зазвучал голос эмиссара.

— Мне кажется, что тебе будет приятнее медленно ползти, а не лететь, — сказал он. — Можешь также попробовать перемещаться, как паук или муха, прямо, вверх или вниз, или вверх ногами.

Внезапно я приземлился. Было похоже на то, что из неведомой пылинки я вдруг превратился во что-то тяжелое, тем самым ощутив почву под собой. Я не мог больше видеть стен тоннелей, но эмиссар был здесь же и в более удобном положении, перемещаясь рядом со мной.

— В этом мире тебе не обязательно все время быть связанным тяготением, — сказал он.

Конечно, я и сам мог это понять.

— Тебе здесь также не нужно и дышать, — продолжал его голос. — И только для своего удобства ты продолжаешь пользоваться зрением, по привычке делая это так же, как в твоём мире.

Казалось, что эмиссар решал, продолжать ли ему говорить дальше. Он прокашлялся в точности как человек, собирающийся начать говорить, и произнес:

— Зрение — главный источник информации; поэтому сновидящий всегда говорит о своих ощущениях во сне, пользуясь терминами зрения.

Лазутчик втолкнул меня в тоннель направо. Он был несколько темнее других. Вопреки моему здравому смыслу, он показался мне более уютным, чем другие, более мирным и более знакомым. Мой ум пронзила мысль о том, что я был подобен этому тоннелю, или он — мне.

— Вы уже встречались раньше, — произнес голос эмиссара.

— Что это значит? — сказал я.

Я понял его слова, но не знал, что он имеет в виду.

— Вы когда-то боролись друг с другом и поэтому сейчас каждый из вас содержит энергию другого.

Я подумал, что в голосе эмиссара слышится злая нотка или даже сарказм.

— Нет, это не сарказм, — сказал эмиссар. — Я рад, что у тебя есть среди нас сородичи.

— Что ты подразумеваешь под сородичами? — спросил я.

— Обмен энергией означает родство, — ответил он. — Энергия подобна крови.

Я потерял дар речи. Я ясно ощутил, как во мне шевельнулся страх.

— Страх — это нечто, несвойственное этому миру, — сказал эмиссар.

Из всего, что он сказал, только это было не совсем точным.

На этом моё сновидение закончилось. Я был так ошарашен яркостью увиденного, поразительной ясностью и последовательностью сказанного эмиссаром, что не мог дожидаться момента, чтобы рассказать обо всем дону Хуану. Меня удивило и насторожило то, что он не захотел слушать меня. Он так ничего и не сказал, но я догадывался, что он считал все случившееся моим собственным индальгированием.

— Почему ты так ведешь себя со мной? — спросил я. — Ты чем-то недоволен?

— Нет, я всем доволен, — сказал он. — Дело в том, что я не могу говорить об этой стороне твоего сновидения. Это исключительно твоё личное дело. Я сказал тебе, что неорганические существа реальны. Теперь ты сам обнаруживаешь, насколько они реальны. Но то, что ты извлечешь из этого открытия, — это уже твоё дело, твоё личное дело. Когда-нибудь ты поймешь, почему я оставался в стороне.

— Но неужели ты не можешь ничего сказать мне об этом сне? — настаивал я.

— Я могу сказать только, что это было не сновидение. Это было путешествие в неизведанное. Добавлю к тому же, что это было необходимое путешествие, — но сугубо личное.

Затем он сменил тему разговора и принялся объяснять другие аспекты своего учения.

Начиная с этого дня, несмотря на мой страх и нежелание дон Хуана дать мне совет, я стал в своих сновидениях регулярно посещать тот губчатый мир. Я вскоре обнаружил, что чем больше возрастает моя способность замечать детали предметов в сновидении, тем искуснее я становлюсь в выявлении лазутчиков. Когда я узнавал лазутчиков по их чужеродной энергии, они еще некоторое время оставались в моем поле зрения. Если же я пытался превращать лазутчиков в отчасти знакомые мне объекты, они оставались даже дольше обычного, беспорядочно меняя форму. А когда я следовал за ними, громко провозглашая вслух свое намерение попасть в их мир, лазутчики полностью переводили мое внимание сновидения на мир, лежащий за пределами моего обычного воображения.

Дон Хуан сказал, что неорганические существа всегда испытывают потребность обучать. Но он не упомянул при этом, что они обучают сновидению. Он сообщил, что эмиссар в сновидении, будучи обычным голосом, является идеальным мостиком между тем миром и нашим. Я обнаружил, что эмиссар представляет собой зачастую не просто голос наставника,

но еще и голос умелого торгового агента. Он объяснял мне снова и снова, в нужном месте и в соответствующее время, преимущества своего мира. Кроме этого, он также преподавал мне неоценимые уроки сновидения. Слушая его объяснения, я понял, почему маги прошлого отдавали предпочтение практическим занятиям.

— Чтобы в совершенстве овладеть сновидением, тебе прежде всего следует прекратить внутренний диалог, — сказал мне однажды эмиссар. — Для того, чтобы достичь успеха в прекращении диалога, держи между пальцами несколько кристаллов кварца длиной два или три дюйма или несколько тонких отшлифованных речных камушков. Согни чуть-чуть пальцы и зажми кристаллы или гальку между ними.

Эмиссар сообщил, что металлические предметы, если они соответствуют размеру и ширине пальцев, оказывают тот же эффект. Метод состоит в том, чтобы удерживать как минимум по три тонких вещи между пальцами каждой из рук, сжимая их почти до боли в кистях. Это давление необычно действует на внутренний диалог, успокаивая его. Эмиссар отдавал предпочтение кристаллам кварца; он сказал, что результат в этом случае будет наиболее эффективным, хотя для этой практики подходит все что угодно.

— Если ты засыпаешь в состоянии полного спокойствия, это гарантирует тебе идеальное вхождение в сновидение, — сказал однажды голос эмиссара, — это способствует также развитию внимания в сновидении.

— Сновидящий должен носить золотое кольцо, — сказал мне эмиссар в другой раз. — Лучше, чтобы оно было чуточку тесным для пальца.

Объяснение эмиссара в связи с этим сводилось к тому, что кольцо служит в качестве моста для возвращения обратно на поверхность обычного мира из сновидения или погружения из состояния нормального сознания в мир неорганических существ.

— Как работает этот мост? — спросил я, не понимая, что подразумевает аналогия с мостом, которой воспользовался эмиссар.

— Мост получается там, где палец соприкасается с кольцом, — сказал эмиссар. — Если сновидящий приходит в мой мир, имея на пальце кольцо, оно привлекает и сохраняет энергию моего мира; в случае необходимости кольцо отдает ее в палец пришедшего, и эта энергия возвращает сновидящего обратно в его мир.

Давление, производимое кольцом на палец, хорошо служит также для гарантии того, что сновидящий вернется в свой мир. Благодаря этому давлению он постоянно ощущает знакомое прикосновение к пальцу.

В ходе одного из последующих занятий эмиссар сообщил, что наша кожа является органом, идеально подходящим для передачи энергетических волн обычного мира в мир неорганических существ, и наоборот. Он посоветовал мне следить за тем, чтобы моя кожа была прохладной, чистой и не жирной. Он также порекомендовал сновидящим носить тугой пояс, повязку на голове или ожерелье, чтобы создать давление в точках кожи, служащих центрами обмена энергией. Эмиссар также объяснил, что в обычном состоянии кожа автоматически предотвращает выход энергии из тела, и что если мы хотим не только сохранять энергию, но и переводить ее из одного мира в другой. Мы должны громко выразить в сновидении соответствующее намерение.

Однажды эмиссар сделал мне настоящий подарок. Он сказал, что для обеспечения живости и точности работы внимания сновидения нам следует черпать его из области, которая находится у нас во рту непосредственно за небом. В этом месте у всех людей располагается огромный резервуар внимания. Эмиссар специально порекомендовал научиться прижимать в сновидении кончик языка к небу. Он сказал, что это более сложная задача, чем нахождение рук во сне. Но решив эту задачу, сновидящий достигает удивительных результатов в смысле контроля внимания сновидения.

Я получил целые горы инструкций по поводу всех возможных аспектов моих занятий. Эти инструкции я бы очень скоро забыл, если бы эмиссар не продолжал регулярно повторять их мне. Я спросил у дона Хуана, как мне быть с тем, что я забываю.

Его замечание было кратким, как я и ожидал.

— Сосредоточься только на том, что эмиссар говорит тебе о сновидении, — сказал он.

Все, о чем неустанно повторял голос эмиссара, я схватывал с неизменным интересом и рвением. Но, верный рекомендации дона Хуана, я следовал указаниям эмиссара только в отношении сновидения, лично проверяя практическую ценность его инструкций. Наиболее важной информацией для меня оказалось то, что он сказал о внимании сновидения, источником которого является небо. Мне потребовалось приложить много усилий, чтобы начать чувствовать в состоянии сновидения кончик языка, прижимающийся к небу.

Как только я научился этому, мое внимание сновидения зажило своей собственной жизнью и стало, может быть, лучше, чем мое обычное внимание в нашем мире.

Мне потребовалось не так уж много времени, чтобы понять, как глубоко маги прошлого были связаны с неорганическими существами. Объяснения и предостережения дона Хуана

об опасности такой связи стали для меня более насущными, чем когда-либо раньше. Я пытался сделать все от меня зависящее, чтобы соответствовать его стандартам самооценки, не поддаваясь их влиянию. Поэтому голос эмиссара и все, что он говорил, представляли для меня постоянный вызов. Мне следовало любыми средствами не поддаваться искушению со стороны эмиссара, когда он обещал мне всевозможные знания. Мне приходилось противостоять ему в одиночку, поскольку дон Хуан по-прежнему отказывался выслушать меня.

— Ты должен хотя бы намекнуть о том, что мне делать, — настаивал я однажды, будучи достаточно прямолинейным, чтобы заговорить об этом.

— Я не могу, — сказал он с оттенком категоричности, — и не спрашивай меня снова. Ведь я сказал тебе, что в этом случае сновидящий должен все решать сам.

— Но ведь ты даже не подозреваешь, что я собираюсь спросить.

— О, я знаю. Ты хочешь, чтобы я сказал тебе, что ты поступаешь правильно, когда торчишь в одном из тех тоннелей только затем, чтобы узнавать новое от эмиссара.

Я признал, что именно это и было моим затруднением. И если он не мог мне помочь решить его, то я хотел по крайней мере узнать, что означала возможность жить внутри тех тоннелей.

— Я сам прошел через всю эту суету, — продолжал дон Хуан, — и никто не мог помочь мне, потому что здесь все определяется исключительно личным непреклонным решением, решением, которое ты принимаешь, если высказываешь намерение остаться жить в том мире. Чтобы хитростью вынудить тебя заявить об этом намерении, неорганические существа потакают твоим самым тайным желаниям.

— Они ведут себя как дьяволы, дон Хуан.

— Ты можешь говорить все что угодно. Но это не то, о чем ты в действительности думаешь. Для тебя дьяволом является соблазн сдаться, особенно когда они сулят тебе такие награды. По-моему, дьявольская природа мира неорганических существ проявляется в том, что он является единственным прибежищем для сновидящих во всей этой враждебной вселенной.

— Действительно ли он является небесами для сновидящих, дон Хуан?

— Определенно, для некоторых из них это так. Но не для меня. Мне не нужна поддержка и защита. Я знаю, кто я. Я одинок во враждебной вселенной, но я научился произносить «Да будет так!»

Это был конец нашего обмена мнениями. Он не сказал того, что я желал услышать, но я не знал, что одно лишь стремление постичь секрет жизни в тоннеле уже почти означает выбор в пользу жизни там. Но я не был заинтересован в этом. Я сразу принял решение продолжать свою практику сновидения безо всяких дальнейших осложнений. Я тут же сказал об этом дону Хуану.

— Не говори этого, — посоветовал он мне. — Пойми только, что если ты решишь остаться там, это твое решение будет последним. Ты никогда не вернешься оттуда.

Сейчас уже невозможно объективно судить о том, что было со мной, когда я несчетное число раз сновидел тот мир. Я могу сказать, что он представлялся мне миром настолько реальным, насколько может быть таковым сновидение. Я также могу сказать, что он казался не менее настоящим, чем наш привычный обыденный мир. Посещая в сновидении тот мир, я осознал то, что дон Хуан говорил мне много раз: под влиянием занятий сновидением реальность сильно видоизменяется. Я столкнулся с двумя возможностями, с которыми, по словам дон Хуана, встречаются все сновидящие: либо мы осторожно перестраиваемся, либо мы сразу полностью отбрасываем нашу систему интерпретации чувственных данных.

По словам дон Хуана, изменение системы интерпретации означает намерение ее постепенно перестроить. Это значит, что человек целенаправленно и тщательно расширяет свои возможности. Живя в соответствии с учением магов, сновидящие освобождают и запасают энергию, необходимую для прекращения рациональных рассуждений, и тем самым содействуют предполагаемому изменению. Он объяснил, что если мы делаем выбор в пользу перенастройки нашей системы интерпретации мира, окружающая нас реальность становится подвижной и рамки того, что мы считаем реальным, расширяются, не подвергая нас опасности потерять ощущение целостности мира. Поэтому сновидение фактически является дверью в другие аспекты того, чем на самом деле является реальность.

Если же мы выбираем второй путь, путь отбрасывания системы интерпретации, — масштабы того, что можно воспринимать без возможности объяснить, невероятно возрастают. Расширение сферы ощущений в этом случае так велико, что те несколько оставшихся средств интерпретации неспособны вместить всего разнообразия мира. При этом нас охватывает чувство потрясающей реальности того, что казалось нереальным, и полной нереальности того, что всегда казалось реальным, но в действительности не являлось таковым.

Для меня единственной приемлемой возможностью была реконструкция и расширение интерпретационной системы. Посещая в сновидении мир неорганических существ, я столкнулся с нарастающим чувством естественности этого мира для меня. Это началось с моего умения обнаруживать лазутчиков, продолжалось, когда я слушал объяснения эмиссара в сновидении, и закончилось моим путешествием по тоннелям. Я летал в них, не ощущая практически ничего, но в то же время осознавал пространство и время, хотя и не в смысле, доступном нашей рациональности в обычных условиях. Однако особенности тоннелей, связанные с количеством и качеством деталей в каждом из них, а также существенные различия в расстоянии между ними и в их параметрах были столь заметны для меня, что, посещая их, я чувствовал себя проводящим объективные исследования.

Перенастройка моей системы интерпретации больше всего сказалась в отношении моего знания о мире неорганических существ. В их мире, который был реален для меня, я чувствовал себя пузырьком энергии. Поэтому я мог со свистом носиться в тоннелях, как бы летая со скоростью света, или ползать по их стенам, как насекомое. Когда я летел, голос сообщал мне не бессистемную, но вполне последовательную информацию о деталях стен, на которых я останавливал свое внимание. Эти детали представляли собой изощренные выпуклости, напоминающие шрифт для слепых. Когда же я ползал по стенкам, я мог видеть те же самые их особенности с большей ясностью и слышать тот же голос, на этот раз объясняющий мне все более подробно.

Неизбежным последствием этого для меня было развитие у меня чувства двойственности моего положения. С одной стороны я знал, что сновиджу: с другой — я чувствовал, что совершаю такое же полезное путешествие, как и всякое другое, не менее реальное путешествие в нашем обычном мире. Эта неподдельная двойственность моего положения была следствием того, о чем говорил дон Хуан: существование неорганических существ является сильным ударом по нашему здравому смыслу.

Только после того, как я перестал постоянно рационализировать, я получил некоторое облегчение. Раньше я находился в затруднительном положении в связи с тем, что одновременно серьезно верил в возможность подтвердить существование неорганических существ и в то же время был убежден, что это — всего лишь сон. Затем в какой-то момент, когда напряжение, связанное с моим двойственным положением, чуть было не погубило меня, в моем отношении к проблеме безо всякого вмешательства сознания произошло резкое изменение.

Дон Хуан подтвердил, что мой энергетический уровень, постоянно возрастая, однажды достиг порогового значения, позволив мне больше не принимать во внимание мнения и предрассудки о природе человека, реальности и наших ощущений. С этого дня я восхищаюсь знаниями, независимо от их логичности и практической значимости, а также, что важнее всего, независимо от моих личных предпочтений.

Когда мое научное исследование неорганических существ утратило для меня интерес новизны, дон Хуан сам поднял вопрос о моих путешествиях в состоянии сновидения. Он сказал:

— Я не думаю, что ты осознаешь, как часто ты встречаешься с неорганическими существами.

Он был прав. Я никогда не затруднял себя размышлениями на эту тему. Я признался в том, что это весьма странная оплошность.

— Это не оплошность, — сказал он. — Этот мир по своей природе способствует распространению скрытности. Неорганические существа окутывают себя тайной, тьмой. Подумай об их мире: он остается неподвижным, постоянно притягивая нас к себе, как свет или огонь привлекает мошкар.

Есть нечто, о чем эмиссар до сих пор не решился тебе сказать: неорганические существа охотятся за нашим сознанием или сознанием любых других существ, которые попадают в их сети. Они дают нам знания, но дорогой ценой, ценой наших жизней.

— Ты хочешь сказать, дон Хуан, что неорганические существа подобны рыбакам?

— Именно так. Когда-нибудь эмиссар покажет тебе людей или некоторых иных существ, которые увязли в их мире.

Мне следовало бы испугаться или испытать чувство отвращения. Сообщение дон Хуана глубоко задело меня, но моей реакцией было скорее нескрываемое любопытство. Я еле сдерживался от нетерпения.

— Неживые существа не могут никого заставить остаться у себя, — продолжал дон Хуан. — Жизнь в их мире — добровольное дело. Но они способны обратить в рабство каждого из нас, потворствуя нашим желаниям, балуя и развлекая нас. Опасайся осознания, которое неподвижно. Такое осознание притягивает к себе все движущееся и достигает этого, как я тебе уже говорил, создавая проекции, иногда самые фантастические проекции.

Я попросил дона Хуана объяснить, что значит выражение «фантазмагорические проекции». Он сказал, что неорганические существа используют в качестве приманки глубинные чувства сновидящих и безжалостно играют на них. Они создают привидения, чтобы завлечь либо напугать сновидящих. Он напомнил мне, что я уже сражался с одним из таких призраков. Он объяснил, что неорганические существа — искусные иллюзионисты, которые любят проецировать себя, как слайды на экран.

— Бывшие маги пострадали вследствие того, что безрассудно доверяли этим проекциям, — продолжал он. — Маги прошлого верили, что их союзники могущественны. Они упустили из виду факт, что те представляют собой лишь разреженную энергию, проецируемую сквозь миры, как кинофильм вселенских масштабов.

— Ты противоречишь себе, дон Хуан. Ты сам говорил, что неорганические существа реальны. Сейчас ты говоришь, что это обычные картинки.

— Я тогда имел в виду, что в нашем мире неорганические существа подобны подвижным картинкам, спроецированным на экран: и я могу еще добавить, что они напоминают перемещающиеся образы, создаваемые разреженной энергией, освещающей границу раздела двух миров.

— А как на счет неорганических существ в их собственном мире? Там они тоже напоминают подвижные картинки?

— Ни в коем случае. Тот мир так же реален, как и наш. Маги прошлого описывали мир неорганических существ как пузырь с углублениями и порами, плавающий в некотором темном пространстве. Они изображали неорганические существа в виде пустотелых палочек, связанных вместе, как клетки наших тел. Маги, жившие когда-то, называли это громадное хитросплетение лабиринтом светотени.

— Правда, что каждый сновидящий видит тот мир точно таким же?

— Конечно. Каждый сновидящий видит его таким как он есть. Ты думаешь, что ты в этом смысле особенный?

Я признался, что какое-то свойство их мира постоянно дает мне ощущение, что я особенный. Это очень приятное и яркое ощущение собственной исключительности не было создано ни голосом эмиссара в сновидении, ни чем-либо другим, о чем я мог сознательно подумать.

— Это как раз то, что сразило магов прошлого, — сказал дон Хуан. — Неорганические существа поступили с ними так же, как они сейчас поступают с тобой; они создали у магов ощущение того, что те — единственные в своем роде; к этому следует прибавить еще более пагубное чувство: иллюзию обладания силой. Сила и уникальность — несокрушимые развращающие факторы. Остерегайся!

— Как тебе самому удалось избежать этой опасности, дон Хуан?

— Я посетил этот мир несколько раз, после чего я ни разу туда не возвращался.

Дон Хуан объяснил, что по мнению магов, вселенная населена хищниками, и маги, как никто другой, должны принимать это во внимание во всех своих обычных магических действиях. Его идея состояла в том, что сознанию присуще свойство непрерывного роста, и единственная возможность для этого открывается в борьбе за жизнь и противостоянии смерти.

— Сознание магов, когда они практикуют сновидение, растет, — продолжал он. — И по мере его возрастания что-то внешнее по отношению к нему признает и замечает этот рост и стремится овладеть им. Неорганические существа стремятся к этому обладанию новым повышенным уровнем сознания. Сновидящие должны всегда быть на чеку. Они легко могут стать жертвой в тот момент, когда идут на риск, путешествуя по вселенной хищников.

— Что бы ты мне посоветовал в качестве самозащиты, дон Хуан?

— Будь бдительным каждую минуту! Не давай возможности никому и ничему принимать решения за тебя. Посещай мир неорганических существ только тогда, когда ты сам этого хочешь.

— Честно говоря, дон Хуан, я не знаю, как мне быть. После того как я встретился с лазутчиком, во мне появилась громадная тяга бывать там. И я ничего не могу с собой поделать.

— Перестань! Ты думаешь я так легко тебе поверю? Конечно же, ты можешь прекратить это. Ты просто не пытался, только и всего.

Я настойчиво утверждал, что не могу прекратить. Он не стал больше об этом говорить со мной, и я был благодарен ему за это.

Беспокоящее чувство вины стало терзать меня. По какой-то непонятной причине мысль о том, чтобы волевым усилием прекратить привязанность к лазутчикам, никогда не приходила мне в голову.

Как обычно, дон Хуан был прав. Я обнаружил, что могу изменять ход своего сновидения, намереваясь идти по намеченному пути. Ведь это я своим намерением позволял лазутчикам

переводить себя в их мир. Вполне возможно, что если бы я сознательно сформулировал намерение сделать обратное, мое сновидение продолжалось бы в ином направлении.

С дальнейшей практикой моя способность управлять намерением при путешествии в мир неорганических существ чрезвычайно развилась. Возрастание способности управлять намерением положительно отразилось на контроле моего внимания сновидения. Этот дополнительный контроль прибавил мне уверенности в себе. Я чувствовал, что могу путешествовать безнаказанно, потому что мог прекратить путешествие в любой момент, когда этого захочу.

— Твоя уверенность меня очень пугает, — сказал дон Хуан, когда я по его просьбе сообщил ему о своих новых достижениях в контроле своего внимания сновидения.

— Почему она тебя пугает? — спросил я.

Я был абсолютно уверен в практической важности того, что открыл.

— Потому что это уверенность глупца, — сказал он. — Я собираюсь рассказать тебе одну уместную в данном случае историю о магах. Я не был свидетелем этих событий сам, но учитель моего учителя, нагваль Элиас, видел это все своими глазами.

Дон Хуан сказал, что нагваль Элиас и любовь всей его жизни, женщина-маг по имени Амалия, в свои молодые годы однажды затерялись в мире неорганических существ.

Я никогда не слышал, чтобы дон Хуан рассказывал о том, что у мага может быть любовь на всю жизнь. Его слова удивили меня. Я спросил его, в чем здесь дело.

— В этом нет противоречия. Я просто все это время воздерживался от рассказов о любви магов, — сказал он. — Ты был так пресыщен любовью в течение всей твоей жизни, что я хотел дать тебе передышку.

— Итак, слушай. Нагваль Элиас и любовь всей его жизни, ведьма Амалия, заблудились в мире неорганических существ, — продолжал дон Хуан. — Они были там не в сновидении, а вместе со своими физическими телами.

— Как это случилось, дон Хуан?

— Их учитель, нагваль Розендо, был очень близок по темпераменту и методам обучения к магам прошлого. Он собирался помочь Элиасу и Амалии в их занятиях, но вместо этого вытолкнул их за некоторую смертельно опасную грань. Нагваль Розендо не собирался переводить их туда. Он хотел только переместить своих двух учеников во второе внимание, но вместо этого в результате получил их исчезновение.

Дон Хуан сказал, что не собирается углубляться в детали этой длинной и запутанной истории. Он собирался только рассказать мне, как они затерялись в том мире. Он заявил, что просчет нагваля Розендо состоял в его предположении, что неорганические существа нисколько не интересуются женщинами. Его точка зрения была правильной и основывалась на знании магов о том, что вселенная по своей природе соответствует преимущественно женскому началу, и что мужское начало, проистекающее из женского, имеется в незначительном количестве и поэтому является объектом зависти.

Дон Хуан отклонился от темы и объяснил, что, вероятно, неоправданное господство мужчин на нашей планете связано как-то с этой нехваткой мужского начала. Я хотел, чтобы он развил свою точку зрения дальше, но он продолжал рассказывать начатую историю. Он сказал, что нагваль Розендо планировал дать Элиасу и Амалии наставления только в отношении второго внимания. Для этой цели он употребил стандартный прием магов прошлого. Он, находясь в сновидении, воспользовался лазутчиком, приказывая ему перевести своих учеников во второе внимание с помощью сдвига их точек сборки в соответствующие положения.

Теоретически, сильный лазутчик мог переместить их точки сборки в нужное положение безо всякого труда. Но нагваль Розендо не принял в расчет хитрости неорганических существ. Лазутчик действительно изменил положение точек сборки учеников, но он поместил их точки в положение, откуда они могли быть легко перенесены в телесном облике в мир неорганических существ.

— Разве возможно перемещение в физическом теле? — спросил я.

— Возможно, — подтвердил он. — Мы представляем собой энергию, которая принимает соответствующую форму и находится в нужном месте благодаря фиксации точки сборки в некотором определенном месте. Если это ее положение изменяется, то и форма, и местонахождение энергии изменяются соответственно. Для этого неорганическим существам нужно лишь поместить нашу точку сборки в необходимое место, и мы сразу превращаемся в пулю, ботинок, шляпу или все что угодно.

— Это может случиться с каждым из нас, дон Хуан?

— Вполне. Особенно если вся суммарная полнота нашей энергии оказывается как раз подходящей. Очевидно, объединенная энергия Элиаса и Амалии была как раз тем, что неорганические существа не могли не заметить. Нельзя доверять этим существам. У них собственный ритм жизни, далекий от человеческого.

Я спросил у дон Хуана, что именно нагваль Розендо предпринял, чтобы забросить своих учеников в тот мир. Я знал, что с моей стороны глупо об этом спрашивать, потому что дон Хуан не обратит внимания на мой вопрос. К моему искреннему удивлению, он начал отвечать мне.

— Последовательность действий ужасно проста, — сказал он. — Он поместил своих учеников в небольшое закрытое место, во что-то типа стенного шкафа. Затем он вошел в сновидение, вызвал лазутчика из мира неорганических существ, выражая намерение встретиться с ним, а потом выразил намерение, предлагая лазутчику своих учеников.

— Естественно, что лазутчик принял этот дар и забрал их с собой в тот момент, когда они были беззащитными, занимаясь любовью в шкафу. Когда нагваль открыл шкаф, их там уже не было.

Дон Хуан объяснил, что традиция дарить своих учеников неорганическим существам была как раз тем, что частенько делали маги прошлого. Нагваль Розендо не собирался делать этого, но потерял бдительность вследствие своей необоснованной уверенности в том, что неорганические существа подвластны ему.

— Магические действия очень опасны, — продолжал дон Хуан. — Умоляю тебя, будь очень внимательным. Не попадай под влияние своей идиотской самоуверенности.

— А что случилось потом с нагвалем Элиасом и Амалией? — спросил я.

— Нагвалю Розендо пришлось в телесном облике отправиться в тот мир и найти их, — ответил он.

— И он их нашел?

— Да, нашел, затратив огромные усилия. Однако он так и не смог полностью вернуть их оттуда. Поэтому эти двое молодых людей всегда оставались наполовину пленниками того мира.

— Ты знал их лично, дон Хуан?

— Конечно же, я знал их, и уверяю тебя, они были очень странными людьми.

6. МИР ТЕНЕЙ

Ты должен быть очень внимателен, поскольку легко можешь стать добычей неорганических существ, — совершенно неожиданно сказал мне дон Хуан, хотя только что мы говорили о чем-то совершенно не имеющем отношения к сновидению.

Его утверждение застало меня врасплох. Как всегда, я попытался защититься:

— Тебе не нужно меня предупреждать. Я очень осторожен, — уверял я его.

— Неорганические существа — любители интриг, — сказал он. — Я чувствую это и не могу успокоить себя тем, что они ставят ловушки только на начинающего сновидящего, и таким образом сновидящие, у которых уже нет желаний, всегда эффективно защищены.

Тон его голоса был так настойчив, что я сразу же принялся заверять его в том, что не собираюсь попадать ни в какую ловушку.

— Ты должен серьезно относиться к тому, что неорганические существа имеют в своем распоряжении изумительные средства, — продолжал он. — Их осознание великолепно. По сравнению с ними мы дети — дети с большим количеством энергии, которой они домогаются.

Я хотел сказать ему, что на абстрактном уровне я понимаю его мысль и его обеспокоенность, но в настоящее время и в конкретной ситуации я не вижу причин для беспокойства, поскольку вполне контролирую свою практику сновидения.

Прежде чем дон Хуан снова заговорил, прошло несколько минут тягостного молчания. Внезапно изменив тему разговора, он сказал, что хочет обратить мое внимание на очень важный аспект его наставлений в связи со сновидениями по вопросу, на который я до сих пор не обращал внимания.

— Ты уже понял, что врата сновидения представляют собой особые препятствия, — сказал он, — но ты не понял до сих пор одной вещи: что бы ни бралось в качестве упражнения для достижения и пересечения врат — это все не то, что помогает преодолеть эти врата на самом деле.

— Я этого вообще не понимаю, дон Хуан.

— Я не имею ввиду, что неверно утверждать, например, что вторые врата достигаются и пересекаются после того, как сновидящий научился просыпаться в другом сне, или когда сновидящий научился изменять сновидение, не просыпаясь в обычном мире.

— Почему это так, дон Хуан?

— Поскольку вторые врата сновидения достигаются и пересекаются, только когда сновидящий научится находить и использовать энергию иного типа — энергию лазутчиков.

— Почему же тогда вообще дается идея изменения сновидений?

— Пробуждение в другом сновидении или изменение сновидений является упражнением, которое завещали нам древние маги, чтобы тренировать способность сновидящего обнаруживать и использовать лазутчиков.

Дон Хуан утверждал, что использование лазутчика является высшим достижением и что когда сновидящий приобретет способность выполнять это, вторые врата распаиваются, и вселенная, которая существует за ними, становится для них доступной. Он подчеркивал, что эта вселенная существует здесь всегда, но мы не можем войти в нее, поскольку нам недостает энергии и отваги и что, по существу, вторые врата сновидения — это врата в мир неорганических существ, а сновидения — это ключ, открывающий эти врата.

— Может ли сновидящий обнаружить лазутчика непосредственно, не прибегая к упражнению изменения сновидений? — спросил я.

— Нет, ни в коем случае, — ответил он. — Это упражнение очень важно. Вопрос здесь только в том, является ли такое упражнение единственным в своем роде. Или сновидящий может использовать и другие упражнения?

Дон Хуан лукаво посмотрел на меня. Судя по его виду, он словно ждал, что я сам отвечу на этот вопрос.

— Очень трудно предложить упражнение настолько же полное, как то, которое завещали древние маги, — сказал я с неопровержимой уверенностью, сам не зная, откуда она могла возникнуть.

Дон Хуан согласился, что я абсолютно прав и сказал, что древние маги завещали нам множество прекрасных упражнений для того, чтобы пройти через врата сновидений в особые миры, существовавшие за каждым из таких врат. Он повторил, что сновидения являются изобретением древних магов, и практиковать их нужно по их собственным правилам. Он описал правило для вторых врат в терминах последовательности из трех шагов: первый — используя практику изменения сновидений, сновидящие открывают для себя лазутчиков: второй — следуя за ними, они попадают в другую подлинную вселенную; и третий — с помощью собственных действий сновидящие сами выясняют законы и правила, управляющие этой вселенной.

Дон Хуан сказал, что в своей работе с неорганическими существами я следовал этому правилу настолько хорошо, что он опасается разрушительных последствий. Он подумал, что неизбежной реакцией части неорганических существ может стать попытка удержать меня в их мире.

— Не думаешь ли ты, что это слишком сильное преувеличение, дон Хуан? — спросил я.

Мне не верилось, что описанная им ситуация может стать настолько мрачной.

— Я совсем не преувеличиваю, — ответил он сухим серьезным тоном. — Ты увидишь сам. Неорганические существа никому не позволят пройти без настоящего сражения.

— Но что дает тебе основания считать, что я им нужен?

— Они уже показали тебе слишком многое. Неужели ты считаешь, что они идут на все это просто забавы ради?

Дон Хуан сам рассмеялся этому замечанию. Мне оно не показалось забавным. Непонятно откуда взявшийся страх заставил меня спросить его о том, считает ли он, что я должен на время прервать или даже вовсе прекратить свою практику сновидений.

— Ты должен продолжать свое сновидение до тех пор, пока не войдешь во вселенную за вторыми вратами, — ответил он. — Я имею в виду, что только ты сам можешь либо принять, либо отвергнуть соблазны неорганических существ. Вот почему я остаюсь в стороне и могу разве что с трудом прокомментировать твои упражнения в сновидении.

Я признался ему, что нахожусь в полном недоумении и не могу понять, почему он настолько щедр в объяснении одних аспектов своего знания и настолько скуп в освещении других, особенно если это касается сновидения.

— Я вынужден учить тебя сновидению, — ответил он, — только потому, что это модель, которую предложили древние маги. Путь сновидения полон ловушек, и попадать в них или избегать их — это личное и индивидуальное дело каждого сновидящего. И я могу добавить, что это — моя последняя задача.

— Являются ли эти ловушки результатом возможности поддаться искушению лести или обещаниям силы? — спросил я.

— Не только искушению всем этим, но также и всему, что предлагают неорганические существа. До определенного момента для магов нет способа принять то, что они предлагают.

— И что это за момент, дон Хуан?

— Этот момент зависит от личности каждого из нас. Проблема для всех нас заключается в том, чтобы взять от этого мира только то, что действительно необходимо, — и ничего более. Знать, что же является необходимым — это искусство магов, но взять только то, что необходимо — это их высочайшее достижение. Непонимание этого простого правила и есть самый неизбежный путь попадания в ловушку.

— Что происходит если попадаешь в такую ловушку, дон Хуан?

— Если попадешь, то заплатишь определенную цену, и эта цена зависит от обстоятельств и глубины твоего падения. Но в действительности невозможно говорить о случайностях

подобного рода, поскольку мы не сталкиваемся с проблемой наказания. Здесь ставятся на карту потоки энергии, создающие последствия более ужасные, чем смерть. Все, что встречается на пути мага, является вопросом жизни или смерти, но на пути сновидения это усиливается в сотни раз.

Я снова уверил дон Хуана, что всегда выполняю сновидение с величайшей осторожностью, и что я в высшей степени дисциплинирован и сознателен.

— Я знаю, что это так, — ответил он. — Но я хочу, чтобы ты был еще более дисциплинированным и выполнял все, что связано со сновидением, чрезвычайно деликатно. Прежде всего, будь бдителен. Я не могу предвидеть, откуда произойдет нападение.

— Видишь ли ты как видящий нависшую надо мной опасность, дон Хуан?

— Я видел нависшую над тобой угрозу с того дня, когда ты гулял по таинственному городу. И в первый раз я помог тебе, когда окружил твое энергетическое тело.

— Но знаешь ли ты конкретно, что мне нужно делать и чего мне следует избегать?

— Нет, я не знаю этого. Я только знаю, что мир за вторыми воротами очень близок к твоему собственному, и твой собственный мир — чрезвычайно хитрый и бессердечный. Поэтому они не слишком отличаются.

Я продолжал расспрашивать его о том, что еще он может сказать мне обо всем этом. Но он утверждал, что как маг чувствует состояние общей опасности, однако не может сказать ничего конкретного.

— Мир неорганических существ всегда готов поразить, — продолжал он. — Но таков и твой мир. Вот почему ты должен войти в их сферу точно так, как если бы ты подвергся опасности в зоне военного конфликта.

— Означает ли это, дон Хуан, что сновидящие всегда должны бояться этого мира?

— Нет, я не говорил этого. Как только сновидящий проходит через вторые ворота, или если он отказывается рассматривать их как жизненный выбор, — больше не возникает никаких проблем.

Дон Хуан настаивал, что только в этом случае сновидящие вольны продолжать. Я не уверен, что понял то, о чем он говорил; он пояснил, что мир за вторыми воротами настолько мощный и агрессивный, что служит как бы естественным экраном или тестовой территорией, где сновидящие проверяют свою слабость. Если они выдерживают эти тесты, они могут перейти к следующим воротам; если нет — они навсегда остаются пойманными в этом мире.

Я буквально задыхался от тревоги, но несмотря на мои уговоры, он больше ничего не добавил. Вернувшись домой, я продолжал свои путешествия в мир неорганических существ, соблюдая величайшие предосторожности. Такая осторожность, видимо, еще больше увеличила мое ощущение наслаждения этими путешествиями. Я достиг точки, когда простого созерцания мира неорганических существ было достаточно для того, чтобы создать экзальтацию, которую невозможно описать. Я боялся, что рано или поздно мой восторг закончится, но этого не происходило. Иногда что-то неожиданно делало его еще более интенсивным.

Однажды лазутчик провел меня через бесчисленное количество туннелей, как если бы он что-то искал, или как если бы собирался вытащить мою энергию и исчерпать меня. К тому моменту, когда это наконец окончилось, я чувствовал себя так, словно пробежал марафон. Я ощутил себя словно на краю этого мира. Уже больше не было туннелей. Меня окружала только пустота. Затем что-то осветило пространство прямо передо мной. Свет шел от непрямого источника. Это был приглушенный рассеянный свет, окрашивающий все вокруг в серый или коричневый цвет. Когда я стал воспринимать этот свет, я начал смутно различать какие-то темные движущиеся формы. В конце концов мне показалось, что фокусирование моего внимания сновидения на этих движущихся фигурах делает их более вещественными. Я заметил, что их было три разновидности: некоторые из них были круглыми, подобными шарам; другие напоминали колокола; еще одни были похожи на гигантское волнообразное пламя свечи. Все они в своем основании были круглыми и одного размера. Я решил, что диаметр основания составлял от трех до четырех футов. Их там были сотни, даже тысячи.

Я знал, что у меня было странное сложное видение, хотя эти формы для меня были настолько реальны, что меня начало слегка тошнить. У меня возникло вызывающее тошноту ощущение пребывания над гнездом гигантских круглых коричневых и сероватых жуков. Я ощущал себя в безопасности, так как парил над ними. Однако я отбросил все эти соображения в тот момент, когда осознал, что полным идиотизмом было бы ощущать себя в безопасности или чувствовать себя неловко, как если бы это была ситуация из реальной жизни. Но чем дольше я наблюдал то, как эти жукоподобные формы извиваются, тем сильнее меня стала беспокоить мысль, что они вот-вот коснутся меня.

— Мы — подвижные элементы нашего мира, — неожиданно произнес голос эmissара. — Не бойся! Мы представляем собой энергию, и будь уверен, что мы не собираемся касаться тебя. Это было бы совершенно невозможно. Нас разделяют реальные границы.

После долгой паузы голос добавил:

— Мы хотим, чтобы ты присоединился к нам. Спустись к нам. И вообще, чувствуй себя удобно. Ты не чувствовал себя неловко с лазутчиками, не чувствуй и со мной. Лазутчики и я подобны друг другу. Я имею форму колокола, а лазутчики подобны пламени свечи.

Это последнее утверждение определенно было намеком на разновидности моего энергетического тела. После того как я услышал это, моя тошнота и страх исчезли. Я спустился на их уровень, и шары, колокола и пламени окружили меня. Они подошли ко мне настолько близко, что если бы у меня было физическое тело, то коснулись бы меня. Вместо этого мы проходили друг через друга, как окруженные границами клубы воздуха.

В этот момент у меня возникло невероятное ощущение. Хотя у моего энергетического тела, казалось, не было никаких особых реакций на происходящее, я ощутил и отметил очень необычное ощущение щекотки в какой-то неопределенной части себя; сквозь меня, как бы вовсе меня не затрагивая, проходили какие-то мягкие воздушные сущности. Это ощущение было неясным и быстротечным и у меня не было времени полностью осознать его. Вместо того, чтобы сфокусировать на этом свое внимание сновидения, я позволил себе полностью погрузиться в наблюдение больших пузырей энергии.

Мне казалось что между мной и теневыми сущностями было некоторое сходство — хотя бы в том, что касалось нашего размера на этом уровне. Возможно, это было так потому, что я судил о них по размерам моего энергетического тела, и эта соразмерность позволяла мне чувствовать себя с ними почти уютно. Пытаясь потом проанализировать свои воспоминания, я пришел к выводу, что не запомнил их вообще. Они были безличны, холодны, бесстрастны и в этом чрезвычайно подобны мне самому. На мгновение я забеспокоился, как могло случиться так, что моя неприязнь к ним длилась не более минуты и резко сменилась полным приятием. Может быть, это было естественным следствием процесса сновидения или результатом особого энергетического влияния, оказываемого на меня этими сущностями.

— Они очень приятные, — сказал я эмиссару, и в тот самый момент меня охватила волна глубокого ощущения дружбы или даже влечения к ним.

Не успел я признаться в этом самому себе, как темные тени засеменили прочь подобно толстым морским свинкам, оставив меня в полутьме.

— Ты направил в их сторону слишком много чувства и вспугнул их, — сказал голос эмиссара. — Чувство слишком тяжело как для них, так и для меня.

Эмиссар как-то робко засмеялся.

Здесь мой сон прекратился. После пробуждения моей первой реакцией было собрать чемоданы и отправиться в Мексику для встречи с доном Хуаном. Однако неожиданное течение моей личной жизни сделало эту поездку невозможной, несмотря на мои неистовые приготовления к отъезду. Кроме того, тревога, которая возникла в результате такой задержки, прервала мою практику сновидения. Я не прилагал усилий для их прекращения; невольно я столько внимания уделил конкретно этому сновидению, что просто знал, что если я не смогу добраться до дона Хуана, то нет смысла продолжать эту практику.

Перерыв, который длился свыше полугода, только увеличил мою зачарованность волшебством случившегося тогда. Мне и в голову не приходило, что только мои собственные чувства заставили меня прекратить эту практику. Мне хотелось бы знать, будет ли достаточно просто желания ее возобновить. Но как только я сформулировал для себя мысль о возобновлении сновидений, как моя практика продолжилась, словно никогда не прерывалась. Лазутчик подобрал меня в том же месте, где мы расстались, и доставил прямо к тому видению, где я был во время моей последней встречи.

— Это мир теней, — сказал голос эмиссара, как только я прибыл. — Но хотя мы и тени, мы все-таки излучаем свет. Мы не только подвижны, мы еще и являемся светом в туннелях. Мы представляем собой еще одну из существующих здесь разновидностей неорганических существ. Здесь есть три их разновидности: одни подобны неподвижному туннелю, другие подобны подвижной тени. Мы — подвижные тени. Туннели дают нам свою энергию, а мы выполняем их распоряжения.

Эмиссар прекратил говорить. Я почувствовал, что самое время спросить о третьей разновидности неорганических существ. Я также почувствовал, что если я не спрошу, эмиссар сам этого мне не скажет.

— Каков третий вид неорганических существ? — спросил я.

Эмиссар кашлянул и хихикнул. Мне показалось, что это звучало так, как будто ему доставило немалое удовольствие то, что я наконец задал этот вопрос.

— О, это самая таинственная разновидность — сказал он. — Она открывается нашим посетителям только в том случае, если они решат остаться с нами.

— Почему? — спросил я.

— Для того, чтобы увидеть их, требуется большее количество энергии, — ответил эмиссар. — И предоставить эту энергию должны мы.

Я знал, что эмиссар говорил мне правду. Я также знал, что надо мной нависла угроза огромной опасности. Мной овладело беспредельное любопытство. Я захотел увидеть эту третью разновидность.

Эмиссар, видимо, осознавал мое настроение. — Ты бы хотел увидеть их? — спросил он неожиданно.

— Непременно, — ответил я.

— Все, что тебе нужно сделать — это громко сказать о том, что ты хочешь остаться с нами, — произнес он бесстрастно.

— Но если я скажу это, я должен буду остаться, ведь так? — спросил я.

— Естественно, — произнес эмиссар тоном предельной убежденности. — В этом мире все, что ты произнесешь вслух, становится реальностью.

Я не смог удержаться, чтобы не подумать, что если бы эмиссар захотел хитростью заставить меня остаться, то для этого ему нужно было бы просто солгать. И я не смог бы отличить лжи от правды.

— Я не смогу тебе солгать, поскольку ложь не существует, — сказал эмиссар, вторгаясь в мои мысли. — Я могу говорить тебе только о том, что существует. В моем мире существует только намерение; ложь не содержит намерения, поэтому она не существует.

Я хотел возразить, что даже за ложью существует намерение, но еще до того, как я вслух выразил мое возражение, эмиссар сказал, что за ложью есть намерение, но то намерение не есть намерение.

Я не смог удержать мое внимание сновидения на возражении эмиссара. Оно направилось к теневым существам. Внезапно я заметил что они похожи на стадо странных доверчивых животных. Голос эмиссара предупредил меня о том, чтобы я держал свои эмоции под контролем, поскольку внезапные порывы чувств могут рассеять их, словно стаю птиц.

— Что же мне нужно делать? — спросил я.

— Спустись на нашу сторону и попытайся тянуть или толкать нас, — наставлял меня голос эмиссара. Чем быстрее ты научишься это делать, тем быстрее ты сможешь двигать вещи в твоём собственном мире, просто смотря на них.

Мой практичный ум мгновенно отреагировал на это. Я сразу очутился среди них, отчаянно пытаюсь толкать или тащить их. В конце концов я совершенно исчерпал свою энергию. Затем у меня возникло ощущение, что я пытаюсь делать что-то подобное попытке поднять самого себя за волосы.

У меня возникло еще одно впечатление, — чем больше я напрягался, тем больше теней появлялось. Это было похоже на то, как если бы они появлялись из всех углов, чтобы наблюдать за мной или питаться мной. В тот момент, когда я это подумал, они, эти тени, мгновенно разбежались.

— Мы не питаемся тобой, — сказал эмиссар. — Мы все приходим, чтобы погреться в твоей энергии. Это очень напоминает то, что ты делаешь с солнечным светом в холодный день.

Эмиссар призвал меня открыться им, не концентрируясь на своих подозрениях. Я услышал этот голос и, по мере того, как я слышал то, что он говорит, я понимал, что я слышу, ощущаю, и думаю точно так же, как делаю это в своей повседневной жизни. Я стал медленно поворачиваться кругом. Соизмерив ясность своего восприятия, я пришел к выводу, что нахожусь в реальном мире.

Голос эмиссара продолжал звучать в моих ушах. Он говорил, что для меня единственным различием между восприятием моего мира и восприятием их мира является то, что восприятие их мира начиналось и заканчивалось в мгновение ока. Восприятие моего повседневного мира было иным, — поскольку мое осознание фиксировано на нем вместе с осознанием огромного числа существ, мне подобных, и все мы вместе удерживаем свой мой мир на месте с помощью своего намерения. Эмиссар добавил, что и для неорганических существ восприятие моего мира точно так же начинается и заканчивается в мгновение ока, но восприятие своего мира для них точно так же, как и моего — для меня, удерживается на месте громадным числом их намерений.

В это мгновение та сцена начала растворяться. Все это напоминало погружение в глубину, а пробуждение из этого мира было подобно выныриванию на поверхность.

На следующей сессии эмиссар начал свой диалог со мной, повторив, что между подвижными тенями и стабильными туннелями существует полностью скоординированные и согласованные взаимоотношения. Он закончил свое высказывание словами:

— Мы не можем существовать друг без друга.

— Я понимаю твое объяснение, — ответил я.

В его голосе появился оттенок недоверия, когда он возразил, что, возможно, я не в состоянии понять, что означает такая связь, которая является чем-то неизмеримо большим, чем зависимость. Я собрался попросить эмиссара объяснить, что он имеет в виду, но в следующее мгновение оказался внутри того, что я мог бы определить как саму ткань

туннеля. Я увидел забавно соединенные, напоминающие железные выпуклости, которые излучали тусклый свет. У меня возникла мысль, что эти выпуклости производят на меня такое же впечатление, как выпуклый алфавит Брайля для слепых. Считая их шариками энергии от трех до четырех футов в диаметре, я начал удивляться действительным размерам этих туннелей.

— Размеры здесь не похожи на размеры в твоём мире, — сказал эмиссар. — Энергия этого мира представляет собой другой тип энергии, её особенности не совпадают с особенностями энергии твоего мира, хотя этот мир столь же реален.

Эмиссар принялся объяснять мне, что он уже рассказывал мне все это о теневых сущностях, когда описывал и объяснял выпуклости на стенах туннеля. Я ответил ему, что я слышал эти объяснения, но не обратил на них внимания, поскольку считал, что они непосредственно не относятся к сновидениям.

— Все здесь, в этом мире, непосредственно относится к сновидениям, — сказал эмиссар.

Я захотел поразмыслить о причине моего непонимания, но мой ум вдруг опустел. Мое внимание сновидения померкло. Мне стало трудно фокусировать его на мире вокруг себя. Я сконцентрировался на пробуждении. Но эмиссар снова стал говорить, и звук его голоса поддержал меня. Мое внимание сновидения значительно оживилось.

— Сновидение — это колесница, которая доставляет сновидящих в этот мир, — сказал эмиссар, — и каждый маг знает о сновидениях, поскольку этому научили его мы. Наш мир связан с вашей дверью, которая называется сновидением. Мы знаем, как проходить через эту дверь, но люди не знают. Они должны учиться этому.

Голос эмиссара начал объяснять мне то, о чем уже говорил раньше.

— Выпуклости стенок туннелей представляют собой теневые существа, — сказал он. — И я — один из них. Мы движемся внутри туннелей по их стенкам, заряжая себя энергией этих туннелей, которая и является нашей энергией.

Мой ум пронзила мысль: «Я действительно не мог и представить себе отношения того типа, свидетелем которых я стал».

— Если бы ты остался с нами, то непременно бы научился ощущать то, что означает быть так взаимосвязанными, как взаимосвязаны мы, — сказал эмиссар.

Казалось, эмиссар ждет моего ответа. У меня возникло ощущение, что он только и ждал, чтобы я сказал о своем решении остаться.

— Сколько теневых существ в каждом туннеле? — спросил я, пытаюсь сменить тему, и сразу же пожалел об этом, потому что эмиссар начал подробно описывать мне количество и функции теневых существ в каждом туннеле. Он сказал, что в каждом туннеле имеется определенное число взаимозависимых сущностей, относящихся только к нему, каждая из которых выполняет конкретные функции, относящиеся к потребностям и желаниям родственников им туннелей.

Мне не хотелось, чтобы эмиссар стал вдаваться в подробности. Я осознал, что чем меньше я знаю о туннелях и теневых существах, тем лучше для меня. В тот миг, когда я сформулировал эту мысль, эмиссар остановился, и мое тело энергии резко дернулось, как будто потянули за кабель. В следующий момент я полностью проснулся в своей кровати.

С тех пор у меня больше не было страхов, которые могли бы прерывать мою практику сновидения. Мною стала овладевать другая идея — идея о том, что я обнаружил источник неповторимого удовольствия. Каждый день я едва дожидался того момента, когда начинал сновидение и лазутчик доставлял меня в мир теней. Дополнительная прелесть была еще и в том, что мои видения мира теней стали еще более похожими на жизнь, чем это было раньше. Если судить с точки зрения стандартов обычных мыслей, обычных визуальных и слуховых ощущений, привычных реакций моего тела, то, пока продолжались мои переживания, все это было настолько же реально, как любая ситуация в обычном мире.

Никогда у меня не было таких переживаний, в которых единственным отличием между моими видениями и моим повседневным миром была скорость, с которой заканчивались мои видения. В один миг я оказывался в странном, но реальном мире; в следующее мгновение — в своей постели.

Страстно желая, чтобы дон Хуан дал свои комментарии и пояснения, я продолжал слоняться по Лос-Анжелесу. Чем больше я думал о своей ситуации, тем большей была моя тревога; я даже начал ощущать, что в мире неорганических существ на меня с колоссальной скоростью надвигалось нечто угрожающее.

По мере того, как росла моя тревога, мое тело оказывалось в состоянии глубочайшего страха, хотя ум мой экстатически созерцал мир теней. И что совсем плохо, голос эмиссара сновидений стал присутствовать в моем повседневном сознании. Однажды, во время моих университетских занятий, я услышал, как голос говорил, что любая попытка с моей стороны прекратить мои практики сновидений нанесла бы вред моим глобальным целям. Он утверждал, что воины не уклоняются от проблем, что у меня нет разумного основания

прекращать свою практику. Я согласился с эмиссаром. У меня самого не было намерения ничего прекращать, и голос только подтверждал это мое ощущение.

В это время изменился не только эмиссар, но и новый лазутчик появился на сцене. Однажды, не успев я начать изучать особенности объектов моего сновидения, передо мной буквально выскочил лазутчик и агрессивно завладел моим вниманием сновидения. Примечательной особенностью этого лазутчика было то, что ему не пришлось проходить через энергетические метаморфозы; с самого начала он выглядел как пузырь энергии. В мгновение ока лазутчик перенес меня, не дожидаясь выражения моего намерения сделать это, в совершенно другую часть мира неорганических существ — в мир саблезубых тигров.

В моих ранних работах я уже описывал проблески этих видений. Я сказал «проблески», поскольку у меня не было достаточно энергии, чтобы передать воспринятые мной миры способом, понятным для моего рационально мыслящего ума.

Мои ночные видения саблезубых тигров продолжались регулярно в течение длительного времени, до тех пор, пока этот агрессивный лазутчик вновь не дожидаясь моего согласия перенес меня в туннели.

Я услышал голос эмиссара. Он сразу обрушил на меня самую длинную и мучительную тираду из тех, что я слышал до сих пор. Он говорил мне о необыкновенных преимуществах мира неорганических существ. Он говорил о получении знания, которое перевернет мой ум, и о том, что это достигается только простым действием — согласием остаться в этих удивительных туннелях. Он говорил о неопишуемой подвижности, о бесконечном времени для познания сути вещей и более всего о возможности быть объектом внимания космических слуг, которые будут исполнять мой малейший каприз.

— Сознательные существа из самых невероятно удаленных концов вселенной высказывают желание остаться с нами. Им нравится быть у нас, — сказал эмиссар, завершая свою беседу. — Фактически, до сих пор никто не пожелал уйти.

В этот момент у меня возникла мысль: служение мне полностью чуждо моему темпераменту. Я никогда не одобрял ни слуг, ни тех, кому они служат.

Лазутчик подхватил меня и понес по множеству туннелей. Мы остановились в туннеле, который каким то образом казался больше остальных. Мое внимание сновидения было приковано к размеру и расположению туннеля, оно оставалось как бы приклеенным там, и я не мог оглянуться. Мое внимание сновидения было сконцентрировано на капле энергии, немного большей, чем теневые существа. Она была голубой, словно синева в центре пламени свечи. Я знал, что эта конфигурация энергии не была теневым существом и что ее не было здесь раньше.

Ощукая его, я забыл о себе. Лазутчик дал мне знак уходить, но что-то сделало меня невосприимчивым к его сигналам. Я, ощущая некоторую тревогу, все же остался там где был. Однако знаки лазутчика нарушили мою концентрацию, и я потерял из виду эту голубую форму.

Неожиданно колоссальная сила заставила меня вращаться вокруг своей оси и перенесла меня прямо к голубому свечению. По мере того, как я смотрел на него, оно обретало очертания человека — очень маленького, тонкого, хрупкого, почти прозрачного. Я отчаянно пытался определить, мужчина это или женщина, но как я ни старался, мне это не удалось.

Мои попытки спросить об этом эмиссара также не имели успеха. Он улетел внезапно, оставив меня подвешенным в этом туннеле лицом к лицу с незнакомым человеком. Я попытался поговорить с этим человеком, так, как я разговаривал с эмиссаром, но не получил ответа. Я ощутил волну разочарования от того, что не смог разрушить разделяющий нас барьер. Затем меня охватил страх остаться наедине с кем-то, кто мог оказаться врагом.

В присутствии незнакомца у меня возникло множество реакций. Я даже ощутил восторг от того, что я знал, что лазутчик показал мне, наконец, еще одно человеческое существо, которое было поймано в этом мире. Я только испытал огорчение от того, что мы не можем общаться, поскольку, видимо, этот незнакомец был одним из магов древности и принадлежал другой эпохе.

Чем больше становился мой восторг и любопытство, тем тяжелее я становился, вплоть до того момента, когда я стал очень тяжелым и не очутился вновь в своем теле в парке возле калифорнийского университета. Я стоял на траве прямо среди людей, играющих в гольф.

Одновременно со мной с той же самой скоростью передо мной так же начал материализоваться человек. Мы на момент взглянули друг другу в глаза. Это была девочка, возможно, шести или семи лет. Я подумал, что знаю ее. При виде ее мой восторг и любопытство настолько возросли, что повернули процесс вспять. Я потерял вес настолько быстро, что в следующий миг превратился в каплю энергии в мире неорганических существ. Лазутчик вернулся ко мне и вытолкнул меня прочь.

Я проснулся, содрогнувшись от страха. В процессе выплывания на поверхность повседневного мира что-то заставляло информацию ускользать. Мой ум неистово пытался

собрать воедино все, что знал, или казалось, что знал. Я провел более сорока восьми часов в попытках ухватить скрытое ощущение или скрытое знание, прикоснуться к которому мне удалось. Единственным достижением было ощущение силы — я предполагал, что оно пришло извне; это ощущение силы говорило мне о том, чтобы я больше не доверял тому, что происходит со мной в сновидениях.

Спустя несколько дней смутная и таинственная уверенность начала овладевать мною. Эта уверенность возрастала постепенно до тех пор, пока не осталось никаких сомнений в ее подлинности: я был уверен в том, что голубая капля энергии была пленником в мире неорганических существ.

Более чем когда-либо я стал нуждаться в совете дон Хуана. Я знал, что это сведет на нет годы моей работы, но я не мог справиться с этим; я бросил все свои дела и выехал в Мексику.

— Чего ты на самом деле хочешь? — спросил меня дон Хуан, чтобы остановить мой истерический лепет.

Я не мог объяснить ему, чего я хотел, поскольку сам не знал этого.

— У тебя, должно быть, очень серьезные проблемы, если ты так примчался, — сказал дон Хуан задумчиво.

— Да, это так, несмотря на то, что я даже не могу сформулировать, что же в действительности представляет собой моя проблема, — сказал я.

Он попросил меня описать мою практику сновидения со всеми относящимися к ней деталями. Я рассказал ему о своем видении маленькой девочки и о том, как это отразилось на моем эмоциональном состоянии. Он неожиданно посоветовал мне проигнорировать это событие и рассматривать его как прямую попытку со стороны неорганических существ потворствовать моим фантазиям. Он заметил, что, если сновидение чрезмерно акцентировано, то оно становится тем, чем было для древних магов — источником неисчерпаемого индугирования.

По некоторой необъяснимой причине я не хотел рассказывать дону Хуану о мире теневых существ. Но когда он отверг мое видение маленькой девочки, я был вынужден описать ему мои визиты в этот мир. Долгое время он молчал, словно был ошеломлен.

Когда он наконец заговорил, то сказал:

— Ты намного более одинок, чем я думал, поскольку я вообще не могу обсуждать твою практику сновидений. Ты находишься в ситуации древних магов. Все, что я могу сделать, — это снова повторить тебе, что ты должен упражняться, собрав всю свою осторожность.

— Почему ты говоришь, что я нахожусь в ситуации древних магов?

— Я повторяю тебе снова, что твое настроение опасно напоминает настроение древних магов. Они были очень способными существами; их ошибкой было то, что они чувствовали себя в мире неорганических существ, как рыба в воде. Ты с ними в одной лодке. Ты знаешь об этом мире то, что никто из нас не может даже вообразить. Лично я никогда не слышал о мире теней, как и нагваль Хулиан или нагваль Элиас, несмотря на то, что он долго пробыл в мире неорганических существ.

— Что меняется, когда ты узнаешь о мире теней?

— Очень многое. Сновидящий принимается там только в случае, если неорганические существа уверены в том, что он собирается остаться в этом мире. Мы знаем об этом из рассказов древних магов.

— Я уверяю тебя, дон Хуан, что у меня не было никакого намерения остаться там. Ты говоришь так, словно я был почти готов попасть в ловушку обещаний силы или обещаний прислуживания. Меня не интересует ни то, ни другое.

— На этом уровне это не так просто. Ты пересек ту грань, до которой можно было просто взять и вернуться. Кроме того, ты имел несчастье быть избранным неорганическим существом воды. Помнишь, как они тебе досаждали когда-то? Они иждивенцы и собственники и, если уж кого-нибудь поймут на крючок, то никогда не выпустят.

— Но что это означает в моем случае, дон Хуан?

— Это означает действительно серьезную проблему. Конкретное неорганическое существо, которое направляет все это шоу, — это то, которое ты схватил в тот памятный день. С годами оно постепенно познакомилось с тобой. Оно знает тебя очень близко.

Я искренне признался дону Хуану, что сама идея о том, что некое неорганическое существо знает меня очень близко, вызывает у меня боль в желудке.

— Когда сновидящие осознают, что эти неорганические существа не нравятся им, — сказал он, — обычно это случается слишком поздно, поскольку к тому времени эти неорганические существа уже положили их себе в мешок.

В глубине души я почувствовал, что он говорит обо всем этом абстрактно, об опасностях, которые могут существовать теоретически, но не на практике. Я был тайно уверен в том, что никакой опасности просто не существует.

— Я не собираюсь позволять неорганическим существам подобраться ко мне каким бы то ни было образом, если это то, о чем ты думаешь, — сказал я.

— Я думаю, что они собираются провести тебя, — ответил он. — Подобно тому, как они провели нагваля Розендо. Они собираются схватить тебя — и ты не то что не заметишь ловушки, ты даже не заподозришь ее. Они искусны в подобных манипуляциях. Вот теперь они даже изобрели маленькую девочку.

— Но я думаю, что маленькая девочка несомненно существует, — настаивал я.

— Нет никакой маленькой девочки, — оборвал он меня. — Эта голубая капля энергии — просто иной лазутчик. Это исследователь, схваченный в мире неорганических существ. Я уже говорил тебе, что неорганические существа подобны рыбаку, они привлекают и хватают осознание.

Дон Хуан сказал, что он не сомневается в том, что эта голубая капля энергии из измерения, совершенно отличного от нашего, и представляет собой лазутчика, который был скручен и схвачен, подобно мухе в паутине.

Мне не понравилась эта аналогия. Она беспокоила меня, вызывая физический дискомфорт. Я упомянул об этом дону Хуану, но он сказал мне, что моя забота об этом лазутчике-пленнике почти доводит его до отчаяния.

— Почему это тревожит тебя? — спросил я.

— В том запутанном мире что-то назревает, — сказал он. — И я не могу сформулировать, что именно.

Пока я оставался в окружении дона Хуана и его компаньонов, я вообще не мог сновидеть в мире неорганических существ. Обычной моей практикой здесь было фокусировать свое внимание сновидения на предметах моего сна и менять сновидения. Чтобы отвлечь меня от моих забот, дон Хуан предложил мне пристально созерцать облака и удаленные горные вершины. В результате возникло непосредственное ощущение того, что я нахожусь на одном уровне с облаками и что я действительно попал на эти отдаленные вершины.

— Я очень рад, но вместе с тем мне очень тревожно, — сказал дон Хуан, комментируя мои усилия. Тебя научили чудесами, а ты даже не знаешь этого. И я не вижу, что ты вообще учился у меня.

— Ты говоришь о неорганических существах, да?

— Да, о неорганических существах. Я советую тебе не заниматься пристальным созерцанием чего-либо; пристальное всматривание является техникой древних магов для того, чтобы просто пристально созерцая цель своего пристрастия, в мгновение ока переносить свои тела энергий. Эта очень впечатляющая техника совершенно бесполезна для современных магов. Она не позволяет увеличить нашу трезвость или нашу способность искать свободу. Все, что она делает — это только возвращает и приковывает нас к конкретности, самому нежелательному состоянию.

Дон Хуан добавил, что если бы я не держал себя под контролем, со временем я бы слил второе внимание с вниманием моей повседневной жизни и тогда стал бы просто невыносимым. Он сказал, что существует опасная трещина между моей подвижностью во втором внимании и моей настойчиво культивируемой неподвижности в своем сознании в обычном мире. Он заметил, что трещина между ними была настолько велика, что в моем дневном состоянии я был почти идиотом, а во втором внимании — лунатиком.

Перед тем, как отправиться домой, я самовольно решил обсудить мои сновидения мира теней с Кэрл Тиггс, хотя дон Хуан советовал мне не обсуждать этого ни с кем. Мне больше всего хотелось поговорить именно с ней, она была самой интересной и самой понятной для меня личностью, поскольку представляла собой мою полную противоположность. Дон Хуан явно был раздосадован тем, что я рассказал ей о своих проблемах. Я чувствовал себя хуже чем когда-либо. Мной овладела жалость к себе и я начал сетовать, что вечно поступаю не так, как надо.

— Ты еще ничего не сделал, — оборвал меня дон Хуан, — но этого достаточно.

Как он был прав! В моем следующем сновидении, которое произошло дома, разверзлась преисподняя. Я достиг мира теней, как я делал огромное количество раз: единственным отличием было присутствие голубой формы энергии. Она находилась среди других теневых существ. Я почувствовал, что, возможно, этот пузырь энергии был здесь и раньше, но я не замечал его. Как только я отметил это, мое внимание сновидения неотрывно привязалось к этому пузырю энергии. В считанные секунды я очутился рядом с ним. Как обычно, другие тени также подошли ко мне, но я не обратил на них никакого внимания.

Внезапно эта голубая круглая форма превратилась в маленькую девочку, которую я уже видел. Она вытянула свою тонкую нежную длинную шею в мою сторону и сказала едва слышным шепотом: «Помоги мне!». Либо она действительно это сказала, либо я вообразил, что она это сказала. Результат был тем же: я стоял, застыв, наэлектризованный искренним участием. Я ощутил холод. Но это ощущение шло не изнутри моей массы энергии. Я ощутил

холод где-то в другой части меня. Впервые я полностью осознал, что то, что я переживаю, совсем не похоже на обычные ощущения, идущие от органов чувств. Я мог ощущать мир теней, испытывая все то, что обычно считал переживанием: я мог думать, оценивать, принимать решения, я обладал психологической непрерывностью: иными словами, я был самым собой. Отсутствовала только одна моя часть — ощущающая. У меня не было ощущений тела. Все впечатления поступали через зрение и слух. Мой разум затем столкнулся со странной проблемой: видение и слышание было не физической реальностью, а качествами возникающих видений.

— Ты на самом деле видишь и слышишь, — произнес, вторгаясь в мои мысли, голос эмиссара. — В этом и состоит прелесть этого места. Ты можешь ощущать все это через видение и слышание, не используя дыхание. Подумай об этом! Тебе не нужно дышать! Ты можешь попасть в любое место этого мира и не дышать.

Сквозь меня пробежала волнующая рябь эмоций, и снова это ощущение не принадлежало миру теней. Она чувствовалась где-то в другом месте. Меня очень взволновало очевидное, хотя и смутное понимание того, что между мной, тем кто переживает, и источником энергии, источником чувственных ощущений, расположенных где-то в другом месте, есть тесная связь. Мне пришло в голову, что это другое место — мое физическое тело, которое спит на кровати.

Как только возникла эта мысль, теневые существа разбежались, и в моем поле зрения осталась только маленькая девочка. Я смотрел на нее и очень скоро убедился в том, что я знаю ее. Создавалось впечатление, что она шатается, словно близка к обмороку. Меня охватила бесконечная волна сочувствия.

Я попытался заговорить с ней, но не смог произнести ни звука. Мне стало ясно, что все мои диалоги с эмиссаром вызывались и осуществлялись за счет энергии эмиссара. Оставшись в одиночестве, я оказался беспомощным. Затем я попытался направить свои мысли на девочку. Это было бесполезно. Нас разделяла энергетическая преграда, и пробить ее я не мог.

Эта маленькая девочка, по-видимому, поняла мое отчаяние и сама стала общаться со мной, пользуясь непосредственно мыслями. В сущности, она рассказала мне то же самое, что уже говорил дон Хуан: она была лазутчиком, которого поймали в паутину этого мира. Затем она добавила, что приняла форму маленькой девочки, поскольку эта форма была знакома и мне, и ей, и что она так же нуждалась в моей помощи, как и я — в ее. Она передала мне все это в одной энергетической группе чувств, которая достигла меня подобно словам. У меня не возникло трудностей с пониманием, хотя такое случилось со мной впервые.

Я не знал, что мне делать. Я попытался передать ощущение моего бессилия. Видимо, она мгновенно меня поняла. Она молча умоляла меня своим горящим взглядом. Ее улыбка словно давала мне понять, что именно мне она оставила возможность освободить ее от сковывавших ее пут. Когда я мысленно возразил, что у меня нет никакой возможности для этого, она произвела на меня впечатление истеричного ребенка в муках отчаяния.

Я неистово пытался поговорить с ней. Маленькая девочка действительно плакала, как может плакать только ребенок в ее возрасте, испытывая отчаяние и страх. Я не мог остановить ее слез. Я попытался погладить ее по голове, но безрезультатно. Моя масса энергии проходила через нее. У меня возникла мысль поднять ее и забрать с собой.

Я предпринял множество попыток сделать это, пока совсем не выбился из сил. Я остановился, чтобы обдумать свои дальнейшие действия. Я испугался, что мое внимание сновидений уменьшится, и тогда я потеряю ее из виду. Я понимал, что неорганические существа могут больше не захотеть снова доставить меня именно в эту область данного мира. Мне показалось, что это мой последний визит к ним — визит, который подводит итог.

И тут я сделал нечто немыслимое. Перед тем, как мое внимание сновидения исчерпалось, я громко закричал о своем намерении слить свою энергию с энергией этого пленного лазутчика и освободить его.

7. ГОЛУБОЙ ЛАЗУТЧИК

Мне приснился совершенно бессмысленный сон. Рядом со мной была Кэрл Тиггс. Она говорила со мной, хотя я не понимал о чем. Во сне также присутствовали дон Хуан и все члены его группы магов. Казалось, что они пытаются вытащить меня из туманного желтоватого мира.

После длительных попыток, во время которых я терял их из виду и находил вновь, им удавалось извлечь меня из этого места. Поскольку я не мог понять смысла всех этих стараний, я в конце концов пришел к выводу, что это не сновидения, а обычный бессвязный сон.

Я был потрясен, когда проснулся и обнаружил себя в постели в доме дон Хуана. Я не мог даже пошевелинуться. У меня совсем не было энергии. Я не знал, что и думать, хотя сразу

же ощутил серьезность своего положения. У меня возникло странное ощущение, что я потерял всю свою энергию потому, что сильно устал в своем сновидении.

Соратники дона Хуана, видимо были очень взволнованы тем, что произошло со мной. Они продолжали по очереди входить в мою комнату.

Каждый оставался до того момента, пока не появлялся кто-то другой. У меня создалось впечатление, что они заходят по очереди, чтобы непрерывно присматривать за мной. Я был слишком слаб для того, чтобы просить их объяснить свое поведение.

В последующие дни я стал чувствовать себя лучше, и они на конец начали говорить со мной о моем сновидении. С начала я не понимал, что же им от меня нужно. Но потом, по их вопросам, я вдруг понял, что они были чрезвычайно обеспокоены моей ситуацией с теневыми существами. Каждый из них выглядел испуганно и говорил со мной почти об одном и том же. Они настаивали на том, что никогда не бывали в мире теней. Некоторые из них даже утверждали, что не знали о его существовании. Их утверждения и действия увеличили мое ощущение замешательства и страха.

Каждый из них задавал одни и те же вопросы: «Кто тебя доставил в тот мир?». Или «откуда у тебя вообще могла появиться мысль о том, что можно попасть туда?». Когда я сказал им, что туда меня туда доставил лазутчик, они не могли в это поверить. Очевидно, они предположили, что я бывал там, но по причине отсутствия собственного опыта в этом они не могли понять того, что я им говорил. Тем не менее они хотели знать все, что я мог рассказать им о теневых существах и их мире. Все они, исключая дона Хуана, сидели возле моей постели, жадно хватая каждое сказанное мной слово. Но всякий раз, когда я спрашивал их о моем положении, они, точно также как и теневые существа, уходили от ответа.

Еще одна непонятная реакция, которой я прежде никогда в них не замечал, — это то, что они тщательно избегали любого физического контакта со мной. Они держались на расстоянии, будто я был болен чумой. Их реакция настолько меня беспокоило, что я был вынужден спросить их. Они стали отрицать это. Они, кажется, обиделись и принялись настойчиво доказывать мне, что я неправ. Я от души смеялся над возникшей напряженной ситуацией. Всякий раз, когда они пытались обнять меня, их тела как бы цепенели.

Флоринда Грау, одна из ближайших к дону Хуану его сторонниц, была единственным из членов его группы, которая уделяла мне много физического внимания и пыталась объяснить то, что со мной происходит. Она рассказала мне, что я лишился энергии в мире неорганических существ, и сейчас ее восстанавливаю и что мой новый энергетический заряд слегка беспокоит большинство из них.

Каждый вечер Флоринда укладывала меня в постель, как если бы я был инвалидом. Она даже рассказывала мне детские сказки, от чего все остальные покатывались со смеху. Но несмотря на то, что она потешалась надо мной, я оценил ее заботу, которая казалась мне искренней.

Я уже писал о Флоринде раньше, в связи со своей встрече с ней. Она была самой прекрасной женщиной, которую я до сих пор не встречал. Как-то я сказал ей, что она могла бы быть прекрасной фотомodelью для журнала мод.

— Журнала 1910 года, — возразила она. Флоринда, хотя не была не молода, не выглядела старой. Она казалась молодой и волнующей. Когда я спросил дона Хуана о ее необычайной молодости, он ответил, что магия поддерживает ее в высоком жизненном тоне. Энергия магов, заметил он, проявляется в данном случае как молодость и энергия.

Удовлетворив свое первое любопытство о мире теней, компаньоны дона Хуана прекратили постоянно заходить в мою комнату и поддерживали общение со мной на уровне шаблонных вопросов о моем здоровье. Всякий раз, когда я пытался встать, тот, кто находился рядом со мной, нежно укладывал меня обратно в постель. Я не нуждался в их уходе, но, видимо, я нуждался в них самих; я все еще был слаб. Я смирился с этим. Но что действительно похоронным звоном сопровождало каждую мою мысль — никто из них не мог объяснить мне, что я делаю в Мексике, если я лег в постель в Лос-Анжелесе.

Я неоднократно спрашивал их об этом. Каждый из них отвечал мне одно и то же:

— Спроси нагваля. Только он может тебе это объяснить.

Наконец Флоринда нарушила молчание.

— Тебя заманили в ловушку. Именно это-то с тобой и произошло, — сказала она.

— Где именно я угодил в ловушку? — конечно, в мире неорганических существ. Именно с этим миром ты годами имел дело. Разве не так?

— Конечно, Флоринда, но ты можешь рассказать мне, какого рода была эта ловушка?

— Нет, не могу. Все, что я могу сказать тебе, так это то, что ты потерял там всю свою энергию. Но ты отлично сражался.

— А почему я болен, Флоринда?

— У тебя нет какой-то определенной болезни; ты энергетически поражен. Положение было критическим, но сейчас ты только энергетически поражен.

— Как это все произошло?

— Ты вступил в смертельную схватку с неорганическими существами и проиграл.

— Но я не могу вспомнить никакой борьбы, Флоринда.

— Помнишь ты или нет, не имеет значения. Ты боролся и тебя победили. У тебя не было ни какого шанса победить этих искусных манипуляторов.

— Я сражался с неорганическими существами?

— Да. Ты вступил с ними в смертельную схватку. Я на самом деле не знаю, как ты пережил этот их смертельный удар.

Она отказалась рассказывать мне что-нибудь еще и намекнула, что скоро меня навестит нагваль.

На следующий день появился дон Хуан. Манера его поведения была веселой и обнадеживающей. Он шутя сообщил мне, что я должен буду заплатить ему за визит, потому что он явился ко мне с визитом как энергетический врач.

Он изучил меня, пристально созерцая с головы до ног.

— Ты уже почти здоров, — заключил он.

— Что со мной произошло? — спросил я.

— Ты попал в поставленную на тебя неорганическими существами ловушку, — ответил он.

— Как я оказался здесь?

— Именно это, кстати, и является величайшей тайной, — ответил он, весело улыбаясь, очевидно, пытаясь легко отнестись к серьезному делу. — Неорганические существа схватили тебя полностью. С начала они забрали в свой мир твоё энергетическое тело, когда ты следовал за одним из лазутчиков, а затем — и твоё физическое тело.

Друзья дона Хуана видимо, были шокированы этим. Один из них спросил его, могут ли неорганические существа похитить любого. Дон Хуан ответил, что, конечно, могут. Он напомнил, что нагваль Элиаса тоже забирали в ту вселенную, хотя он определенно не хотел туда идти.

Все присутствующие согласно кивали. Дон Хуан продолжал говорить с ними, упоминая обо мне в третьем лице. Он сказал, что объединенное сознание группы неорганических существ с начала съела мое тело энергии, вызвав с моей стороны эмоциональный взрыв: необходимо было освободить голубого лазутчика. За тем объединенное сознание той же группы неорганических существ втянуло мою инертную физическую массу в свой мир. Дон Хуан добавил, что без энергетического тела человек представляет собой всего лишь кусок энергетической материи, которой могло бы легко управлять другое сознание.

— Неорганические существа склеиваются друг с другом, подобно леткам тела, — продолжал дон Хуан. — Когда они сливают своё сознание воедино, они непобедимы. Им ничего не стоит выдернуть нас из нашей повседневности и забросить в свой мир. Особенно, если мы делаем себя доступными и заметными, как это сделал он.

Было слышно только громкое дыхание присутствующих. Все соратники дона Хуана были по-настоящему напуганы и обеспокоены.

Я хотел было жаловаться и обвинять дона Хуана в том, что он не остановил меня, но тут же вспомнил как он неоднократно пытался предостеречь меня, не допустить всего этого, но все было напрасно. Дон Хуан, определенно знал о том, что происходило в моем уме. Его улыбка свидетельствовала об этом.

— Причина, по которой ты заболел, — наконец обращаясь ко мне, сказал он, — заключается в том, что неорганические существа забрали всю твою энергию и дали тебе свободу. Этого было бы достаточно, чтобы убить любого. Но, как у нагваля, у тебя есть дополнительная энергия; по этому ты с трудом, но все же выжил.

Я сказал дону Хуану, что помню мельчайшие подробности совершенно необычного сна, в котором я находился в мире желтого тумана. Он, Кэрл Тиггс и его друзья вытаскивали меня из него.

— Мир неорганических существ обычному глазу кажется миом желтого тумана, — сказал он. — Когда ты подумал, что у тебя был необычный сон, в это время ты действительно смотрел впервые своими физическими глазами на мир неорганических существ. И, насколько бы странным это тебе ни показалось, для нас это тоже было впервые. Мы знали о мире тумана только из рассказов магов, а не из собственного опыта.

Ничто из того, о чем он говорил мне, не имело для меня смысла. Дон Хуан уверил меня, что из-за недостатка моей энергии более полное объяснение для меня было бы невозможным. Я должен удовлетвориться тем, что он рассказал мне, и тем, насколько я понял это сейчас.

— Я вообще ничего не понял, — настаивал я.

— Тогда ты вообще ничего не потерял, — ответил он. — Когда ты окрепнешь, то сам ответишь на свои вопросы.

Я признался дону Хуану, что у меня бывают приступы жара. Неожиданно моя температура возрастает, и когда я ощущаю жар и пот, у меня возникают необычные, но тревожащие меня проблески понимания собственного положения.

Дон Хуан внимательно осмотрел все мое тело своим пронизывающим взглядом. Он говорил, что я нахожусь в состоянии энергетического шока. Меня временно поразила потеря энергии, и то, что кажется приступами жара, по существу, представляет собой порывы энергии, во время которых я на мгновение восстанавливаю контроль над своим энергетическим телом и понимаю, что произошло со мной на самом деле.

— Напрягись и расскажи, что произошло с тобой в мире неорганических существ, — приказал он мне.

Я рассказал ему, что время от времени у меня появлялось ясное ощущение того, что он и его друзья входили в этот мир своими физическими телами и вырывали меня из объятий неорганических существ.

— Верно, — воскликнул он. — Ты все делаешь отлично. Сейчас преврати это ощущение в видение того, что произошло.

Как я ни пытался, мне этого сделать не удалось. Эта неудача заставила меня ощутить необычную усталость, которая, как казалось, высушивала внутренности моего тела. Прежде чем дон Хуан вышел из комнаты, я сказал ему о том, что меня одолевает беспокойство.

— Это ничего не значит, — ответил он безучастно. — Восстанови свою энергию и не беспокойся о пустяках.

Прошло больше двух недель прежде чем мне удалось постепенно восстановить свою энергию. Но я продолжал обо всем беспокоиться. В основном я беспокоился потому, что не мог себя понять, особенно о периодах какого-то холода во мне, которых я раньше не замечал, — определенная индифферентность, отчужденность, которую я считал результатом недостатка энергии, продолжалась до тех пор, пока я не восстановил ее.

Затем я осознал, что это стало новой чертой моего существа, чертой, которая постоянно выводила меня из себя. Я хотел привыкнуть к этим ощущениям, постоянно вызывая их, и я ждал минуты, когда они опять появятся в моем уме.

Еще одной новой особенностью моего существа стало охватывающее меня время от времени странное влечение. Меня влекло к кому-то, кого я не знал; это было настолько поглощающее и подавляющее ощущение, что когда оно возникало, я, чтобы как-то облегчить его, был вынужден непрерывно ходить по комнате. Это влечение оставалось до тех пор, пока я не стал пользоваться новым качеством в моей жизни: жестким контролем над самим собой, настолько новым и мощным, что это только добавляло масла в огонь моего беспокойства.

К концу четвертой недели все почувствовали что я совсем поправился. Внезапно они полностью прекратили свои посещения. Большую часть времени я проводил в во сне, в одиночестве. Тот отдых и расслабление, которые я получал, были настолько полными, что моя энергия значительно увеличилась. Я даже стал заниматься зарядкой.

Однажды, около полудня, после легкого завтрака, я вернулся в свою комнату подремать. Перед тем, как я погрузился в глубокий сон, я долго ворочался в кровати, пытаюсь найти новое положение. Вдруг странное давление в висках заставило меня открыть глаза. В ногах моей кровати стояла та самая девочка из мира неорганических существ. Она смотрела на меня своими холодными, как сталь, голубыми глазами.

Я подскочил на кровати и вскрикнул так громко, что до того, как я прекратил кричать, в комнату вбежали трое соратников дона Хуана. Они были ошеломлены. Они с ужасом наблюдали, как маленькая девочка подошла ко мне и остановилась у границ свечения моего физического тела. Казалось, что мы смотрели друг на друга целую вечность. Она что-то сказала мне, но я сразу не понял ничего, а в следующий момент мне все стало совершенно ясно.

Она сказала, что для того, чтобы я мог понять, о чем она говорит, мне следует перенести свое сознание из моего физического тела в мое тело энергии.

В этот миг в комнату вошел дон Хуан. Маленькая девочка и дон Хуан посмотрели друг на друга не проронив ни слова, дон Хуан вышел из комнаты. Маленькая девочка выскользнула следом за ним.

Суматоху, которую вызвала эта сцена у соратников дона Хуана, невозможно описать. Они потеряли все свое самообладание. Очевидно, все они видели, как за нагвалем из комнаты вышла маленькая девочка.

Сам я, видимо, был на грани взрыва. Я почувствовал, что почти теряю сознание и вынужден был сесть. Я испытал присутствие этой маленькой девочки как удар в солнечное

сплетение. Она была поразительно похожа на моего отца. Меня захлестнули волны сентиментальности. Я стал с болезненным интересом докапываться до смысла всего этого.

Когда дон Хуан вернулся в комнату, я немного овладел собой. Ожидание того, что же он скажет о маленькой девочке, перехватило мне дыхание. Все были так же возбуждены, как и я. Они обратились к дону Хуану одновременно и весело рассмеялись, когда осознали это. Главное, что всех нас интересовало, — была возможность выяснить, было ли нечто общее в том, как воспринял каждый из нас внешний вид лазутчика. Все сошлись на том, что эта была девочка шести-семи лет, очень худая, с прекрасными по-детски угловатыми чертами. Все согласились, что у нее были синевато-стальные глаза, которые излучали невысказанные эмоции; ее глаза, как они утверждали, выражали благодарность и верность.

Я мог подтвердить любую деталь того, о чем они говорили. Ее глаза были настолько яркими и наполненными энергией, что в действительности вызвали у меня некоторое ощущение боли. Я ощутил тяжесть ее взгляда на своей груди.

Серьезный вопрос, который задавали соратники дона Хуана и повторял я, касался смысла этого события. Все сошлись на том, что этот лазутчик был частью чужой энергии, которая просочилась сквозь грань, разделяющую второе внимание и внимание повседневного мира. Они утверждали, что хотя они не были в сновидении, все же все они видели чужую энергию, которая была спроецирована в фигуру ребенка; этот ребенок существовал.

Они утверждали, что могут быть сотни, даже тысячи случаев, когда чужая энергия проскальзывает незамеченной через естественные барьеры в наш обычный человеческий мир, но что в истории их традиции не разу упоминалось о событиях подобной природы. Что их больше всего беспокоило, — так это то, что о подобном не упоминалось в магических историях.

— Неужели нечто подобное произошло в истории человечества впервые? — спросил дон Хуан один из них.

— Я думаю, что это происходит постоянно, — ответил он, — но это никогда не происходило так открыто, так явно.

— Чем это может обернуться для нас? — спросил кто-то из них дон Хуан.

Для нас — ничего, но для него — все, — сказал он и указал на меня.

Наступила напряженная тишина. Некоторое время дон Хуан шагал взад-вперед по комнате. Затем он остановился передо мной и уставился на меня. По его виду можно было сказать, что он не может найти слов для выражения того, что он только что понял.

— Я даже не могу представить себе масштаба того, что ты сделал, — наконец сказал мне с недоумением в голосе дон Хуан. — Ты угодил в ловушку, но эта была не такая ловушка, о которой я тебя предупреждал. Твоя ловушка была такой, что мог попасться только ты, и она была еще более смертельно хитрой, чем я мог себе представить. Я опасался, что ты можешь стать жертвой лести и прислуживания тебе. Но я не мог учесть, что существа мира теней поставят ловушку, которая использует присущее тебе отвращение к любым ограничениям.

Как-то дон Хуан сравнивал свою и мою реакции на то, что больше всего стесняет нас в мире магов. Он говорил, и из его уст это прозвучало как жалоба, что хотя он желал этого и неоднократно пытался, но так никогда и не смог возбуждать в людях такое чувство любви, которое возбуждал в других его учитель нагваль Хулиан.

— Для меня важнее всего понять и признать, — чего я от тебя совсем не скрываю, — одно: я не обладаю от природы даром вызывать слепую и безоглядную любовь. Ну что ж!

— Присущей тебе основной особенностью характера такого рода является то, — продолжал он, — что ты не можешь вынести любого рода ограничения, и для того, чтобы их разрушить, ты готов отдать свою жизнь.

Я искренне возразил ему, что он преувеличивает. Мое понимание было еще не столь ясным.

— Не беспокойся, — сказал он смеясь, — магия — это действие. Когда наступит время, ты найдешь место своим склонностям точно так же, как я научился актуализировать свои. Мои заключаются в том, что я принимаю свою судьбу, но не пассивно, как идиот, а активно, как воин. Твои — в том, чтобы вырваться из любых ограничений, не будучи при этом ни капризным, ни слишком прагматичным.

Дон Хуан пояснил, что когда я слил свою энергию с лазутчиком, я по истине перестал существовать. Моя физическая сторона была перенесена в мир неорганических существ и, если бы не этот лазутчик, который провел дон Хуан и его соратников туда, где я находился, я бы умер или остался в этом мире потерянным навсегда.

— Почему же лазутчик провел вас туда, где я находился? — спросил я.

— Лазутчик — это живое существо из другого измерения, — сказал он. — Этой маленькой девочке, как она мне рассказала, была необходима энергия, чтобы разрушить барьер, который заточил ее в мире неорганических существ, и для этого ей пришлось воспользоваться твоей энергией. Теперь пришло время ей помочь тебе. Ее привело ко мне

что-то вроде чувства благодарности. Когда я увидел ее, я мгновенно понял, что ты для нее сделал.

— Что ты сделал потом, дон Хуан?

— Я собрал всех, кого мог найти, особенно Кэрл Тиггс, и все мы бросились в мир неорганических существ.

— Почему именно Кэрл Тиггс?

— Во-первых, потому что у нее есть безграничная энергия, а, во-вторых, потому, что она должна была познакомиться с этим лазутчиком. Из этого опыта каждый из нас получил нечто неоценимое. Ты и Кэрл Тиггс получили лазутчика. Другие же использовали это как возможность собрать воедино наши физические тела, и соединив их с нашими энергетическими телами, стать на некоторое время целиком энергией.

— Как все вы смогли это сделать, дон Хуан?

— Мы синхронно сместили наши точки сборки. Все определило наше безупречное намерение спасти тебя. Этот лазутчик во мгновение ока доставил нас туда, где ты лежал полумертвый и Кэрл вытащила тебя оттуда.

Его объяснение не имело для меня никакого смысла. Дон Хуан засмеялся, когда я пытался все осознать.

— Как ты можешь понять это, если у тебя нет энергии даже для того, чтобы встать с кровати? — возразил он.

Я согласился с ним, что определенно я знаю бесконечно больше, чем могу допустить разумом, но что-то не в порядке с моей памятью.

— Недостаток энергии — вот что это за непорядок, — сказал он. — Когда у тебя достаточно энергии, твоя память работает прекрасно.

— Считаешь ли ты, что я смогу вспомнить все, если захочу, дон Хуан?

— Не совсем. Ты можешь захотеть все что угодно, но если твой уровень энергии не соответствует важности того, что ты знаешь, тогда ты можешь сказать своему знанию «до свидания» — оно никогда не станет для тебя доступным.

— Но, что же мне тогда делать, дон Хуан?

— Энергия стремиться накапливаться; если ты безупречно следуешь пути воина, наступит момент, когда твоя память раскроется.

Я признался ему, что пока слушал его рассказ, у меня возникло странное ощущение индальгирования на жалости к себе, но что ничего страшного со мной не произошло.

— Ты не только индальгировал, — ответил он. — Ты действительно был энергетически мертв в течение четырех недель. Сейчас ты просто ошеломлен. Именно твое возбуждение и нехватка энергии и прячут от тебя твое собственное знание. Ты, конечно же, намного больше нас об этом мире неорганических существ. Этот мир особенно интересовал древних магов. Все мы говорили тебе, что мы знали об этом мире только из рассказов древних магов. Я должен признаться, что тот факт, что ты сам стал героем одной из наших магических историй, является для меня более чем странным.

Я снова повторил, что я не могу поверить в то, что я смог сделать вечно, чего не может он. Но я не могу поверить не в то, что он просто разыгрывает меня.

— Я не лщу и не разыгрываю тебя, — сказал он с некоторым раздражением. — Я сообщаю тебе магический факт. То, что ты знаешь об этом мире больше, чем каждый из нас, не должно служить причиной для того, чтобы чувствовать себя польщенным. В этом знании нет никакого преимущества; на самом деле, несмотря на то, что ты это знаешь, ты не смог уберечь себя. Мы спасли тебя, потому что смогли найти тебя. Но если бы не помощь этого лазутчика, не было бы смысла даже искать тебя. Ты бы настолько безнадежно затерялся в этом мире, что я содрогаюсь от одной мысли об этом.

Со своей точки зрения, я совсем не находил ничего странного в том, что и дон Хуан, и его соратники и ученики были действительно взволнованы. Единственной, кто остался спокойным была Кэрл Тиггс. Она словно полностью приняла свою роль. Я и она были одно целое.

— Ты действительно освободил лазутчика, — продолжал дон Хуан, — но отдал свою жизнь. Или, что еще хуже, ты отдал свою свободу. Неорганические существа позволили лазутчику уйти в обмен на тебя.

— Я едва могу поверить в это, дон Хуан. Понимаешь, это не потому, что я сомневаюсь в твоих словах, но ты описал такой хитрый маневр, что я просто ошеломлен.

— Ты не считай его хитрым и поймешь его суть. Неорганические существа всегда ищут осознание и энергии; если ты им в руки даешь и то и другое, что, по-твоему они станут делать? Посылать тебе воздушные поцелуи с другой стороны улицы?

Я знал, что дон Хуан прав. Однако я не смог удержать эту уверенность слишком долго; ясность начала ускользать от меня.

Соратники дон Хуана продолжали задавать ему много вопросов. Они хотели узнать, думал ли он о том, что делать с лазутчиком дальше.

— Да, думал. Это самая серьезная проблема, которую должен решить этот нагваль, — сказал он, указывая на меня. — Он и Кэрол Тиггс были единственными, кто мог освободить лазутчика. И лазутчик тоже знал об этом.

Естественно, что я задал ему единственный возможный вопрос:

— Как я смог освободить его?

— Вместо того, чтобы сказать тебе, как, — я предложу тебе куда более точный путь выяснить это, — произнес дон Хуан, широко улыбаясь. — Спроси эмиссара. Ты же знаешь, неорганические существа не лгут.

8. ТРЕТЬИ ВРАТА СНОВИДЕНИЯ

Ты достигаешь третьих врат сновидения, когда обнаруживаешь себя во сне смотрящим на другого спящего человека. И когда этот другой человек оказывается тобой, — сказал дон Хуан.

Мой энергетический уровень в это время был так высок, что я приступил к выполнению этого третьего задания сразу же, хотя дон Хуан не сообщил мне о нем никакой дополнительной информации.

Первым, что я обнаружил в своей практике сновидения, было то, что прилив энергии внезапно смещал фокус моего внимания в сновидении. Теперь мое внимание сосредоточивалось на том, чтобы я мог осознать себя во сне и увидеть себя спящим: путешествия в царство неорганических существ больше не были моей целью.

Вскоре после этого я обнаружил себя во сне смотрящим на себя спящего. Я сразу же сообщил об этом дону Хуану. Это случилось как раз тогда, когда я ночевал в его доме.

— Для каждой врат сновидения существует два этапа прохождения через них, — сказал он. — Первый, как ты уже знаешь, состоит в том, чтобы подойти к ним; второй — пересечь их. Если ты видишь во сне, что спишь, — ты подходишь к вратам. Второй этап состоит в том, чтобы после того, как ты увидел себя спящим, начать двигаться.

— У третьих врат сновидения, — продолжал он, — ты начинаешь преднамеренно сливать в одно целое реальность сна и реальность обыденного мира. Это задача, которую маги называют завершением энергетического тела. Слияние двух реальностей должно быть настолько полным, что тебе нужно быть более внимательным, чем когда-либо. Исследуй все, что встречаешь у третьих врат очень тщательно и с интересом.

Я пожаловался, что его рекомендации слишком загадочны и кажутся мне бессмысленными.

— Что ты имеешь в виду, когда говоришь очень тщательно и с интересом, — спросил я.

— У третьих врат мы склонны терять себя в деталях, — ответил он. — Рассматривать вещи с большой тщательностью и интересом означает противостоять почти непреодолимому стремлению углубиться в детали. Эта задача, которую я назвал третьими вратами, состоит в том, чтобы увидеть энергетическое тело. Сновидящий начинает работать с энергетическим телом, выполняя задания первых и вторых врат. Когда он достигает третьих врат, его энергетическое тело готово к отделению, или, возможно, лучше будет сказать, что оно готово к тому, чтобы действовать. К несчастью, это также означает, что оно готово очароваться деталями.

— Что значит «очароваться деталями»?

— Энергетическое тело напоминает ребенка, который всю свою жизнь был взаперти. Когда он оказывается на свободе, он впитывает в себя все что находит. Я хочу сказать, что это может быть все что угодно. Каждая незначительная, мельчайшая деталь, полностью поглощает внимание энергетического тела.

За этими словами последовала неловкая тишина. Я не знал, что сказать. Я понял его прекрасно, но мне просто никогда не доводилось пережить на опыте ничего такого, что могло бы дать мне представление о его словах.

— Наиболее упрямая деталь становится целым миром для энергетического тела, — объяснил дон Хуан. — Чтобы управлять энергетическим телом, сновидящие должны прилагать потрясающие усилия. Я знаю, что когда я советую тебе обращаться с вещами тщательно и с интересом, — это звучит нескладно. Но это лучший способ описать то, что ты должен делать. У третьих врат сновидящие должны избегать непреодолимого стремления погружаться в любую деталь. Они достигают этого, постоянно проявляя такой интерес ко всему и такое настойчивое желание погрузиться во все, что ни одна конкретная вещь не может приковать их к себе.

Дон Хуан прибавил также, что рекомендации, которые, по его словам, абсурдны для ума, на самом деле предназначаются моему энергетическому телу. Он подчеркивал снова и

снова, что это тело должно объединить все свои энергетические ресурсы, чтобы получить возможность действовать.

— Но разве мое энергетическое тело не действует все это время? — спросил я.

— Частично оно работает. Ведь будь это не так, ты бы не смог путешествовать в царство неорганических существ, — ответил он. — Теперь же все твое энергетическое тело должно сосредоточиться на выполнении задания третьих врат, и чтобы облегчить эту задачу для энергетического тела, ты должен сдерживать свою рациональность.

— Боюсь, что ты не за того меня принимаешь, — сказал я. — Во мне осталось очень мало рационального после всех тех событий, которые я пережил благодаря тебе.

— Не возражай. У третьих врат рациональность ответственна за то, что наши тела стремятся попасть под влияние поверхностных деталей. И чтобы преодолеть это стремление, у третьих врат мы нуждаемся в нерациональном и очень подвижном внимании и отказе от рационального.

Утверждение дона Хуана, что каждые врата — это препятствие, не могло не быть абсолютно истинным. Я работал над задачей третьих врат сновидения более напряженно, чем над двумя предыдущими вместе взятыми. Дон Хуан оказывал на меня огромное давление. Кроме того, в моей жизни изменилось кое-что еще: у меня появилось необычайное чувство страха. Всю свою жизнь я постоянно боялся той или иной вещи, иногда даже очень сильно, но я никогда не ощущал ничего, подобного тому страху, который сопровождал меня после моего столкновения с неорганическими существами. Однако вся гамма этих переживаний была непостижима для моей обычной памяти. Только в присутствии дона Хуана эти воспоминания были мне доступны.

Однажды, когда мы находились в национальном Музее антропологии и истории Мехико Сити, я спросил его об этой странной ситуации. Задать такой вопрос именно в этот момент меня побудила странным образом появившаяся способность вспомнить все, что случилось со мной в ходе моего общения с доном Хуаном. Эта способность так расковывала, вдохновляла и окрыляла меня, что я почти танцевал на ходу.

— Просто происходит то, что присутствие нагваля вызывает смещение точки сборки, — сказал он.

Затем он повел меня в один из выставочных залов музея и сказал, что мой вопрос очень кстати в связи с тем, что он собирался мне рассказать.

— Я намеревался объяснить тебе, что положение точки сборки дает возможность попасть в хранилище, где маги содержат свою информацию, — сказал он. — Я был в восторге, когда твое энергетическое тело почувствовало мое намерение, и ты спросил меня об этом. Энергетическое тело знает очень многое. Давай я покажу тебе, сколько всего оно знает.

Он приказал мне погрузиться в абсолютное молчание. Он напомнил мне, что я уже находился в особом состоянии восприятия, потому что моя точка сборки сместилась в его присутствии. Он заверил меня, что, погружаясь в абсолютное молчание, я дам возможность скульптурам в зале показать мне невообразимые вещи. Он прибавил, очевидно для того, чтобы смутить меня еще больше, что некоторые из археологических находок были способны своим присутствием вызывать смещение точки сборки. Если же я достигну состояния полной тишины, я буду действительно способен видеть сцены из жизни людей, которые создали эти вещи.

Затем он начал самую странную экскурсию по музею, которую я когда-либо совершал. Он ходил по залу и объяснял удивительные особенности каждого из больших экспонатов. Он утверждал, что каждый предмет в зале, найденный археологами, был записью, преднамеренно оставленной людьми древности, записью, которую дон Хуан, будучи магом, читал мне, словно книгу.

— Каждый экспонат здесь предназначен для того, чтобы смещать точку сборки, — продолжал он. — Останови свой пристальный взгляд на любом из них, успокой свой ум и посмотри, может сдвинуться твоя точка сборки или нет.

— Как мне узнать, что она сместилась?

— Тогда ты сможешь видеть и ощущать то, что лежат за пределами обычного восприятия.

Всматриваясь в скульптуры, я видел и слышал вещи, которые я бы никогда не мог объяснить. В прошлом я, изучая эти экспонаты с точки зрения антропологии, всегда имел в виду описания ученых, специалистов в этой области. Их описания использования многих предметов, основанное на знании современного человека о мире, в первый раз поразили меня своей полной условностью, чтобы не сказать, глупостью. То, что дон Хуан сказал об этих предметах, и то, что я слышал и видел сам, рассматривая их, менее всего напоминало мне все то, что я когда-либо о них читал.

Мое смущение было столь сильным, что я счел необходимым извиниться перед доном Хуаном за то, что считал своей внушаемостью. Но он не засмеялся и не стал меня вышучивать. Он терпеливо объяснил, что маги могли оставлять точные сведения о своих

открытиях, связывая их с определенным положением точки сборки. Он настаивал потом, что когда речь идет о возможности добраться до сущности записанного, мы должны использовать нашу способность проникаться симпатией и давать простор фантазии, чтобы выйти за пределы обычной страниц в само переживание. Однако в мире магов нет записей на страницах, поэтому вся информация, которая может быть не прочитана, но пережита снова, хранится в положении точки сборки.

Чтобы проиллюстрировать свои слова, дон Хуан заговорил об учении магов о втором внимании. Он сказал, что это учение дается ученику, когда его точка сборки находится в некотором необычном состоянии. Таким образом положение точки сборки определяет сведения, полученные в ходе урока. Для того, чтобы еще раз пережить урок, ученик должен вернуть точку сборки в положение, в котором она была, когда он его получал. Дон Хуан заключил свою речь, повторив, что способность возвращать точку сборки во все те положения, которые она занимала во время уроков, является большим достижением.

Почти целый год дон Хуан ничего не спрашивал у меня о третьем задании по сновидению. Затем однажды, совершенно неожиданно для меня, он захотел, чтобы я описал ему все тонкости моей практики сновидения.

Первое, о чем я упомянул, была навязчивая повторяемость. На протяжении месяцев мне снилось, что я пристально разглядываю себя, спящего на своей кровати. Особенно странной была регулярность этих снов: они случались каждые четыре дня, как по часам. На протяжении других трех дней мои сны были такими же, как раньше: я изучал всевозможные предметы, переходил из одного сна в другой, и иногда, увлекаемый губительным любопытством, я следовал за лазутчиками чужих энергий, хотя я и чувствовал себя в связи с этим очень виноватым. Я думал, что это подобно тайному пристрастию к наркотикам. Реальность того мира была для меня неотразимой.

Втайне я чувствовал, что у меня есть некоторые оправдания, и я могу не нести никакой ответственности за происходящее, потому что дон Хуан сам предложил мне спросить эмиссара в сновидении, что делать, чтобы освободить голубого лазутчика, пойманного среди нас. Он имел в виду, что мне следовало поставить этот вопрос в своей собственной практике. Я понял его утверждение так, что я должен спросить об этом у эмиссара во время пребывания в его мире. Вопрос, который я хотел задать эмиссару, состоял в том, не заманивают ли неорганические существа меня в ловушку. Эмиссар не только подтвердил, что все сказанное доном Хуаном истинно, но и объяснил мне, как Кэрл Тиггс и я должны поступить, чтобы освободить лазутчика.

— Повторяемости твоих снов следовало ожидать, — заметил дон Хуан, выслушав меня.
— Почему ты предвидел нечто подобное, дон Хуан?
— Потому что знаю твои отношения с неорганическими существами.
— Я с ними покончил раз и навсегда, дон Хуан, — соврал я в надежде, что он больше не будет развивать эту тему.

— Ты пытаешься убедить меня в этом, не так ли? Не нужно этого делать; я знаю, что происходит на самом деле. Поверь мне, стоит тебе один раз начать заигрывать с ними, и ты у них на крючке. Они всегда будут преследовать тебя. Или, что еще хуже, преследовать их всегда будешь ты сам.

Он уставился на меня, и мое чувство вины, должно быть, было таким очевидным, что это заставило его рассмеяться.

— Единственно возможное объяснение такой повторяемости состоит в том, что неорганические существа заманивают тебя снова, — сказал дон Хуан серьезным тоном.

Я поспешил сменить тему и сказал ему, что еще одной особенностью моей практики сновидения, которую следует упомянуть, была моя реакция на видение себя, спящего глубоким сном. Это зрелище всегда до того пугало меня, что я оказывался не в состоянии сдвинуться с места, как приклеенный, пока сон не менялся, или же страх поражал меня так сильно, что я просыпался с громким криком. Я дошел до того, что боялся засыпать в те дни, когда знал, что должен увидеть этот сон.

— Ты все еще не готов для слияния реальности сновидения и реальности обыденного мира, — заключил он. — Ты должен перепросматривать свою жизнь дальше.

— Но я уже сделал весь возможный перепросмотр, — запротестовал я. — Я занимался этим несколько лет. Не осталось ничего, чего бы я не мог вспомнить из своей жизни.

— Должно быть, осталось еще много чего, — сказал он непреклонно, — иначе ты не просыпался бы с криком.

Мне не понравилась идея о том, чтобы продолжать перепросмотр снова. Я завершил его и верил, что сделал его так хорошо, что не должен был возвращаться к этому снова.

— Перепросмотр наших жизней никогда не должен заканчиваться, независимо от того, как бы хорошо он ни был осуществлен один раз, — сказал дон Хуан. — Причина, по которой обычные люди не могут управлять своей волей в сновидениях, состоит в том, что они

никогда не совершали перепросмотр своей жизни, и их сны по этой причине переполнены очень интенсивными эмоциями, такими как воспоминания, надежды, страхи и так далее и тому подобное.

Мои же благодаря перепросмотру относительно свободны от тяжелых и сковывающих эмоций. И если что-то преграждает им путь, как сейчас в твоем случае, значит, в них есть еще что-то не вполне проявившееся.

— Перепросмотр — это такое кропотливое дело, дон Хуан. Может, вместо этого нам заняться чем-нибудь другим?

— Нет. Другие занятия не нужны. Перепросмотр и сновидение идут рука об руку. Перепросматривая наши жизни, мы становимся все более и более парящими.

Дон Хуан дал мне ясные и детальные указания о перепросмотре, состоявшие в том, чтобы еще раз проживать всю совокупность жизненного опыта, вспоминая всевозможные детали прошлых переживаний. Он видел в перепросмотре надежный способ для перемещения и переосмысления энергии.

— Перепросмотр высвобождает заключенную в нас энергию, без которой подлинное сновидение невозможно, — утверждал он.

Несколько лет назад дон Хуан велел мне составить список всех людей, которых я когда-либо встречал вплоть до настоящего времени. Он помог упорядочить этот список, используя разделение по сферам деятельности, таким как различные должности, которые я занимал, различные учебные курсы, которые я посещал. Затем он предложил мне пройти от первого человека в этом списке до последнего, не пропуская никого, переживая заново каждую встречу с ними.

Он объяснил, что при перепросмотре событие реконструируется фрагмент за фрагментом, начиная с припоминания внешних деталей, затем переходя к личности того, с кем я имел дело, и заканчивая обращением к себе, исследованием своих чувств.

Дон Хуан учил меня сочетать воспоминание с естественным ритмичным дыханием. Глубокий выдох следует делать в такт с медленным мягким движением головы справа налево; глубокий вдох делается при движении головы в обратную сторону — слева направо. Он называл этот процесс покачивания головой из стороны в сторону «обмахивание события веером». Ум исследует событие от начала до конца, в то время как тело «обмахивает» снова и снова все, на чем сосредоточивается ум.

Дон Хуан сказал, что маги прошлого, открывшие перепросмотр, рассматривали дыхание как магическое, жизненно важное действие и использовали его соответственно этому — как магическое средство. Выдох используется для выброса отрицательной энергии, оставшейся в них как результат события, перепросмотр которого осуществляется, а вдох — для возврата энергии, которую они потеряли в ходе взаимодействия.

Вследствие своего академического образования я рассматривал перепросмотр как процесс анализа своей жизни. Дон Хуан настаивал, что это нечто большее, чем интеллектуальный психоанализ. Он определил перепросмотр как уловку, используемую магом для вызова пусть незначительного, но зато постоянного сдвига точки сборки. Он сказал, что точка сборки под влиянием просмотра прошлых событий и переживаний движется туда-сюда между ее теперешним положением и положением, которое она занимала тогда, когда имел место интегрируемый опыт.

Дон Хуан сказал, что использование перепросмотра магами прошлого объясняется их убежденностью в том, что во вселенной существует неподдающаяся восприятию могущественная сила, наделяющая все существа осознанием и жизнью. Под воздействием той же силы существа погибают, тем самым возвращая ей заимствованное ранее осознание, усиленное и обогащенное их жизненными переживаниями. Дон Хуан сказал, объясняя точку зрения магов прошлого, — они верили, что поскольку эта сила заинтересована именно в наших переживаниях, то очень важно насытить ее копиями нашего жизненного опыта, получаемыми в ходе перепросмотра. Удовлетворившись тем, что она ищет, эта сила затем освобождает магов, давая им возможность развивать свои чувства и тем самым достигать самых удаленных частей времени и пространства.

Когда я вновь начал заниматься перепросмотром, то с большим удивлением обнаружил, что моя практика сновидения при этом автоматически приостановилась, вопреки моему желанию. Я спросил у дон Хуана, что это значит.

— Это просто. Сновидение требует задействования всей доступной энергии, — ответил он. — И поэтому, глубоко погружаясь в собственную жизнь, мы лишаемся возможности практиковать сновидение. Нам не хватает энергии.

— Но ведь я и раньше глубоко погружался в перепросмотр, — сказал я. — Тем не менее мои занятия никогда не прерывались.

— Дело в том, должно быть, что всякий раз, когда ты думал, что погружаешься, ты на самом деле был только эгоистически встревожен, — сказал он, смеясь. — Для мага быть

погруженным означает, что задействованы все источники энергии. Сейчас же впервые случилось так, что ты начал использовать полностью все свои энергетические ресурсы. Раньше, даже занимаясь перепросмотром, ты не был поглощен этим до конца.

На этот раз дон Хуан предложил мне новую методику для перепросмотра. Мне предстояло разгадать нечто вроде головоломки, составляя второстепенные с виду события моей жизни так, чтобы из мелких разрозненных кусочков получилась цельная картина.

— Но у меня не получится, — запротестовал я.

— Нет, получится, — заверил он меня. — Путаница возникнет только тогда, если ты предоставишь своей мелочности подбирать события для перепросмотра. Предоставь решать это духу. Будь спокоен и начинай работать с тем, на что тебе указывает дух.

Результаты такого метода перепросмотра поразили меня во многих отношениях. Удивительным было то, как я, успокоив ум, следовал затем совершенно независимой от моей воли силе, которая внезапно погружала меня в чрезвычайно детальные воспоминания какого-то незначительного события из моей жизни. Но еще удивительнее, что в итоге я получил довольно-таки упорядоченную конфигурацию событий. То, что по моему мнению должно было быть хаотичным, оказалось чрезвычайно содержательным.

Я спросил дону Хуана, почему он ни разу не предложил мне этот метод прежде. Он ответил, что существует два основных уровня перепросмотра; первый из них характеризуется формальностью и жесткостью, второй — подвижностью внимания.

У меня не было даже отдаленного представления о том, насколько теперешний перепросмотр будет для меня отличаться от предыдущих опытов. Способность концентрироваться, выработанная благодаря практике сновидения, позволила мне проникнуть в свою жизнь так глубоко, что никогда ранее я и представить не мог ничего подобного. Мне потребовалось больше года, чтобы просмотреть и пережить еще раз все, связанное с моей предыдущей жизнью. В итоге я вынужден был согласиться с доном Хуаном: в ранее недоступных глубинах моего ума были сокрыты залежи эмоций, заряженных отрицательной энергией.

В результате второго периода перепросмотра я обрел новое для меня, более спокойное отношение к жизни. И стоило только вернуться к практике сновидения, как в тот же день мне приснилось, что я видел себя спящим. Я повернулся и смело вышел из комнаты, с трудом спустившись по пролету лестницы на улицу.

Я был воодушевлен тем, что сделал, и поспешил сообщить об этом дону Хуану. К моему величайшему разочарованию, он сказал, что этот сон не относится к моей практике сновидения. Он утверждал, что я не вышел на улицу в своем энергетическом теле, потому что если бы это было так, то у меня не было бы ощущения того, как я спускался по лестнице.

— О каком ощущении ты говоришь, дон Хуан? — спросил я с неподдельным любопытством.

— Ты должен найти для себя какой-нибудь надежный признак, по которому ты мог бы узнавать, действительно ли ты видишь свое тело спящим на кровати, — сказал он вместо ответа на мой вопрос. — Помни, ты должен находиться в своей настоящей комнате и видеть свое настоящее тело. Если это не так, то ты просто видишь обычный сон. В этом ты можешь убедиться, наблюдая в нем детали, которых нет в обычной жизни, или изменяя его по своему усмотрению.

Я настаивал на том, чтобы он рассказал мне больше о том надежном признаке, который он упомянул, но он перебил меня.

Найди возможность подтвердить факт, состоящий в том, что ты смотришь на себя, — сказал он.

— Можешь ли ты подсказать мне, что могло бы быть таким надежным признаком? — настаивал я.

— Используй свои собственные представления. Мы подходим к концу нашего общения. Очень скоро ты останешься один.

Затем он сменил тему разговора, а я продолжал ясно ощущать чувство собственной неполноценности. Я был не в состоянии понять, что он имел в виду, когда говорил о надежном признаке, и не знал, что мне предстояло делать.

В следующий раз, когда я во сне увидел себя спящим, вместо того, чтобы покинуть комнату и спускаться по лестнице или проснуться с криком, я долгое время оставался неотрывно привязанным к тому месту, откуда я смотрел. Без волнения и отчаяния я наблюдал детали своего сна. Тут я заметил, что я спал в постели, одетый в белую футболку, которая была разорвана на плече. Я попытался подойти ближе и рассмотреть прореху, но движение было для меня невозможным. Фактически я представлял собой воплощенный вес. Не зная, что делать дальше, я сразу же сильно смутился. Я попытался изменить сон, но

какая-то незнакомая сила продолжала удерживать меня всматривающимся в свое спящее тело.

Будучи полностью вовлеченным в свое смятение, я услышал, как эмиссар из сновидения сказал, что неспособность контролировать свои движения пугает меня потому, что мне придется и дальше заниматься перепросмотром. Голос эмиссара и то, что он сказал, совсем не удивили меня. Я никогда еще так живо и так ужасно не переживал свою неспособность двигаться. Однако я не сдался этому страху. Я исследовал его и понял, что это был не психологический страх, а физическое ощущение беспомощности, отчаяния и раздражения. Меня больше всего беспокоило то, что я был неспособен двинуться с места. Мое раздражение возрастало по мере того, как я убеждался, что нечто внутри грубо держало меня. Усилия, которые я прилагал, чтобы пошевелить руками или ногами, были такими громадными и решительными, что я вдруг действительно увидел, что одна из моих ног на кровати дернулась, как при ударе.

После этого мое сознание оказалось втянутым в мое вялое спящее тело, и я проснулся так внезапно, что прошло более получаса, прежде чем я успокоился. Мое сердце билось совершенно беспорядочно. Меня трясло, и отдельные мышцы ног неконтролируемо сокращались. Я ощущал такое сильное переохлаждение тела, что мне потребовались одеяла и грелки, чтобы согреться.

Естественно, я незамедлительно отправился в Мексику, чтобы спросить у дон Хуана совета по поводу чувства паралича, и в связи с тем, что я в действительности был одет тогда в белую футболку, то есть я на самом деле видел себя спящим. Кроме этого, я очень боялся переохлаждения.

Он не был настроен обсуждать мое состояние. Все, что мне удалось выдать из него, было одно едкое замечание.

— Ты все драматизируешь, — сказал он монотонно. — Хотя конечно же, ты видел себя спящим. Твое затруднение в том, что ты разнервничался, ведь до этого твое энергетическое тело никогда не было дельным при полном сознании. Если когда-нибудь ты снова будешь нервничать и мерзнуть, сиди себе и не дергайся. Это восстановит температуру твоего тела в один миг и без всякой суеты.

Я чувствовал себя слегка обиженным его грубостью. Однако совет оказался эффективным. В следующий раз, когда я испугался, я расслабился и вернулся в нормальное состояние через несколько минут, делая то, что он сказал. Поступая таким образом, я обнаружил, что если я не волнуюсь и контролирую свое раздражение, паника не охватывает меня. Контроль над собой не помог мне двигаться, но он определенно дал мне глубокое чувство спокойствия и безмятежности.

После нескольких месяцев тщетных попыток начать передвигаться, я обратился к дону Хуану снова, и даже не столько за советом, сколько потому, что я собирался признать свое поражение. Я столкнулся с непреодолимым препятствием и знал с неоспоримой ясностью, что потерпел неудачу.

— Сновидящий должен обладать хорошим воображением, — сказал дон Хуан с ехидной усмешкой. — А твое воображение никуда не годится. Я не советовал тебе использовать свое воображение для того, чтобы перемешать свое энергетическое тело, потому что хотел выяснить, сможешь ли ты справиться с этой задачей сам. Ты не смог, и твои друзья тоже не помогли тебе.

Раньше я всегда чувствовал побуждение злобно огрызаться, когда он обвинял меня в недостатке воображения. Я считал, что обладаю хорошей фантазией, но общение с доном Хуаном как учителем заставило меня, к своему разочарованию, признать обратное. Поскольку я не собирался больше тратить энергию на бесполезное отстаивание своей точки зрения, я спросил его:

— О какой задаче ты говоришь, дон Хуан?

— Задача о том, как с одной стороны невозможно, а с другой — как это легко, — двигать энергетическое тело. Ты пытаешься делать это так, будто находишься в обыденном мире. Мы тратим так много времени и усилий, чтобы научиться ходить, что верим в необходимость так же постепенно обучать умению ходить наше энергетическое тело. Но нет причин, по которым это следовало бы делать так, кроме той, что такое передвижение — самое понятное для нашего ума.

Я удивлялся простоте решения. Я мгновенно понял, что дон Хуан был прав. До этого я ошибался потому, что привязался к одному уровню понимания. Он сказал мне, что как только я достигну третьих врат сновидения, я должен буду двигаться в пространстве, и это движение я понимал как ходьбу. Я сказал ему, что понял его точку зрения.

Это не моя точка зрения, — сказал он отрывисто. — Это точка зрения магов. Маги утверждают, что у третьих ворот все энергетическое тело может двигаться так, как движется

энергия: быстро и прямо. Твое энергетическое тело знает, как ему двигаться. Оно может двигаться так, как оно перемещается в мире неорганических существ.

— Отсюда мы переходим к следующему вопросу, — прибавил дон Хуан задумчиво. — Почему твои друзья среди неорганических существ не помогли тебе?

— Почему ты называешь их моими друзьями, дон Хуан?

— Они подобны распространенному типу друзей, которые фактически не заботятся о нас и не любят нас, но в то же время не предпринимают и ничего плохого. Эти друзья просто ждут, когда мы повернемся к ним спиной, чтобы они могли ударить нас оттуда.

Я понял его до конца и согласился на все сто процентов.

— Что заставляет меня идти к ним? Это губительное пристрастие? — спросил я его скорее риторически.

У тебя нет никакого губительного пристрастия, — сказал он. — Все, что у тебя есть, — это неспособность понять, что ты находился на самом пороге смерти. Поскольку ты не ощущаешь физической боли, ты не можешь убедить себя, что ты был в смертельной опасности. Его слова были здравыми, за исключением того, что я в действительности все же верил в то, что мой глубокий непонятный страх преследует меня в жизни с тех пор, как я столкнулся с неорганическими существами. Дон Хуан слушал молча, пока я рассказывал ему о своем состоянии. Я не мог ни отбросить, ни объяснить себе мое стремление посещать мир неорганических существ, невзирая на все то, что я о нем знал.

— Мне свойственна склонность к безумию, — сказал я. — Ведь то, что я делаю, — бессмысленно.

В действительности это имеет смысл. Неорганические существа по-прежнему водят тебя за собой, как рыбу, попавшую на крючок, — сказал он. — Они время от времени подбрасывают тебе дешевую приманку, чтобы ты следовал за ними. Но они не обучают тебя тому, как двигаться в энергетическом теле.

— Почему ты думаешь, что не обучают?

— Потому что если твоё энергетическое тело научится двигаться независимо от них, ты будешь далеко за пределами их досягаемости. Преждевременным было бы с их стороны считать, что ты свободен от них. Ты относительно свободен, но все же еще не полностью. Они продолжают управлять твоим осознанием.

Я почувствовал холодок у себя на спине. Он задел мое больное место.

— Скажи мне, что делать, дон Хуан, и я сделаю это, — сказал я.

— Будь безупречным. Я говорил тебе это уже двадцать раз. Быть безупречным — означает раз и навсегда выяснить для себя, чего ты хочешь в жизни, и тем самым поддерживать свою решимость достигнуть этого. А потом делать все от тебя зависящее и даже больше для того, чтобы воплотить в жизнь свое стремление. Если ты не решился ни на что, ты просто-напросто в суматохе играешь с жизнью в рулетку.

Дон Хуан завершил наш разговор, призвав меня хорошенько обдумать то, что он сказал.

При первой же возможности я испытал указания дон Хуана относительно того, как двигаться в энергетическом теле. Когда я снова оказался в состоянии увидеть себя спящим, вместо того, чтобы подойти к телу, я просто переместился ближе к кровати. Мгновенно я оказался так близко, что едва не касался своего тела. Я видел свое лицо. Я даже видел все поры на своей коже. Я не могу сказать, что мне понравилось то, что я видел. Мое видение собственного тела было слишком подробным, чтобы представлять эстетический интерес. Затем что-то, напоминающее ветер, ворвалось в комнату и полностью перемешало предметы, устранив все из поля зрения.

В своих предыдущих снах я полностью утвердился во мнении, что энергетическое тело движется только скользя или пари. Я обсудил это с доном Хуаном. Он, казалось, был необычайно удовлетворен тем, чего я достиг, что очень удивило меня. Я привык к его прохладной реакции на все, чего я добивался в своей практике сновидения.

— Твое энергетическое тело привыкло двигаться только если что-нибудь тянет его, — сказал он. — Неорганические существа таскали твоё тело туда-сюда, и до этого времени ты никогда не двигался сам, по своей воле. Кажется, ты не очень многого достиг, если движешься так, как это у тебя получается. Однако я хочу сказать тебе, что я серьезно рассматриваю возможность прекращения твоих занятий. Я уверен, что в течение некоторого времени ты не сможешь научиться самостоятельному перемещению.

— Ты рассматриваешь возможность прекращения моей практики сновидения потому, что я работаю слишком медленно?

— Ты не работаешь медленно. Маг никогда не перестает обучаться владеть своим энергетическим телом. Я собираюсь прекратить твою практику потому, что у меня мало времени. Есть другие задачи, более важные, чем сновидение, на решение которых ты должен использовать свою энергию.

— Теперь, когда я уже научился двигаться по своей воле в энергетическом теле, что еще я должен делать, дон Хуан?

Продолжай двигаться. Перемещение в энергетическом теле открыло для тебя новую область, новое поле для необычайных исследований.

Он настаивал на том, чтобы я изобрел еще один способ убедиться в истинности своих снов; это требование не казалось теперь таким странным. Как тогда, когда он говорил об этом в первый раз.

— Как ты знаешь, следовать за лазутчиком — это на самом деле задача вторых врат сновидения, — объяснял он. — Это очень серьезное занятие, но не настолько серьезное, как развитие энергетического тела и перемещение в нем. Поэтому ты должен научиться определять, что ты видишь себя спящим. Твои новые необычайные исследования всецело зависят от твоей способности на самом деле видеть себя спящим.

После длительных размышлений и сомнений я поверил в то, что придумал хороший способ. Идея этого надежного средства узнать, сплю я или нет, пришла ко мне, когда я вспомнил свою разорванную футболку. Я начал с предположения, что если я действительно вижу себя спящим, то я должен заметить, что на мне та же одежда, в которой я уснул, одежда, которую я решил полностью менять каждые четыре дня. Я был уверен, что у меня не возникнет трудностей с тем, чтобы помнить во сне, во что я был одет, когда ложился в постель; навыки, которые я приобрел в процессе своей практики, убеждали меня, что я способен сохранять в уме такие вещи и вспоминать их во сне.

Я приложил все усилия, чтобы следовать этому способу проверки, но результаты оказались не столь удачными, как я предполагал. Мне не хватало контроля над своим вниманием в сновидении и я не мог достаточно ясно помнить детали моей ночной одежды. И все же что-то другое несомненно работало; каким-то образом я всегда знал, был ли мой сон обычным сном, или нет. Уникальной особенностью этих снов, которые не были просто обычными снами, было то, что мое сознание наблюдало мое тело, которое спало на кровати.

Примечательной чертой этих снов была моя комната. Она никогда не была похожа на мою комнату в обычном мире, но напоминала огромный пустой зал с кроватью в одном углу. Я, как правило, парил на некотором расстоянии сбоку от кровати, где лежало мое тело. В тот момент, когда я приближался к нему, сила, напоминавшая ветер, постоянно заставляла меня зависать над ним, как колибри. Иногда комната исчезала; пропадая по частям до тех пор, пока не оставалось только мое тело и кровать. Иногда я переживал полную потерю способности прилагать волевые усилия. Тогда казалось, что мое внимание в сновидении работает независимо от меня. Оно либо оказывалось полностью поглощенным первой попавшейся вещью в комнате, либо было не в состоянии решить, что делать. В последнем случае я ощущал, что беспомощно плаваю, переходя вниманием от вещи к вещи.

Голос эмиссара в сновидении объяснил мне однажды, что все элементы снов, которые не являются обычными снами, на самом деле были энергетическими образованиями, отличными от известных нам в привычном мире. Голос эмиссара указал, например, что стены были жидкими. Затем он предложил мне проскочить сквозь одну из них.

Не раздумывая дважды, я нырнул в стену, как будто я ныряю в большое озеро. Мне не показалось, что стена напоминает воду, и то, что я чувствовал, не соответствовало также физическому ощущению, которое переживает тело, погружаясь в воду. Это скорее напоминало знание о том, что я ныряю, и видимость прохождения сквозь жидкую среду. Я входил головой вперед во что-то, что расступалось передо мной, как вода по мере того, как я продолжал двигаться вглубь.

Ощущение, что я ныряю головой вперед, было таким реальным, что я начал гадать, как глубоко или как далеко я могу нырнуть. С моей точки зрения, я проживал там целую вечность. Я видел облака и скало подобные образования материи, разбросанные в толще водянистой субстанции. Там попадались сияющие геометрические объекты, напоминающие кристаллы, и шарики ярчайших оттенков всех цветов, которые я когда-либо видел. Были также зоны ослепительного света и области крошечной тьмы. Все проходило мимо меня, медленно или на большой скорости. Мне казалось, что я вижу космос. В тот момент, когда я подумал об этом, моя скорость возросла так сильно, что все слилось, и внезапно я обнаружил, что проснулся и лежу, упиравшись носом в стену своей комнаты.

Какой-то скрытый страх вынудил меня проконсультироваться с доном Хуаном. Он слушал меня, цепляясь к каждому слову.

— Теперь ты должен сделать какой-то решительный маневр, — сказал он. — Эмиссар в сновидении не должен вмешиваться в твою практику. Или, лучше сказать, что ты не должен ни при каких условиях позволять ему делать это.

— Как мне остановить его?

Сделай простой, но крутой маневр. Войдя в сновидение, громко заяви, что ты не желаешь больше иметь эмиссара в сновидении.

- Значит ли это, дон Хуан, что я никогда больше не увижу его снова?
- Конечно. Ты избавишься от него навсегда.
- Но целесообразно ли избавляться от него навсегда?
- Со всей определенностью говорю, что сейчас это целесообразно.

Этимися словами дон Хуан вселил в меня очень болезненное сомнение. Я не хотел прекращать свои отношения с эмиссаром, но в то же время мне хотелось следовать совету дон Хуана. Он заметил мои колебания.

— Я знаю, что это очень сложная задача, — согласился он. — Но если ты не сделаешь этого, неорганические существа будут всегда держать тебя на поводку. Если хочешь избежать этого, — сделай то, что я сказал, и сделай это сразу же.

Когда в течение своего следующего занятия сновидением я приготовился выразить свое намерение, голос эмиссара прервал меня. Он сказал:

— Если ты воздержишься от своего требования, я обещаю тебе никогда не вмешиваться в твою практику сновидения и разговаривать с тобой только тогда, когда ты будешь обращаться ко мне с вопросами.

Я сразу же принял это предложение и искренне чувствовал, что это хороший договор. Я даже почувствовал облегчение от того, что все обернулось таким образом. Однако я боялся, что дону Хуану это не понравится.

— Это был хороший маневр, — заметил он и засмеялся. — Ты был искренним; ты действительно собирался выразить свое требование. Быть искренним — вот все, что от тебя требовалось. По существу, у тебя не было никакой необходимости устранять эмиссара. От тебя требовалось только пожелать поставить его на место, чтобы он предложил удобный для тебя выход из сложившейся ситуации. Я уверен, что эмиссар не будет больше соваться не в свое дело.

Он был прав. Я продолжал свою практику сновидения без вмешательства со стороны эмиссара. Замечательным следствием этого было то, что я начал видеть сны, в которых комната, в которой я спал, была такой, как в обычном мире, с одним лишь отличием: во сне комната была всегда так перекошена, так искажена, что выглядела как огромное полотно кубиста; тупые и острые углы заменяли обычные прямые там, где пересекались стены, потолок и пол. В моей кривоугой комнате каждая реальная деталь интерьера превращалась в удивительно абсурдную и нелепую благодаря косым лучам острых и тупых углов; например, изощренный узор линий на паркете, выцветшие пятна на покрашенной стене или отпечатки грязных пальцев на краю двери.

В этих сновидениях я неизбежно терялся в водянистых вселенных, состоящих из предметов, искаженных кривизной. Во всей моей практике сновидения я постоянно погружался в детали предметов, потому что их изобилие в моей комнате было неопределимым, а их притяжение таким сильным, что я не мог устоять.

При первой же возможности я посетил дон Хуана, расспрашивая его о своем состоянии.

— Я не могу преодолеть своей комнаты, — сказал я ему после длительного описания своей практики сновидения.

— Откуда ты взял, что ты должен преодолевать ее? — спросил он, ухмыльнувшись.

— Я чувствую, что я должен выйти за пределы комнаты, дон Хуан.

— Но ты уже движешься за пределами комнаты. Возможно, тебе следует спросить себя, не запутался ли ты снова в интерпретациях. Что, по твоему мнению, означает движение в этом случае?

Я сказал ему, что сон о том, как я вышел из своей комнаты на улицу, не дает мне покоя ни на миг, и я ощущаю сильную необходимость сделать это снова.

— Но ведь ты делаешь более значительные вещи, чем это, — запротестовал он. — Ты посещаешь невероятные миры. Чего еще ты хочешь?

Я пытался объяснить ему, что прямо-таки физически страдаю от побуждения вырваться из ловушки многочисленных деталей. Меня больше всего расстраивало мое неумение освободиться от того, что овладевало моим вниманием. Ощущение почти полной неспособности проявлять волю в сновидении было для меня результатом всех моих стараний.

Последовала продолжительная тишина. Я хотел больше услышать о ловушке погружения в детали. В конце концов он все же предупредил меня об опасности, связанной с этой ловушкой.

— У тебя неплохо получается, — сказал он в заключение. Ведь у сновидящих много времени уходит на то, чтобы усовершенствовать свое энергетическое тело. В случае с тобой под угрозой находится именно это — совершенствование твоего энергетического тела.

Дон Хуан объяснил причину, по которой мое энергетическое тело было вынуждено детально изучать подробности и оказывалось безнадежно запутанным в них. Это происходило из-за неопытности, несовершенства энергетического тела. Он сказал, что маг

зачастую проводит целую жизнь, предоставляя возможность своему энергетическому телу впитать все доступное, и тем самым укрепляет его.

До тех пор, пока энергетическое тело не достигнет полного развития и зрелости, оно поглощено собой, — продолжал дон Хуан. — Оно не может освободиться от навязчивого стремления проникнуть во все. И если ты примешь это во внимание вместо того, чтобы воевать с ним, ты сможешь протянуть ему руку помощи.

— Как мне сделать это, дон Хуан?

— Управляя его поведением или, иными словами, пользуясь stalkingом.

Он объяснил, что все связанное с энергетическим телом, зависит от положения точки сборки, а сновидение подразумевает не что иное, как ее смещение. Поэтому stalking означает способность заставить точку сборки находиться именно в том положении, где энергетическое тело может быть укреплено и доведено до совершенства.

Дон Хуан считал, что маги считают оптимальным такое положение точки сборки, при котором энергетическое тело может двигаться независимо. Следующий шаг состоит в stalkingе энергетического тела, то есть в фиксировании его в этом положении с целью сделать его совершенным. Он объяснил, что по сути этот процесс очень прост. Нужно использовать свое намерение для stalkingа энергетического тела.

Он замолчал, и мы выжидающе посмотрели друг на друга. Я ожидал, что он скажет больше, а он ожидал, что я подтвержу, что понял его слова. Но я не понимал.

— Дай возможность своему энергетическому телу достичь оптимального положения в сновидении, — объяснил он. — Затем используй намерение своего энергетического тела оставаться в том же положении, — это и будет твой stalking.

Он сделал паузу, глазами побуждая меня внимательно рассмотреть свое утверждение.

— Намерение — это тайна, но ты уже знаешь это, — сказал он. — При помощи намерения маг смещает свою точку сборки, фиксирует ее он также с помощью намерения. Намерение постигают, используя его.

У меня снова появились неизбежные в этой ситуации нелепые сомнения относительно своей способности быть магом. Но в то же время я был совершенно уверен, что каким-то образом мне удастся направить свое намерение на фиксацию точки сборки в нужном месте. В прошлом я совершал всевозможные удачные трюки с намерением, не имея понятия, как мне это удавалось. Сам дон Хуан удивлялся моей способности или моему везению, и я был уверен, что так случится и на этот раз. Но я грубо ошибался. Что бы я ни делал и как долго я ни ждал, мне никак не удавалось фиксировать точку сборки хоть где-нибудь, не говоря уже о нужном месте.

После месяцев упорных, но неудачных попыток я сдался.

— Знаешь, я на самом деле верил, что смогу сделать это, — сказал я дону Хуану сразу же, как только вошел в его дом. — Боюсь, я сейчас страдаю от своей самовлюбленности более, чем когда-либо.

— На самом деле это не так, — сказал он с улыбкой. — Случилось так, что ты снова запутался в своем обычном неправильном понимании терминов. Ты стремишься найти нужное место так, будто ищешь потерянные ключи от машины. Затем ты хочешь привязать к нему свою точку сборки так, как завязывают шнурки. Идеальное место для точки сборки, а также для ее фиксации — это метафоры. Реальность не имеет ничего общего со словами, которые ассоциируются у тебя с этими обозначениями.

Затем он попросил меня рассказать ему о том, что случилось со мной в последний раз, когда я практиковал сновидение. Я сразу же упомянул, что моя склонность быть поглощаемым деталями предметов существенно уменьшилась. Я сказал, что это, возможно, произошло потому, что я был вынужден постоянно перемещаться во сне. Таким образом, движение не давало мне возможности остановиться для того, чтобы погрузиться в предметы, которые я рассматривал. Когда же я останавливался, то мог наблюдать процесс своего поглощения деталями. Я пришел к выводу, что неодушевленная материя в действительности обладает парализующей силой, которую я выделил как луч тусклого света, приковывающий мое внимание. Например, много раз было так, что небольшая царапина на стене или узор древесных волокон на паркетном полу в моей комнате излучал поток света, который завладевал мной. С того момента, как мое внимание в сновидении сосредоточивалось на этом свете, все сновидение начинало вращаться вокруг одной этой незначительной детали. Я видел, как ее размер увеличивался едва ли не до космических масштабов. Такое рассматривание обычно продолжалось, пока я не просыпался, оказавшись, как правило, прижатым носом к стене или к деревянному полу. Мои наблюдения показывали, что, во-первых, я наблюдал детали из реального мира, и, во-вторых, казалось, что я созерцал их, находясь во сне.

Дон Хуан улыбнулся и сказал:

— Ты понял это все потому, что формирование твоего энергетического тела закончилось тогда, когда ты начал двигаться сам. Я не говорил тебе об этом прямо, но намекал на это. Я хотел увидеть, сможешь ли ты обнаружить это сам, что ты, конечно же, и сделал.

Я не имел представления, что он имеет в виду. Дон Хуан сверлил меня взглядом, как обычно, критически изучая то одну, то другую часть моего тела.

— Что именно я обнаружил сам, дон Хуан? — вынужден был спросить я.

— Ты обнаружил, что формирование твоего энергетического тела закончилось, — ответил он.

— Я не обнаруживал ничего подобного, уверяю тебя.

— Нет, ты сделал это. Это началось раньше, когда ты не мог подыскать способа установить реальность своих слов, но затем что-то в тебе начало работать, показывая тебе, обычный это сон или нет. Это что-то и было твоим энергетическим телом. Сейчас ты отчаиваешься, что не можешь найти идеального места для фиксации своей точки сборки. Но я говорю тебе, что ты уже нашел его. Доказательством может служить тот факт, что, двигаясь везде, твое энергетическое тело прекращает попадать под влияние деталей.

Я был ошарашен. Я не мог даже задать ни одного из своих жалких вопросов.

— За этим последует то, что называют жемчужиной магов, — продолжал дон Хуан. — Ты будешь практиковать видение энергии в сновидении. Ты справился с заданием третьих врат сновидения: научиться свободно перемещать энергетическое тело. Теперь ты будешь работать над настоящей задачей: видением энергии с помощью своего энергетического тела.

— Ты уже видел энергию раньше, — говорил он, — на самом деле, много раз. Но каждый раз до сих пор твое видение было случайным. Теперь ты будешь заниматься этим целенаправленно.

— Из повседневного опыта сновидящие знают, — продолжал он, — что если энергетическое тело сформировано, человек видит энергию каждый раз, когда он рассматривает какой-нибудь предмет реального мира. Если же он видит энергию предмета во сне, — он тем самым может узнать, что находится в реальном мире, каким бы искаженным ни казался мир для его внимания в сновидении. Если же он не может видеть энергию предметов, — это обычный сон, а не реальный мир.

— Что такое реальный мир, дон Хуан?

— Это мир, порождающий энергию; он представляет собой противоположность призрачного мира иллюзии, где ничто не порождает энергию, как бывает в большинстве наших снов, заполненных вещами без энергетического потенциала.

Затем дон Хуан дал мне еще одно определение: сновидение — это процесс, в котором сновидящий обнаруживает определенные свидетельства существования вещей, рождающих энергию. Должно быть, он заметил мое замешательство. Он засмеялся и дал мне еще одно, еще более витиеватое определение: сновидение — это процесс, с помощью которого мы намереваемся найти адекватное положение точки сборки, дающее нам возможность замечать в состоянии сновидения предметы, порождающие энергию.

Он объяснил, что энергетическое тело способно также увидеть энергию, существенно отличную от энергии нашего обычного мира. Так происходит в случае предметов, наблюдаемых в мире неорганических существ, где энергетическое тело замечает шипящую энергию. Он добавил, что в нашем мире ничто не шипит; здесь все мерцает.

— Начиная с этого времени, — сказал он, — задачей твоей практики сновидения будет определение того, принадлежат ли предметы, на которых сконцентрировано твое внимание в сновидении, к порождающим энергию, к обычным иллюзорным видениям или порождающим отрицательную энергию.

Дон Хуан сказал, что надеялся, что я сам предложу идею видения энергии как способа определить, наблюдаю ли я в обычном или в необычном сне свое настоящее тело. Он посмеялся над моими изощренными попытками определять это, надевая каждые четыре дня другую ночную одежду. Он сказал, что у меня с самого начала была под рукой вся информация, необходимая для того, чтобы справиться с задачей третьих врат сновидения и предложить правильный способ определения своего местонахождения. Но моя склонность находить все окольным путем вынудила меня искать сложные решения там, где все просто и непосредственно ясно для мага.

9. НОВАЯ ОБЛАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Дон Хуан сказал мне, что для того, чтобы видеть в сновидении, я должен не только намереваться видеть, но и выражать мое намерение в словах громким голосом. По причине, которую он отказался объяснить, он настаивал на том, что мы должны высказывать свое намерение громко и отчетливо. Он признал, что существуют и другие пути достигнуть того же результата, но при этом заметил, что выразить свое намерение вслух — это простейший и самый прямой способ.

Я впервые выразил словами свое намерение видеть, когда посетил в сновидении рынок вблизи церкви. Там было такое обилие всевозможных вещей, что я никак не мог решить, на какую из них обратить свое внимание. Огромная, бросающаяся в глаза ваза в углу невольно определила мой выбор. Я пристально взглянул на нее, выражая вслух свое намерение видеть. Ваза оставалась в поле зрения еще один миг, а затем превратилась в нечто иное. В этом сновидении я рассмотрел множество всевозможных предметов. Каждый раз после того, как я выражал вслух свое намерение видеть, выбранный мною для созерцания предмет исчезал или превращался в еще что-нибудь.

Такие вещи уже не раз происходили в моей практике сновидения и раньше. В конце концов, мое внимание в этом сновидении истощилось, и я проснулся, чувствуя себя ужасно раздраженным, почти сердитым.

На протяжении нескольких месяцев я внимательно рассматривал в своих сновидениях сотни предметов, сознательно декларируя свое намерение видеть, — но ничего не происходило. Когда мне надоело ждать результата, я обратился с вопросом к дону Хуану.

— Прояви терпение. Ты обучаешься удивительным вещам, — заметил он. — Ты учишься намереваться видеть в сновидении. Придет время, когда тебе уже больше не нужно будет выражать вслух свое намерение; достаточно будет лишь молча пожелать этого.

— Мне кажется, я должен понять смысл того, что я делаю, — сказал я. — Ведь когда я выкрикиваю свое намерение видеть, ничего не происходит. Что это значит?

— Это значит, что твои сны до сих пор были обычными снами; в них ты встречался с иллюзорными проекциями, образами, которые существуют только в твоём внимании сновидения.

Он хотел точно знать, что происходило с объектами, на которых я фиксировал взгляд. Я сказал, что они исчезали, изменяли очертания или даже порождали завихрения, которые в конце концов разрушали мое сновидение.

— Но я уже сталкивался раньше с чем-то подобным в своей практике сновидения, — сказал я. — Единственное заметное отличие теперь в том, что я учусь вопить во сне во весь голос.

Мои последние слова вызвали у дона Хуана настоящий припадок утробного смеха, который привел меня в замешательство. Я не мог понять, что такого смешного сказал и почему он так среагировал на это.

— Когда-нибудь ты оценишь, как это все забавно, — сказал он в ответ на мой молчаливый протест. — А пока не сдавайся и не падай духом. Продолжай свои попытки. Рано или поздно ты добьешься своего. Как всегда, он был прав. Через несколько месяцев я сорвал-таки банк. Мне приснился самый необычный сон. Начался он с появления лазутчика из мира неорганических существ. Лазутчики, также, как эмиссары из сновидений, в течение последнего времени как-то странно исчезли из моих снов. Я не скучал по ним и не анализировал причин их исчезновения. На самом деле мне это было уже совершенно не нужно, и я даже забыл спросить дона Хуана об их отсутствии.

В этом сне лазутчик был в начале огромным желтым топазом, который я нашел за задней стенкой выдвижного ящика стола. В тот момент, когда я выразил свое намерение видеть, топаз превратился в пузырек шипящей энергии. Я испугался, что буду вынужден последовать за ним, и по этому перевел взгляд с лазутчика на аквариум с тропическими рыбками. Я выразил намерение видеть и был сильно удивлен. Аквариум излучал слабое зеленоватое сияние, а затем превратился в большой сюрреалистический портрет женщины в драгоценных украшениях. Портрет светился тем же самым зеленоватым свечением, которое излучал аквариум.

Пока я наблюдал это сияние, хот сна изменился. Я шел по улице города, который казался мне знакомым. Это мог быть Таксон. Я разглядывал витрину магазина женской одежды и громко заявил о своем намерении видеть. Сразу же засиял черный манекен, выставленный на видном месте. Затем я начал всматриваться в служащую магазина, которая как раз появилась в окне, собираясь переоформлять витрину. Она посмотрела на меня. Выразив вслух свое намерение, я увидел, как она сияет. Я был так изумлен, что боялся, как бы какая-то деталь ее восхитительного сияния не увлекла и не поглотила меня, но женщина вернулась в помещение до того, как все мое внимание успело сосредоточиться на ней. Конечно же, у меня возникло намерение последовать за ней. Однако, мое внимание в сновидении оказалось пойманным движущимся сиянием.

Сияние было направлено в мою сторону откровенно враждебно. Оно было исполнено отвращения и злобы. Я отскочил назад. Сияние перестало на меня действовать; темнота поглотила меня, и я проснулся.

Образы были настолько яркими, что я не сомневался, что видел энергию. Это сновидение было одной из тех подобных сновидению ситуаций, о которых дон Хуан сказал, что в них происходит генерирование энергии. Мысль о том, что события сна могут происходить в

нашей привычной реальности обыденного мира, заинтриговала меня не менее, чем образы из мира неорганических существ.

— На этот раз ты не только видел энергию, но и пересек опасную грань, — сказал дон Хуан, выслушав мой рассказ.

Он повторил, что задача третьих врат сновидения состоит в том, чтобы сделать возможным независимое движение энергетического тела. По его словам, в своем последнем эксперименте я случайно переступил в своих упражнениях за грань дозволенного, и вошел в другой мир.

— Твое энергетическое тело двигалось, — сказал он. — Оно путешествовало по себе. Ты пока не в состоянии контролировать такие путешествия, и по этому кто-то напал на тебя.

— Как ты думаешь, что это было, дон Хуан?

— Эта была вселенная хищников. Ты мог столкнуться с одной из тысяч не слишком приятных вещей, существующих там.

— Как ты думаешь, почему на меня напали?

— А почему нападали неорганические существа? Потому что ты подставлялся.

— Так просто, дон Хуан?

— Конечно. Представь, что какой-нибудь диковинный паук вдруг упал бы на стол, за которым ты ешь. Испугавшись, ты, возможно, раздавил бы его, но вряд ли стал бы им восторгаться или его рассматривать.

Растерявшись, я подыскивал слова, желая спросить его, где происходили события из моего сна и что за энергию я в нем видел. В тоже время я и сам чувствовал, что в такой постановке эти вопросы бессмысленны. Дон Хуан, казалось, прекрасно меня понимал.

— Ты хочешь знать, где было сконцентрировано твое внимание в сновидении, не так ли? — спросил он, широко улыбаясь.

Это как раз соответствовало тому, как я хотел бы сформулировать свой вопрос. Я считал, что в рассматриваемом сновидении я должен был видеть какой-то настоящий предмет. Точно так было тогда, когда я видел в сновидении мельчайшие детали пола, стен или двери в свою комнату, детали, существование которых в последствии было подтверждено мной, когда я бодрствовал.

Дон Хуан сказал, что в некоторых отдельных сновидениях, подобных этому, наше внимание фокусируется на обычном мире и постоянно перемещается от одного реального объекта к другому. Это движение возможно благодаря соответствующему этому сновидению положению точки сборки. Находясь в этом положении, точка сборки делает внимание таким подвижным, что оно может в один миг переметнуться на невероятные расстояния. Когда это происходит, возникает переживание такого быстрого, такого мимолетного типа, что оно напоминает обычный сон.

Дон Хуан объяснял, что в своем сновидении я видел настоящую вазу, а затем мое внимание переместилось на огромное расстояние, чтобы видеть сюрреалистическое изображение женщины с драгоценностями. Если не считать видения мною энергии, то все, что я наблюдал в этом сновидении в итоге было очень похоже на обычный сон, в котором рассматриваемые предметы быстро превращаются друг в друга.

— Я знаю, как это неприятно, — продолжал он, очевидно заметив мою растерянность. — По какой-то причине, относящейся к устройству нашего ума, видение энергии в сновидении чревато такими неожиданностями, которых человек не может и представить.

Я отметил, что и раньше видел энергию в сновидении, но это никогда не воздействовало на меня так.

— Теперь формирование твоего энергетического тела завершено, и оно работает, — сказал он. — Поэтому твое видение энергии в сновидении означает, что ты путешествуешь по реальному миру, пока твое тело погружено в сон. Вот в чем важность этих твоих приключений. Все это было реальным. Ты столкнулся с вещами, порождавшими энергию, которая чуть было не погубила тебя.

— Было ли это столь серьезно, дон Хуан?

— Клянусь! Существо, нападавшее на тебя, было создано из чистого сознания и было таким же смертельно опасным, каким может быть любое другое живое существо. Ты видел его энергию. Уверен, что теперь ты понял, что если мы не видим в сновидении, то нет никакой возможности отличить реальный энергообразующий мир от иллюзорного видения. Поэтому, даже не смотря на то, что ты победил неорганические существа и по-настоящему видел лазутчиков и тоннели, твое энергетическое тело не знало наверное были ли они реальными, то есть — генерирующими энергию. Ты был, возможно, уверен в этом на девяносто девять, но не на сто процентов.

Дон Хуан настаивал, чтобы я рассказывал ему о своих последних путешествиях. Но по какой-то необъяснимой причине я уклонялся от этой темы. То, что он сам говорил об этом, оказывало на меня мгновенное и странное воздействие. Я обнаружил, что неизменно

сталкиваюсь лицом к лицу с глубоким, непонятным страхом; он был темным и навязчивым, неотступно преследуя меня, заставляя меня ежиться.

— Очевидно, ты перешел в другую плоскость, — сказал дон Хуан, закончив реплику, которой я не уделил внимание.

— В какую плоскость, дон Хуан?

— Мир похож на луковицу своими многими уровнями. Тот мир, который мы знаем — это лишь один из многих. Иногда мы пересекаем границы и выходим в другие плоскости, другие миры, очень похожие на наш, но несовпадающие с ним. И ты случайно сам вошел в один такой мир.

— Как оказался возможным переход, о котором ты говоришь, дон Хуан?

— Это бессмысленный вопрос, потому что на него нельзя ответить. С точки зрения магов вселенная составлена из уровней, которые энергетическое тело может пересекать. Знаешь ли ты, где маги прошлого живут по сей день? На другом уровне, на другом слое луковицы.

— Для меня идея настоящего полезного путешествия, предпринимаемого в сновидении, кажется слишком сложной для понимания. С ней трудно согласиться, дон Хуан.

— Мы уже обсуждали этот вопрос до изнеможения. Я был убежден, что ты понял, что путешествие энергетического тела определяется исключительно положением точки сборки.

— Ты говорил мне это. Я пережевывал эту идею множество раз, но все же утверждение о том, что путешествие означает сдвиг точки сборки, ни о чем мне не говорит.

— Твои затруднения — в твоём скептицизме. Я был точно таким, как ты. Наш скептицизм не позволяет нам глубоко изменить понимание мира. И еще он вынуждает нас считать, что мы всегда правы.

Я прекрасно понимал то, о чем он говорит, но напомнил ему о том, что постоянно борюсь с этой своей чертой.

— Предлагаю тебе выполнять одно бессмысленное действие, которое поможет событиям принять другой оборот, — сказал он. — Постоянно повторяй про себя, что суть магии — в тайне точки сборки. Если ты достаточно долго будешь повторять про себя, какая-то незримая сила возьмет верх и вызовет в тебе нужные изменения.

Дон Хуан никак не показал, что его слова являются шуткой. Я знал, что каждое сказанное им слово имеет какой-то важный смысл. Больше всего меня беспокоило его настойчивое требование, чтобы я постоянно повторял про себя эту формулу. Я поймал себя на мысли, что все это просто глупо.

— Измени свое скептическое отношение к этому, — перебил он мои сомнения. — Повторяй эти слова самым добросовестным образом.

— Тай на точки сборки — это главное в магии, — продолжал он, не глядя на меня. — Или так — вся магия основана на манипулировании точкой сборки. Ты все это знаешь, но ты должен повторить это.

Слушая его замечания, мне на миг показалось, что я вот-вот умру. Невероятное чувство непритворного уныния обрушилось на мои плечи и заставило меня закричать от боли. Мой желудок и диафрагма, казалось, подтянулись вверх, заполняя мою грудную клетку. Это ощущение было таким интенсивным, что мой уровень осознания изменился и я вошел в свое обычное состояние. Все, о чем мы говорили, стало туманной мыслью о том, что могло случиться, но не случилось в действительности, и о чем я знал благодаря своему тусклому мышлению в обычном состоянии осознания.

В следующий раз, когда мы с доном Хуаном говорили о сновидениях, мы обсуждали причины, по которым я не мог продолжать свою практику сновидения уже на протяжении нескольких месяцев. Дон Хуан предупредил меня, что для объяснения моего положения ему придется пойти окольным путем. Он прежде всего указал на то, что между мыслями и действиями людей древности с одной стороны, и современных людей — с другой, существует громадное различие. Затем он отметил, что люди былых времен обладали очень реалистичным восприятием и осознанием мира. Потому что их видение проистекало из их наблюдений окружающей вселенной.

Современные люди, в отличие от них, обладают до абсурдности нереалистичным восприятием и осознанием, потому что их взгляды основываются на их наблюдении общественных закономерностей и претворении их в жизнь.

— Зачем ты говоришь мне это? — спросил я.

— Потому что ты — современный человек, сталкивающийся с мировоззрением и наблюдениями людей древности, — ответил он. — И они тебе совершенно незнакомы. Теперь, больше чем когда-либо, тебе нужно быть собранным и настойчивым. Я пытаюсь построить прочный мост, по которому ты мог бы идти от взгляда людей древности до взглядов современного человека.

Он отметил, что я не знаком со всеми важными открытиями людей древности, кроме одного, которое дошло до наших дней. Речь шла об идее продажи своей души дьяволу в

обмен на бессмертие. Он признался что эта идея звучит для него как эхо отношений между магами прошлого и неорганическими существами. Он напомнил мне, как эмиссар в сновидении пытался вынудить меня остаться в его мире, предлагая мне за это возможность сохранить индивидуальность и самосознание на почти бесконечное время.

— Как ты знаешь, уступка обобщению неорганических существ — это не просто идея; это — реальность, — продолжал дон Хуан. — А ты еще не понял до конца, чем чревата эта реальность. Сновидение тоже реально; это состояние порождения энергии. Когда ты слышишь мои слова, ты, конечно, понимаешь, что я имею ввиду, но ты еще не осознал всей важности этого.

Дон Хуан сказал, что моя рациональность знала, что именно сулит ей мое постижение ее враждебной сущности, и по этому в нашем последнем разговоре она вынудила мое восприятие перейти на более низкий уровень. Я закончил тот разговор, очутившись в обычном состоянии сознания, так и не разобравшись в тонкостях своего сна. Моя рациональность продолжала защищаться, отрицательно сказываясь на моей практике сновидения.

— Уверяю тебя, что полностью осознаю, в каких ситуациях генерируется энергия, — сказал я.

— А я уверяю тебя, что не осознаешь, — возразил он. — Если бы это было не так, ты бы относился к сновидению с большим вниманием и ответственностью. Но так как ты уверен, что ты всего лишь спишь, — ты делаешь выбор вслепую. Твои ошибочные суждения говорят тебе, что независимо от происшедшего сновидения сон когда-нибудь закончится и ты проснешься.

Он был прав. Не смотря на все то, что я наблюдал в ходе своей практики сновидения, я все еще придерживался так или иначе общепринятого мнения о том, что все это сон.

— Я рассказывал тебе о взглядах людей прошлого и современных людей, — продолжал дон Хуан, — потому что твое представление является представлением современного человека, рассматривающего непонятные идеи так, будто они являются бессмысленной фантазией.

— Если бы не начал этот разговор, ты бы так и рассматривал сновидения как некую абстрактную идею. Конечно же, я уверен, что ты относишься к нему серьезно, но ты не полностью веришь в реальность сновидения.

— Я понимаю, о чем ты говоришь, дон Хуан, но не понимаю, зачем.

— Я говорю все это потому, что ты сейчас впервые оказываешься в состоянии понять, что сновидение — это ситуации, в которых возможно порождение энергии. В первый раз ты можешь сейчас понять, что обычные сны — это медленно действующее средство, чтобы переместить точку сборки в положение, создающее условия для производства энергии, которую мы называем сновидением.

Он предупредил меня, что поскольку сновидящие соприкасаются и входят в реальные миры, где возможны любые неожиданности, они должны постоянно находиться в состоянии непрерывного внимания и крайней осторожности; любая неосторожность, связанная с риском, может оказаться для сновидящего более чем ужасной.

Я начал в этот момент снова ощущать движение грудной клетки, точно такое же, как в тот день, когда мой уровень осознания само произвольно изменился. Дон Хуан сильно встряхнул меня за руку.

— Рассматривай сновидение как очень опасное занятие! — приказал он мне. — Начинать прямо с этого дня! Без всяких туманных оговорок.

Тон его голоса был таким настойчивым, что все то непонятное, что только что происходило со мной, тут же прекратилось.

— Что это со мной, дон Хуан? — спросил я.

— А с тобой то, что ты можешь смещать свою точку сборки быстро и легко, — сказал он. — Но эта легкость приводит к тому, что смещение оказывается неустойчивым. Научись контролировать эту свою способность. И не позволяй себе не малейшего отклонения.

Я бы легко мог начать спор, что я не знаю, о чем он говорит, но на этот раз мне показалось, что я понял. Я так же понял, что мне нужно только несколько секунд, чтобы сконцентрировать свою энергию и изменить свое отношение к его словам, что я и сделал.

На этом тогда наше общение и окончилось. Я уехал домой и в течение почти года добросовестно и регулярно повторял то, что дон Хуан просил меня произносить. Результат моих молитвоподобных взываний был невероятен. Я был твердо убежден, что оно имело такое же влияние на мое восприятие, какие физические упражнения оказывают на мышцы тела. Моя точка сборки стала более подвижной, а это означало, что видение энергии в сновидении стало главной целью моей практики. Мое умение видеть возрастало пропорционально моим усилиям. Настало время, когда я стал способен, не произнося ни

слова, только намереваться видеть и сразу же достигать того же результата, что и в случае высказывании моего намерения вслух.

Дон Хуан поздравил меня с этим достижением. Естественно, я считал, что он надо мной насмехается. Но он подтвердил, что действительно считает мои занятия успешными. Все же он попросил меня продолжать «выкрикивать намерение», по крайней мере, тогда, когда я сомневался. Его требование не оказалось для меня неожиданным. И поэтому я вопил в своих снах во весь голос каждый раз, когда мне это казалось необходимым.

Я открыл, что энергия нашего мира мерцает. Она поблескивает. Не только живые существа, но и все и все вообще в нашем мире тускло светится своим тусклым внутренним светом. Дон Хуан объяснил, что энергия нашего мира образует слои мерцающих цветов. Верхний слой — белесый; следующий за ним — зеленовато-желтый, а следующий дальше — янтарный.

Я обнаружил все эти оттенки, или, лучше было сказать, что я видел их мерцание, когда предметы, встречаемые мной в состоянии сновидения, меняли свои очертания. Однако белое сияние было всегда самым доступным при видении предмета, порождающего энергию.

— Неужели всего цветов только три? — спросил я дона Хуана.

— Их бесконечное число, — ответил он, — но для целей твоего начального состояния вполне достаточно этих трех. Позже ты сможешь получить их в любом наборе и выделить десятки оттенков, если захочешь этим заниматься. Белый слой имеет цвет, свойственный нынешнему положению точки сборки человечества, — продолжал дон Хуан. — Будем говорить, что это современный цвет. Многие считают, что все совершенное человеком в наши дни отмечено этим беловатым сиянием. В одно время положение точки сборки человечества привело к тому, что господствующая энергия в мире была зеленовато-желтая; а еще раньше янтарно-желтая.

Цвет энергии магов — тоже янтарно-желтый, что означает их энергетическую связь с людьми, жившими в далеком прошлом.

— Думаешь ли ты, дон Хуан, что современный белый цвет энергии когда-нибудь изменится?

— Если человечество окажется способным эволюционировать. Великая задача магов состоит в том, чтобы распространить идею, согласно которой для эволюции человечества в начале необходимо освободить свое осознание от привязанности к общественным условностям. Как только осознание освобождается, намерение направляет его по новому пути развития.

— Ты думаешь, что магам удастся справиться с этой задачей?

— Им уже удалось. Они сами — живой пример этому. А убедить других в важности и необходимости эволюционирования — это другое дело.

Другим типом энергии, который я обнаружил в нашем мире, была энергия лазутчиков. Это была отрицательная энергия, которую дон Хуан называл шипящей. Я встречал десятки объектов в своих снах, которые, после того, как я видел их, превращались в шарики энергии, пенившиеся и, казалось, пузырящиеся в следствие каких-то внутренних тепловых процессов.

— Запомни, что не каждый лазутчик, которого ты встретишь, принадлежит миру неорганических существ, — заметил дон Хуан. — Каждый лазутчик, которого до сих пор ты обнаруживал, за исключением голубого лазутчика, принадлежал этому миру. Но так получилось потому, что неорганические существа охотились за тобой. Они управляли происходящим с тобой. Теперь ты независим. Некоторые из лазутчиков, которых ты встретишь, не будут принадлежать миру неорганических существ, они будут из других, более отдаленных уровней восприятия.

— А эти лазутчики осознают тебя? — спросил я.

— Конечно же, — ответил он.

— Тогда почему же они не вступают с нами в контакт, когда мы бодрствуем?

— Они-то вступают, но беда в том, что наше сознание так сильно занято, что у нас нет времени замечать их. Однако во сне наше внимание с его привычной узкой избирательностью раскрывается и мы видим сны. Во сне мы можем общаться с существами из других миров.

— Можно ли как-нибудь узнать, приходят ли лазутчики из уровней, существующих помимо мира неорганических существ?

— Чем сильнее «шипят» их энергия, тем из более удаленных мест они приходят. Это звучит упрощенно, но ты должен дать возможность своему энергетическому телу сказать тебе, что есть что. Уверю тебя, оно будет чувствовать тончайшее различие и делать безошибочные выводы при столкновении с враждебной энергией.

И снова он был прав. Мое энергетическое тело без труда различало два общих типа отрицательной энергии. Первый был присущ лазутчикам из мира неорганических существ.

Их энергия слегка шипела. Шипение было беззвучным, но оно имело все видимые признаки выделения пузырьков газа из воды, которая начинает кипеть.

Энергия второго общего типа лазутчика создало у меня впечатление наличия более значительного могущества. Эти лазутчики, казалось, вот-вот воспламенятся. Они вибрировали изнутри так, будто бы были заполнены газом, находящимся под давлением.

Мои столкновения с враждебной энергией всегда были непродолжительными, потому что я всегда придерживался рекомендаций дона Хуана. Он сказал, что если при встрече с враждебной энергией не знаешь точно, что делать, или что ты можешь получить от нее, довольствуйся быстрым взглядом. Что-нибудь помимо такого взгляда также опасно и безумно, как игра с гремучей змеей.

— Почему это опасно, дон Хуан? — спросил я.

— Лазутчики всегда очень агрессивны и крайне дерзки, — сказал он. — Они вынуждены быть такими, чтобы добиваться цели в своих исследованиях. Сосредоточивать внимание на них равносильно подстреканию их к тому, чтобы они заинтересовались тобой. Стоит им сконцентрировать внимание на себе, и ты будешь вынужден вступить с ними в контакт, а это, конечно же, опасно. Ты, например, можешь оказаться в конце концов в мире, вернуться из которого ты будешь не в состоянии, потому что тебе не хватит энергетических ресурсов.

Дон Хуан объяснил, что существует много больше типов лазутчиков, чем те два, которые я перечислил. На моем теперешнем уровне энергии я могу встретиться только с тремя из них. Он сказал, что тех двух, которых я описал, заметить легче всего. Их вид в наших снах так бросается в глаза, что, по его словам, они сразу же привлекают наше внимание в сновидении. Он представил третий тип лазутчика как самый опасный в смысле агрессивности и могущества потому что они имеют очень обманчивую наружность.

— Одна из самых странных вещей, которые обнаруживают сновидящие, и которую ты сам скоро обнаружишь, — продолжал дон Хуан, — это третий тип лазутчика. Пока ты встречал только представителей первых двух типов, но это потому, что ты не смотрел, куда следует.

— А куда следует смотреть, дон Хуан?

— Ты снова попался на удочку слов; на этот раз тебя поймала слово «объекты», которое ты воспринимаешь только в значении «вещи, предметы». Так вот, самые свирепые лазутчики прячутся в наших снах под масками людей. Меня ожидал большой сюрприз, когда я в своем сновидении сфокусировался на образе своей матери. После того, как я проявил свое намерение видеть, она превратилась в злоеущий пузырь kloчущей энергии.

Дон Хуан сделал паузу, чтобы я прочувствовал его слова. Я чувствовал себя глупо в связи с тем, что меня встревожила возможность обнаружить в сновидении лазутчика, скрывающегося за образом моей матери.

— Противно то, что они обычно связаны с образами наших родителей и близких друзей, — продолжал он. — Возможно, именно поэтому мы зачастую чувствуем беспокойство, когда они нам снятся. — Его улыбка дала мне понять, что его веселит мое смятение. Среди сновидящих есть правила считать, что третий тип лазутчиков встречается им всегда, когда они чувствуют тревогу в связи с появлениями родственников или друзей в снах. Можно только посоветовать избегать этих образов в сновидении. Они — истинный яд.

— А где по отношению к другим лазутчикам находится голубой лазутчик? — спросил я.

— Голубая энергия не шипит, — ответил он. — Она подобна нашей; она мерцает, но скорее напоминает собой голубой цвет, а не белый. Голубая энергия не существует в естественном виде в нашем мире. А это подводит нас к тому, о чем мы еще никогда не разговаривали. Какого цвета были лазутчики, которых ты видел до сих пор?

До того момента, когда он спросил об этом, я никогда не думал на эту тему. Я сказал дону Хуану, что лазутчики, которых я видел, были либо розовыми, либо красноватыми. А он сказал, что смертельно опасные лазутчики третьего типа были ярко-оранжевыми.

Я обнаружил, что третий тип лазутчиков чрезвычайно страшен. Каждый раз, когда я встречался с одним из них, я находил их скрывающимися за образом моих родителей, чаще всего матери. Видение этого образа всегда напоминало мне о том пузыре энергии, который напал на меня в том моем сновидении, в котором я впервые целенаправленно видел. Каждый раз, когда я сталкивался с ним, враждебная разведывающая энергия, казалось, вот-вот буквально набросится на меня. Мое энергетическое тело обычно реагировало на нее ужасом еще до того, как я видел ее.

Во время нашего обсуждения сновидения я спросил у дона Хуана о нынешнем полном отсутствии неорганических существ в моей практике сновидения.

— Почему они больше не показываются? — спросил я.

— Они появляются только в начале, — объяснил он. — После того, как их лазутчики проводят нас в их мир, у неорганических существ нет больше необходимости появляться здесь. Если мы хотим видеть неорганические существа, лазутчик сопровождает нас туда. Ведь никто, я подчеркиваю — никто не может сам путешествовать в их мир.

— А почему это так, дон Хуан?

— Их мир плотно закрыт. Никто не может войти туда или выйти от туда без их разрешения. Единственное, что ты можешь сделать сам, когда ты находишься в их мире, это, конечно, заявить о своем намерении остаться там. Произнести намерение вслух означает возбудить движение потоков энергии, которое уже нельзя повернуть вспять. В былые времена слова были фактором, действующим с невероятной силой. Теперь это не так. Но в мире неорганических существ они все еще не потерялись.

Дон Хуан засмеялся и сказал, что ему не следует говорить ничего о мире неорганических существ, потому что я на самом деле знаю о нем больше, чем он и все его друзья, вместе взятые.

— Существует еще одна связанная с их миром тема, которую мы еще не обсуждали, — сказал он.

Он промолчал довольно долго, будто бы подыскивая подходящие слова.

— В конечном счете, — начал он, — моя антипатия к действию магов прошлого глубоко личная. Как нагваль я презираю то, что они делают. Они трусливо искали прибежища в мире неорганических существ. Они считали, что во вселенной, населенной хищниками, которые только и ждут, чтобы разорвать нас на куски, единственное спокойное пристанище для нас — это их мир.

— Почему они верили в это? — спросил я.

— Потому что это правда, — сказал он. — Поскольку неорганические существа не могут лгать, партия товаров, предлагаемых эмиссарами сновидения полностью соответствует рекламе. Их мир может дать нам укрытия и продлить наше осознание почти навечно.

— Товар эмиссаров, будь он самым прекрасным, мне совсем не нравится, — сказал я.

— Значит ли это, что ты выберешь путь, где тебя могут разорвать на куски? — спросил он с ноткой недоумения в голосе.

Я заверил дону Хуана, что не хочу пребывать в мире неорганических существ, не смотря на все его преимущества. Мои слова, казалось, бесконечно обрадовали его.

— Теперь ты готов для того, чтобы услышать об одном очень важном свойстве этого мира. Это самые страшные сведения из тех которые я тебе могу сообщить, — сказал он и попытался улыбнуться. Но это у него получилось не очень удачно. Дон Хуан пристально посмотрел мне в глаза. Я думаю, что он искал в них проблеск согласия или понимания. Некоторое время он молчал.

— Энергия, необходимая для перемещения точки сборки мага, находится в мире неорганических существ, — сказал он, будто желая поскорее отделаться от этого.

Мое сердце чуть не остановилось. Я почувствовал головокружение и был вынужден топтать ногами по земле, чтобы не потерять сознание.

— Это истина, — продолжал дон Хуан, — и наследие, доставшееся нам от магов прошлого. Сделав это открытие, они сковали наши возможности. По этой причине я не уважаю их. Я терпеть не могу черпать энергию из одного источника. Лично я отказываюсь это делать. И я пытался отвести тебя от него тоже, но безуспешно, потому что тебя притягивает к этому миру, будто магнитом.

Я понял дону Хуана лучше, чем сам ожидал до этого. Путешествие в мир неорганических существ всегда значило для меня повышение уровня отрицательной энергии. Я считал задолго до того, как дон Хуан сообщил мне об этом.

— Что мы можем с этим поделать? — спросил я.

— Мы не можем общаться с ними, — ответил он, — и в тоже время мы не можем полностью избегать их. Мое решение состоит в том, чтобы брать у них энергию, но не поддаваться их влиянию. Это называется окончательным stalkingом. Этого достигают, проявляя негибкое намерение существовать свободно, не смотря на то, что ни один маг не знает, что такое в действительности свобода.

— Ты можешь мне объяснить, дон Хуан, почему маги вынуждены черпать энергию из мира неорганических существ.

— Другой жизненно необходимой энергии для магов не существует. Для того, чтобы перемещать точку сборки так, как это делают они, магам необходим колоссальный объем энергии.

Я напомнил ему о его собственных словах: для практики сновидения необходимо переупорядочение энергии.

— Это верно, — ответил он. — Чтобы начать такую практику, маги должны пересмотреть свои ценности и высвободить задействованную энергию. Но эта переоценка эффективно только постольку, поскольку она помогает собрать нужное количество энергии, чтобы приступить к сновидению. Умение проникать в другие миры, видеть энергию, формировать энергетическое тело и еще многое — это совсем другое дело. Для всех этих дел магам необходимо большое количество темной враждебной энергии.

— Но как они получают ее из мира неорганических существ?
— Просто погружаясь в этот мир. Все маги нашей линии должны делать это. Однако ни один из них не был настолько глуп, чтобы заниматься тем, чем занимаешься ты. И это потому, что никто из них не имеет твоих вредных наклонностей.
Дон Хуан отправил меня домой обдумать все то, что он открыл мне. У меня возникло очень много вопросов, но он не захотел выслушать ни один из них.

10. СТАЛКИНГ СТАЛКЕРОВ

Вернувшись домой, я не смог получить ответ ни на один из своих вопросов. Фактически, я даже не мог сформулировать их. Вероятно, это случилось потому, что граница второго внимания у меня стала размываться: это началось еще тогда, когда я встретил Флоринду Грау и Кэрл Тиггс в мире обыденной жизни. Больше всего мое настроение страдало от замешательства в связи с тем, что я совсем не знал их до этой нашей встречи, и в тоже время я чувствовал себя знакомым с ними так близко, что, казалось, отдал бы жизнь за них при малейшей необходимости. Я встретился с Тайшей Абельяр несколькими годами ранее. Тогда я еще только начинал привыкать к этому странному ощущению давней близости с незнакомым человеком при нашей первой встрече, не имея ни малейшего представления, почему это так. Появление еще двух таких же странных людей в моей жизни окончательно выбило меня из колеи. Я заболел от перенапряжения и усталости и был вынужден искать помощи у дона Хуана. Я отправился в город на юге Мексики, где он жил в это время со своими друзьями.

Дон Хуан и его сотоварищи-маги просто лопались от смеха при одном лишь упоминании о моих проблемах. Дон Хуан объяснил мне, что в действительности они смеялись не надо мной, а над собой. Затруднения, с которыми я сталкивался в ходе своих исследований, напоминали им о тех проблемах, которые точно также когда-то смущали и их, когда разрушалась граница их второго внимания, как это происходило теперь со мной.

— Их осознание, подобно твоему, не было подготовлено для этого, — сказал он. — Каждый маг проходит через такую агонию, — продолжал дон Хуан. — Осознание — это бесконечная область исследований для мага и обычного человека. Для того, чтобы повысить уровень осознания, мы должны идти на любой риск, все средства хороши для этого. Однако знай, что осознание может быть повышено только у того, кто обладает спокойным умом.

Затем дон Хуан повторил еще раз, что его время пребывания в этом мире подходит к концу и что я должен мудро использовать свои возможности, чтобы охватить как можно больше неизученного материала, прежде чем он уйдет. Такие слова обычно повергали меня в состояние крайней депрессии. Но чем ближе было время его ухода, тем более уверенно я справлялся с этим чувством. Я больше не падал духом, но все еще по-прежнему боялся.

После этого он не сказал больше ничего. На следующий день после его просьбы я поехал с ним на своей машине в Мехико Сити. Мы прибыли туда после полудня и направились прямо в гостиницу «Дель Прадо» в районе Пасео Аламедо. Он обычно останавливался здесь всякий раз, когда бывал в Мехико. В этот день у дон Хуана на четыре часа была назначена встреча с юристом. Поскольку у нас еще была уйма времени, мы отправились пообедать в знаменитый ресторан «Такуба» в центре деловой части города. Этот ресторан славился тем, что там можно было заказать самые изысканные блюда.

Дон Хуан не был голоден. Он взял себе только две небольшие порции сладкого тамале [толченая кукуруза с мясом и красным перцем, мексиканское блюдо], в то время как я устроил себе пышное пиршество. Он посмеялся надо мной и молча выражал сочувствие по поводу моего здорового аппетита.

— Я собираюсь предложить тебе выполнить одно задание, — сказал он отрывистым тоном, когда мы закончили обедать. — Это последняя часть задачи третьих врат сновидения. Она представляет собой stalking stalkеров, самый загадочный прием магии. Использовать stalking stalkеров — означает преднамеренно черпать энергию из мира неорганических существ для того, чтобы совершать магические действия.

— Какие магические действия, дон Хуан?

— Путешествия, использующие осознание как средства передвижения, — объяснил он. — В мире повседневной жизни мы используем воду как часть окружающей среды, пригодную для перемещения по ней. Вообрази, что осознание тоже может быть средством, с помощью которого можно путешествовать. По средствам осознания к нам приходят лазутчики со всех концов вселенной; подобно им, маги, в свою очередь, по средствам осознания достигают самых удаленных концов вселенной.

Среди всего, о чем рассказывал мне дон Хуан в ходе наших бесед, были идеи, которые привлекали мое неподдельное внимание без всяких уловок с его стороны. Это была одна из таких идей.

— Идея о том, что осознание — часть окружающего физического мира, действительно революционна, — сказал я с благоговейным ужасом.

— Я не сказал, что осознание — составная часть физического мира, — поправил он меня. — Это часть энергетического мира. Ты должен понимать это различие. Для видящего мага осознание выглядит как свечение. Они могут согласовывать свое энергетическое тело с этим свечением и перемещаться с его помощью.

— В чем различие между физической и энергетической составными частями? — спросил я.

— Различие между ними в том, что физическая часть — это часть общепринятой системы описания мира, в то время как об энергетической этого сказать нельзя. Но энергетические сущности, такие как сознание, тоже существуют в нашей вселенной. Мы как обычные люди замечаем только физический мир, потому что нас приучают к этому. Маги замечают еще и энергетический мир все по той же причине: их приучают к этому.

Дон Хуан объяснил, что использование осознания как энергетического элемента нашего окружающего мира, — это суть магии. С точки зрения практики магии последовательность действий мага очерчивается так. Первое: освобождение существующей в нас энергии в ходе безупречного следования пути мага. Второе: использование этой энергии для развития энергетического тела с помощью сновидения. И третье: применения осознания как части окружающего мира для вхождения в энергетического тела в другие миры совместно со всеми нашими физическими проявлениями.

— Существуют два типа энергетических путешествий в иные миры, — продолжал он. — Первый — когда сознание независимо от желания мага подхватывает энергетическое тело и доставляет его куда-нибудь. Другой имеет место, когда маг сам в полной ясности ума решает воспользоваться по средствам осознания, чтобы осуществить путешествие. Ты уже знаком с первым типом передвижения. Чтобы овладеть вторым, требуется большая настойчивость.

После продолжительного молчания дон Хуан отметил, что в жизни магов существуют вещи, требующие умелого обращения, и что использование осознания как энергетического элемента, доступного энергетическому телу, является наиболее важной, практичной и опасной из этих вещей.

Мне нечего было сказать. Я внезапно почувствовал себя сидящим как на иголках и растерянно цепляющимся за его слова.

— Ты сам не обладаешь достаточным количеством энергии, чтобы выполнить эту последнюю часть задачи третьих врат сновидения, — продолжал он, — но вместе с Кэрл Тиггс вы определенно сможете сделать то, что я имею ввиду.

Он сделал паузу, специально подталкивая меня своим молчанием к тому, чтобы я спросил, что же он имеет ввиду. Я так и сделал. Но его смех только усилил мое мрачное настроение.

— Я хочу, чтобы вы вдвоем разрушили границы обычного мира и, воспользовавшись осознанием как энергетическим элементом вошли в другой, — сказал он. — Это разрушение и выход равносильны stalkingу сталкеров. Использование осознания как части окружающего мира позволяет обойти стороной влияние неорганических существ, но подразумевает применение их энергии.

Он не хотел больше ничего сообщать мне, чтобы, как он сказал, не оказывать на меня влияния. Он верил, что чем меньше я знаю о том, что меня ожидает, тем лучше у меня получится. Я не соглашался, но он заверил меня, что на худой конец мое энергетическое тело вполне способно позаботится о себе.

Из ресторана мы отправились в контору юриста. Дон Хуан быстро разделался со своими делами, и через несколько минут мы уже катили в такси по пути в аэропорт. Дон Хуан сообщил мне, что Кэрл Тиггс прибывает рейсом Лос-Анжелеса и что она приезжает в Мехико Сити исключительно с целью выполнить совместно со мной эту последнюю часть задания по сновидению.

— Долина, в которой раскинулся город Мехико, — прекрасное место для магических подвигов, один из которых ты собираешься совершить, — посмеивался он.

— Ты мне все еще не рассказал, что конкретно мне следует делать, — сказал я. Он не ответил мне. Он больше не разговаривал, но когда мы ожидали посадки самолета, он объяснил, что именно мне предстоит проделать. Я должен буду прийти в номер Кэрл в гостинице «Реджис», которая находилась на той же улице, что и наша, напротив. Затем, войдя в состояние полного внутреннего спокойствия вместе с ней проскользнуть в сновидение, выразив намерение направиться в мир неорганических существ.

Я прервал его, чтобы напомнить, что всегда, прежде чем я мог произнести вслух свое намерение войти в их мир, мне приходилось поджидать лазутчика, который мог бы указать мне путь.

Дон Хуан захихикал и сказал:

— Ты еще никогда не сновидел с Кэрл Тиггс. Ты увидишь, как это здорово. Женщинам-магам не нужно никаких помощников. Они просто уходят в этот мир тогда, когда хотят этого; есть лазутчик, который постоянно ждет.

Я не мог заставить себя поверить, что женщина-маг способна сделать то, что он сказал. Мне казалось, что я обладаю некоторыми познаниями в обращении с миром неорганических существ. Когда я упомянул ему о том, что пронеслось у меня в уме, он ответил, что у меня нет вообще никакого опыта относительно того, что касается возможностей женщин-магов.

— Почему, как ты думаешь, мне понадобилась помощь Кэрл, чтобы вытянуть твоё тело из их мира? — спросил он. — Ты думаешь, это потому, что она красива?

— А почему же тогда, дон Хуан?

— Потому что я не мог справиться с этим сам; а для нее это было сущей чепухой. В их мире она проявляет особую ловкость.

— Она исключение в этом смысле, дон Хуан?

— Женщины вообще от природы наделены способностями искусно взаимодействовать с их миром; женщины-маги, конечно же, превосходят в этом всех остальных.

Кэрл Тиггс в этом отношении лучше всех, кого я знаю, потому что как нагваль она наделена великолепной энергией.

Я подумал, что поймал дону Хуана на серьезном противоречии. Он говорил мне раньше, что неорганические существа вообще не проявляют интереса к женщинам. Теперь он утверждал обратное.

— Нет. Я не противоречу себе, — заметил он, когда я высказал ему свои мысли. — Я говорил тебе, что неорганические существа не преследуют женщин; они гонятся только за мужчинами. Но я говорил также, что неорганические существа воплощают женское начало, и что вся вселенная воплощает это начало во многих отношениях. Из этого делай свои собственные выводы.

Поскольку я никаким образом не мог сделать выводы, дон Хуан объяснил мне, что женщины-маги приходят в мир неорганических существ и уходят из него когда желают, потому что они, согласно нашей теории обладают повышенным осознанием и олицетворяют женское начало.

— Ты знаешь об этом, наверное? — спросил я.

— Женщины из моей группы никогда не занимались этим, — признался он, — но не потому, что они не могли, а потому, что я отговаривал их. Женщины из твоей группы, с другой стороны, делали это также часто, как меняли юбки.

Я почувствовал зияющую пустоту в животе. Я действительно ничего не знал о женщинах из своей группы. Дон Хуан утешил меня словами о том, что обстоятельства моей жизни также сильно отличались от обстоятельств его жизни, как и моя роль нагваля от его роли. Он уверил меня, что я бы не стал разубеждать женщин из своей группы, даже если бы это вдруг пришло мне в голову.

Пока мы ехали в такси по дороге в гостиницу, где Кэрл собиралась остановиться, она развлекала нас, подражая людям, которых мы знали. Я попытался быть серьезным и спросил ее о нашем предстоящем задании. Она пробормотала какие-то извинения по поводу того, что неспособно ответить мне с надлежащей серьезностью. Дон Хуан громко хохотал, когда она изобразила торжественное звучание моего голоса.

Устроив Кэрл в гостиницу, мы вдвоем блуждали по центральной части города, заглядывая в букинистические магазины. Мы легко поужинали в санборновском [Sanborn's — нечто напоминающее «макдональдс»] ресторане в «доме под черепицей». Около десяти вечера мы вернулись в гостиницу «Реджис». Мы направились прямо к лифту. Мой страх обострил мою способность воспринимать детали интерьера. Здание гостиницы было старым и внушительным. Мебель в холле, очевидно, была новой лет сто назад. И все же вокруг нас везде было что-то, напоминающее о бывшей помпезности, которая определенно была привлекательной. Теперь я без труда понимал, почему Кэрл так любила эту гостиницу.

Прежде чем мы вошли в лифт, мое беспокойство достигло таких масштабов, что я вынужден был обратиться к дону Хуану за последними инструкциями.

— Скажи мне еще раз, что мы должны сделать, — попросил я.

Дон Хуан усадил нас на огромные старинные грязные стулья в фойе и терпеливо объяснил нам, что, как только мы попадем в мир неорганических существ, мы должны выразить намерение передать управление сознанием нашим энергетическим телам. Он посоветовал нам с Кэрл высказать свое намерение совместно, хотя это было не столь важно. Действительно важным, по его словам, было только наше намерение полностью передать осознание обыденного мира на попечение энергетического тела.

— Как мы можем осуществить эту передачу осознания? — спросил я.

— Передача сознания — это дело только правильного выражения своего намерения и обладание необходимым энергетическим потенциалом, — сказал он. — Кэрл уже знает это

все. Она уже делала это раньше. Она уже посещала в физическом теле мир неорганических существ, когда вытаскивала тебя от туда. Помнишь? Ее энергия справится с этим трюком. Это склонит чашу весов.

— Что значит «склонит чашу весов»? Я чувствую себя, как в преисподней, дон Хуан.

Дон Хуан объяснил, что выражение «склонить чашу весов» означает в магии добавить весь физический вес к энергетическому телу. Он сказал, что при использовании сознания в качестве средства перемещения в другой мир решающую роль играет не применение какого-то метода, а совокупность намерения и достаточного запаса энергии. Если объем энергии Кэрол прибавить к моему, получится одна целостная сущность, объединяющая нас обоих, достаточно мощная, чтобы поднять наши физические тела и соединить их с нашими энергетическими телами для осуществления перехода в другой мир.

— Что конкретно мы должны делать для того, чтобы оказаться в этом другом мире? — спросила Кэрол.

Ее вопрос напугал меня чуть ли не до смерти; ведь я считал, что она в курсе всего происходящего.

— Весь ваш физический вес должен быть перенесен на энергетическое тело, — ответил дон Хуан, глядя ей в глаза. — Трудность этого маневра в том, чтобы обучить энергетическое тело вести себя соответствующим образом. Но вы оба уже сделали это. Плохое умение обращаться с энергетическим телом — единственная причина, по которой вы можете потерпеть неудачу, выполняя этот изящный прием окончательного сталкинга. Иногда обычный человек случайно умудряется сделать это и оказывается в другом мире. Но это обычно сразу же интерпретируют как сумасшествие или галлюцинации.

Я бы отдал все что угодно, лишь бы дон Хуан продолжал рассказывать. Но несмотря на мой протест и рациональное стремление узнать больше, он посадил нас в лифт и мы поднялись на третий этаж, где находился номер Кэрол. Глубоко в душе я, однако, сознавал, что мое беспокойство было вызвано не тем, что я стремился больше узнать, — на самой глубине притаился мой страх. Почему-то этот магический прием пугал меня больше чем все то, что я выполнял по сей день.

Последними напутственными словами дон Хуана были:

— Забудьте о себе, и вы ничего не будете бояться, — его широкая улыбка и кивок были приглашением обдумать это утверждение.

Кэрол засмеялась и начала передразнивать голос дон Хуана, изображая, как он давал нам свои подробные указания. То, как она шепелявила, придавало особый шарм словам дон Хуана. Иногда я находил ее шепелявый голос восхитительным. Но чаще всего я не мог его выносить. К счастью, в эту ночь я едва ли способен был слышать как она шепелявит.

Мы вошли в ее комнату и устроились на край кровати. Моей последней сознательной мыслью была мысль о том, что эта кровать является реликвией начала века. Прежде чем я успел произнести хотя бы слово, я обнаружил себя лежащим на каком-то диковинном ложе. Кэрол была рядом со мной. Мы привстали одновременно. Мы были раздеты и укрыты тонкими одеялами.

— Что все это значит? — спросила она дрожащим голосом.

— Ты не спишь? — ответил я неуместным вопросом.

— Конечно же, не сплю, — сказала она с ноткой нетерпеливости.

— Ты помнишь, где мы были? — спросил я.

Затем последовала продолжительная тишина.

Очевидно, она пыталась привести в порядок свои мысли.

— Я думаю, что я реальна, а ты нет, — сказала она, в конце концов. — Я знаю, где я только что была. А ты хочешь обмануть меня.

Я думал о ней точно также. Она знала, где мы были, и собиралась проверить или разыграть меня. Дон Хуан говорил мне, что нас с ней одолевают демоны замкнутости и недоверия. И сейчас, очевидно, я имел хорошую возможность убедиться в этом.

— Я отказываюсь плясать под твою дудку, — сказала она, ядовито взглянув на меня. — Это я тебе говорю, кто бы ты ни был.

Она взяла одно из одеял, которыми были укрыты, и завернулась в него.

— Я собираюсь еще некоторое время полежать здесь, а потом отправиться туда, откуда я приехала, — сказала она, изображая решительность. — А вы с нагвалем играйте сами в эти свои игры.

— Прекрати болтать чепуху, — сказал я властно. — Мы в ином мире.

Она не обратила никакого внимания на мои слова и повернулась спиной ко мне, как недовольный разбалованный ребенок. Я не хотел тратить свое внимание сновидения на тщетные попытки доказать реальность происходящего. Я начал изучать окружающее. Помещение было освещено только светом луны за окном, которое было как раз напротив нас. Мы были в небольшой комнате, на высокой кровати. Я заметил, что кровать была

довольно примитивной. Четыре толстых столбика были врыты в землю, а сама основа кровати была решеткой из длинных палок, прикрепленных к этим столбикам. Сверху на ней лежал толстый, но довольно твердый матрац. Не было ни постели, ни подушек. Мешки из грубой ткани, заполненные чем-то непонятным, были свалены в кучи возле стен. Два мешка, положенные друг на друга, служили подставкой, чтобы взбираться на нее. Рассматривая стены в поисках выключателя, я обнаружил, что наша высокая кровать находилась в углу у стены.

У нашего изголовья была стена; я находился на внешнем краю кровати, в то время как Кэрол лежала возле другой стены. Когда я сел на краю кровати, я заметил, что она была более чем на три фута поднята над поверхностью земли.

Вдруг Кэрол привстала и произнесла, ужасно шепелявя:

— Это отвратительно! Нагваль ведь не говорил мне, что я окажусь в таком положении.

— И я не знал, что все будет так, — сказал я. Я хотел сказать что-то еще или завязать разговор, но мое беспокойство достигло невероятных масштабов.

— А ты заткнись, — перебила она меня резким, исполненным злобы голосом. — Ты не существуешь. Ты — призрак. Исчезни! Исчезни!

Ее шепелявый голос показался мне забавным, и это отвлекло меня от моего неотступного страха. Я встряхнул ее за плечи. Она вскрикнула, но не столько от боли, сколько от удивления и раздражения.

— Я — не призрак, — сказал я. — Мы путешествуем, объединив нашу энергию.

Кэрол Тиггс славилась среди нас своей способностью быстро привыкать к любой ситуации. Уже через несколько мгновений она уверовала в реальность нашего положения и начала искать в полусне свою одежду. Я восхищался тем, что она не боится. Она увлеклась поисками, размышляя вслух о том, где она могла оставить свою одежду, если бы легла в постель в этой комнате.

— Ты видишь где-нибудь стул? — спросила она. Я туманно различал нагромождения из трех мешков, которое могло бы служить в качестве стола или высокой скамьи. Она прыгнула с кровати, подошла к ней и обнаружила там нашу одежду, аккуратно сложенную так, как она обычно это делала. Она подала мне мою; одежда была в самом деле моей, но не той, в которой я был тогда, когда находился в номере Кэрол в гостинице «Реджис».

— Это не моя одежда, — прошепелявила она. — А может быть, и моя. Как странно!

Мы оделись молча. Я хотел сказать ей, что вот-вот начну беспокоиться. Также хотел высказаться о том, как быстро мы переместились в этот мир, но, когда я начал одеваться, то обнаружил, что мои мысли о нашем путешествии стали очень туманными. Я едва ли мог помнить, где мы были до того, как проснулись в этой комнате. Было так, будто комната в гостинице приснилась мне. Я делал всевозможные попытки вспоминать, преодолевая туман, который начал окутывать меня. Мне удалось разогнать дымку в памяти, но это истощило всю мою энергию. Мои старания привели к тому, что я стал задыхаться и покрылся испариной.

— Что-то чуть-чуть было не одолело меня, — сказала Кэрол. Я взглянул на нее. У нее на теле, также как и у меня, выступил пот. — Оно тебя тоже едва не одолело. Что ты думаешь об этом?

— Все зависит от положения точки сборки, — сказал я с абсолютной уверенностью. Она согласилась со мной.

— Это неорганические существа одерживают верх над нами, — сказала она, дрожа. — Нагваль предупреждал, что это будет ужасно, но я никогда не могла подумать, что это будет так ужасно.

Я полностью согласился с ней; мы попали в отвратительную переделку, но я не мог понять, откуда взялся весь ужас нашей ситуации. Ни я, ни Кэрол не были уже новичками; мы наблюдали и участвовали во множестве экспериментов, среди которых были совершенно невыносимые. Но в этой нашей комнате, где мы находились в сновидении, было что-то невероятно страшное для меня.

— Мы в сновидении, не так ли? — спросила Кэрол. Я подтвердил это как нечто несомненное, хотя я бы отдал все, чтобы здесь оказался дон Хуан, чтобы победить в этом меня самого.

— Почему я так испугалась? — спросила она меня так, будто я мог ей это рационально объяснить.

Прежде, чем я смог подумать об этом, она сама ответила на свой вопрос. Она сказала, что в действительности ее испугала невозможность ощущать что-либо еще, кроме доступного органам чувств. Так бывает, когда точка сборки не может переместиться из положения, в котором она находится в этот момент. Она напомнила мне, что дон Хуан говорил нам о власти над нами обыденного мира в результате того, что точка сборки неподвижно пребывает в обычном месте. Именно эта неподвижность точки сборки делает наше ощущение мира настолько самодостаточным и тягостным, что мы не можем выйти за его

пределы. Кэрол также напомнила мне еще об одной вещи, о которой ей говорил нагваль: если мы хотим преодолеть эту самодовлеющую силу, мы должны рассеять туман, то есть сместить точку сборки с помощью намерения изменить ее местоположение.

Раньше я никогда не понимал, что дон Хуан имел ввиду, произнося эти слова. Но я постиг смысл этого, поскольку должен был перевести свою точку сборки в другое положение, чтобы рассеять туман мира, в котором мы находились и который уже начал было поглощать меня.

Кэрол и я, не говоря друг другу ни слова больше, подошли к окну и выглянули. Мы были в сельской местности. Лунный свет озарял какие-то низкие темные очертания жилых сооружений. Судя по всему, мы были в подсобном помещении или кладовой большого сельского дома.

— Ты помнишь, как мы здесь ложились в кровать? — спросила Кэрол.

— Я почти помню это, — сказал я, имея ввиду именно это.

Я объяснил ей, как вынужден был прилагать усилия, чтобы сохранить в уме образ ее гостиничного номера.

— Мне пришлось делать тоже самое, — сказала она испуганным шепотом. — Я знаю, что если мы, оказавшись здесь, потеряем память, — нам конец.

Затем она спросила меня, хочу ли я выйти из этого сарая и посмотреть, что снаружи. Я отказался. Мое предчувствие чего-то плохого было таким сильным, что я был не в состоянии произнести ни слова. Я только покачал головой в ответ.

— Ты во многом прав, когда не хочешь выходить отсюда, — сказала она. — Я предчувствую, что если мы выйдем из этой лачуги, мы никогда не вернемся назад.

Я хотел было открыть дверь и только выглянуть наружу, но она остановила меня.

— Не делай этого, — сказала она. — Ты можешь спустить сюда что-то наружу.

В это время перед моим мысленным взором прошел образ ветхой клетки, в которой мы с Кэрол находились. Все что угодно — например, открытая дверь, — могло нарушить неустойчивое равновесие этой клетки. В тот момент, когда я подумал об этом, у нас одновременно появилось одно и тоже стремление. Мы так быстро сняли с себя одежду, как будто от этого зависело наша жизнь; затем мы запрыгнули на высокую кровать, не пользуясь для этого двумя мешками, стоящими там в качестве лестницы. Но в следующее мгновение мы были вынуждены спрыгнуть обратно вниз.

Было очевидно, что мы с Кэрол одновременно поняли одно и тоже. Она подтвердила мою догадку, когда сказала:

— Если мы используем что-нибудь принадлежащее этому миру, мы только ослабляем себя. Когда я стою здесь раздетый, вдали от кровати и вдали от окна, я без затруднений вспоминаю о том, откуда пришла. Но если я лежу на кровати, надеваю на себя эту одежду или выглядываю в окно, я ощущаю на себе воздействие этого мира.

Мы долго стояли в центре комнаты, прижавшись друг к другу.

Зловещее подозрение начало терзать мой ум.

— Как мы будем возвращаться в наш мир? — спросил я в надежде, что она знает.

— Возврат в наш мир произойдет сам по себе, если мы не затеряемся в местном тумане, — сказала она с чувством несокрушимой убежденности, которое всегда было ей свойственно.

И она была права. Через некоторое время мы с Кэрол проснулись одновременно в ее постели в номере гостиницы «Реджис». Было так очевидно, что мы снова находимся в нашем обычном мире, что мы не задавали вопросов и не сомневались в этом. Солнечный свет был ослепительным.

— Как мы вернулись оттуда? — спросила Кэрол. — Или, лучше сказать, когда мы вернулись?

Я не знал, что ответить или что подумать. Я не был способен размышлять и ничего не мог с собой поделать.

— Ты думаешь, мы только что вернулись? — настаивала Кэрол. — Или, возможно, мы проспали здесь всю ночь. Смотри! На мне ничего нет. Когда мы разделись?

— Мы разделись в том мире, — сказал я и сам удивился, услышав свой голос.

Мой ответ, казалось, озадачил Кэрол. Она не понимающе посмотрела на меня, а затем на свое обнаженное тело.

Мы неподвижно сидели долгое время. Нам обоим казалось, что мы совершенно неспособны сделать над собой усилие. Но затем внезапно нас одновременно посетила одна мысль. Мы мгновенно оделись, выскочили из комнаты, преодолели два пролета лестницы по пути к выходу, пересекли улицу и ворвались в гостиничный номер дон Хуана.

Нечленораздельно, задыхаясь и давая выход своим эмоциям, мы по очереди рассказывали ему о происшедшем.

Он подтвердил наши подозрения.

— То, что вы сделали, было едва ли не самой опасной вещью, которую можно себе вообразить, — сказал он.

Он обратился к Кэрол и сказал ей, что наши старания увенчались одновременно полной удачей и абсолютным поражением. Мы сумели передать сознание обыденного мира энергетическому телу, тем самым путешествуя со своим физическим телом, но нам не удалось избежать влияния неорганических существ. Он сказал, что сновидящие обычно переживают процесс перехода как последовательность медленных превращений, и что им приходится при этом несколько раз высказывать свое намерение воспользоваться осознанием как средством передвижения. В нашем случае обошлось без этих промежуточных шагов. Из-за вмешательства неорганических существ мы оба были с невероятной скоростью заброшены в некоторый враждебный мир.

— Ваше путешествие стало возможным не вследствие объединенной энергии, — продолжал он. — Что-то другое забросило вас в иной мир. Оно подобрало для вас соответствующую одежду.

— Ты хочешь сказать, нагваль, что и одежда, и кровать, и комната встретились на нашем пути только потому, что мы попали под влияние неорганических существ? — спросила Кэрол.

— Еще бы! — ответил он. — Как правило сновидящие просто путешествуют. Но ваше путешествие оказалось не таким, вы оказались рядом со сценой, на которой состоялась представление, бывшее когда-то проклятием для магов прошлого. С ними происходило в точности то, что случилось теперь с вами. Неорганические существа завлекали их в миры, из которых маги не смогли вернуться. Мне следовало бы предвидеть это, но я даже не догадывался, что неорганические существа могут проявить свою сущность, устраивая вам такую ловушку.

— Ты хочешь сказать, что они хотели заставить нас навсегда остаться там? — спросила Кэрол.

— Если бы вышли из той лачуги, вы до сих пор безнадежно скитались бы в том мире, — сказал дон Хуан.

По его словам, вследствие того, что мы перенеслись в другой мир вместе с физическими телами, фиксация наших точек сборки на том положении, в которое ее установили неорганические существа, была такой прочной, что это создало нечто типа тумана, сделавшего недоступным память о мире, из которого мы пришли. Он прибавил, что обычным следствием такой неподвижности является невозможность возврата точки сборки в ее исходное положение, что и происходило с магами прошлого.

— Задумайтесь над этим, — призвал он нас. — Возможно, именно это происходит со всеми нами в этом нашем обыденном мире. Мы пребываем здесь, и фиксация нашей точки сборки так прочна, что мы забыли, откуда мы пришли и в чем состояла цель нашего прибытия туда.

Дон Хуан не хотел больше говорить о нашем путешествии. Я чувствовал, что он не хочет нагонять на нас лишний страх и беспокойство. Он пошел с нами позавтракать, хотя было уже далеко за полдень. Когда мы подходили к ресторану, находившемуся за несколько кварталов от гостиницы по авеню Франциско Мадеро, было уже шесть вечера. Мы с Кэрол проспали около восемнадцати часов, — если то, что с нами происходило, можно было назвать сном.

— Только дон Хуан был голоден. Кэрол с оттенком раздражения отметила, что он ест, как свинья. Почти все, сидевшие за соседними столиками, оглянулись, когда услышали смех дон Хуана.

Ночь была теплой. Звезды переполняли небо. Мы сидели на скамейке в Пасео Аламедо. Дул мягкий ласковый ветерок.

— Есть один вопрос, не дающий мне покоя, — сказала Кэрол дону Хуану. — Мы ведь на самом деле занимались не тем, что использовали осознание как средство совершить путешествие, правда?

— Это правда, — сказал дон Хуан и глубоко вздохнул. — Задача состояла в том, чтобы увильнуть от неорганических существ и не попасть к ним во власть.

— А что нам делать теперь? — спросила она.

— Вам следует временно отложить занятия сталкингом сталкеров, пока вы не окрепнете, — сказал он. — А может быть и так, что вам никогда не удастся постигнуть это искусство. В конце концов, это не имеет значения: если не подходит одно, подойдет другое. Магия — это бесконечное дерзание.

Он объяснил нам снова, будто пытаясь запечатлеть свои слова в нашем уме, что для использования осознания как части окружающего мира сновидящие прежде всего должны путешествовать в мир неорганических существ. Затем им следует использовать эти путешествия как трамплин для накопления нужного количества этой действительно темной энергии. После чего им следует проявить намерение достичь других миров с помощью осознания.

— Неудача вашего путешествия объясняется тем, что у вас не было шансов использовать для перемещения осознание, — продолжал он. — Не успели вы оказаться в мире неорганических существ, как вас сразу же перебросило в иной мир.

— Что бы ты нам порекомендовал делать теперь? — спросила Кэрол.

Я бы посоветовал вам видеться как можно реже, — сказал он. — Я уверен, что неорганические существа не преминут опять поймать вас, особенно если вы будете объединять вашу энергию.

Поэтому, начиная с этого времени мы с Кэрол Тиггс преднамеренно держались подальше друг от друга. Возможность того, что мы снова нечаянно влипнем в похожее путешествие, была слишком реальной и опасной для нас. Дон Хуан поддерживал нашу решимость не встречаться, повторяя снова и снова, что наша объединенная энергия вполне может снова подтолкнуть неорганические существа к тому, чтобы завлечь нас в ловушку.

Дон Хуан снова включил в мою практику сновидения видение энергии в снопоподобных состояниях, которые порождают ее. Через некоторое время я научился видеть все, что появлялось передо мной. Продолжая заниматься дальше, я достиг совершенно удивительного состояния: я не мог разумно описать то, что я видел. Мои ощущения говорили мне, что я достиг таких уровней восприятия, для выражения которых у меня не было слов.

Дон Хуан объяснил, что мои непонятные и неопишуемые видения свидетельствуют об использовании осознания моим энергетическим телом. Однако, это было использование его не в качестве средства перемещения, для чего у меня не хватало энергии, но для восприятия энергетических полей неживой материи или живых существ.

11. АРЕНДАТОР

Практика сновидений в том виде, который был привычен для меня, закончилась. Когда я в следующий раз встретился с доном Хуаном, он поручил руководство надо мной двум членам своей партии: Флоринде и Зулейке. Они являлись его ближайшими соратниками. Их инструкции касались не только врат сновидения, но были посвящены и различным путям использования энергетического тела, но все это не имело для меня особой важности, так как наше общение было достаточно непродолжительным. У меня создалось впечатление, что они скорее были заинтересованы в том, чтобы проэкзаменовать меня, чем в обучении чему-либо.

— Не осталось больше ничего, чему я мог бы научить тебя о сновидениях, — сказал дон Хуан, отвечая на мой вопрос о положении дел.

— Мое время на этой земле закончилось. Но остается Флоринда. Она теперь единственная, кто будет направлять не только тебя, но и всех остальных моих учеников.

— Будем ли мы с ней продолжать мою практику сновидения?

— Этого не знаю ни я, ни она. Все зависит от духа. Реального игрока. Мы не играем сами по себе. Мы просто пешки в его руках. Следуя предначертаниям духа, я должен сказать тебе, что представляют из себя четвертые врата сновидения, хотя направлять тебя я больше не смогу.

— Я не понимаю, какой тогда смысл разжигать мой интерес?

— Дух не оставляет решать это ни тебе, ни мне. Я должен описать тебе четвертые врата сновидения, нравится мне это или нет.

Дон Хуан объяснил, что в четвертых вратах сновидения тело энергии путешествует в особые конкретные места, и что существуют три пути использования четвертых врат: первый — путешествовать в определенные места этого мира, второй — путешествовать в определенные места за пределами этого мира, и третий — путешествовать в те места, которые существуют только в намерении других. Он отметил, что последний путь наиболее трудный и опасный из всех и, более того, является склонностью древних магов.

И что же, по-твоему, мне делать с этим знанием? — спросил я.

— В данный момент — ничего. Просто отложи его, пока не понадобится.

— Ты хочешь сказать, что я смогу пересечь четвертые врата сновидения самостоятельно, без всякой помощи?

— Сможешь ты это сделать или нет — зависит от духа.

Он резко оборвал тему, и в результате у меня отнюдь не создалось впечатления, что я смогу достичь и пересечь четвертые врата самостоятельно.

Затем дон Хуан назначил мне последнюю встречу, для того, чтобы, как он сказал, устроить мне магические проводы: заключительный пункт в моей практике сновидения. Он сказал, что мы встретимся с ним в небольшом городке в Южной Мексике, где жил он и члены его партии магов.

Я прибыл туда после полудня. Мы с доном Хуаном сидели в патио его дома на каких-то неудобных плетеных стульях, покрытых толстыми подушками. Дон Хуан посмеивался и подмигивал мне. Стулья были подарком одного из женских воинов его партии, и мы просто

должны были сидеть так, словно нас ничто не беспокоит, особенно его. Стулья были куплены в Фениксе, штат Аризона, и с большими сложностями переправлены в Мексику.

Дон Хуан попросил прочесть ему стихотворение Дилана Томаса, которое, по его словам, в данный момент больше всего подходило к моему состоянию:

Я стремился уйти
От лжи, подобной шипенью змеи
И непрерывный плач старого ужаса
Становящийся день ото дня все невыносимее
Стекает через холм в пучину моря...

Я стремился уйти, но я боюсь;
Немного жизни, еще нерастраченной, может взорваться
В границах старой лжи, горящей на земле,
И, потрескивая в воздухе, оставить меня полуслепшим.

Дон Хуан встал и сказал, что он собирается прогуляться по площади в центре города. Он предложил мне присоединиться к нему. Я тут же решил, что стихотворение как-то ухудшило его настроение, и ему необходимо развеять его.

Мы дошли до площади, не говоря, друг другу ни слова. Несколько раз мы обошли ее, все еще продолжая молчать. Возле магазинов на улицах, обращенных в сторону восточной и северной сторон парка, околачивалось несколько прохожих. Все улицы, окружавшие парк, были вымощены кое-как. Они были застроены массивными, одноэтажными кирпичными домами с черепичными кровлями, белыми стенами и окрашенными в синий или коричневый цвет дверями. На боковой улочке в квартале от площади угрожающе вздымались над крышей единственной в городе гостиницы высокие стены громадной колониальной церкви, похожей на марокканскую мечеть.

На южной стороне располагались два ресторана, которые существовали бок о бок, необъяснимым образом процветая в таком соседстве, хотя в них готовили практически одни и те же блюда и по одинаковым ценам.

Я наконец нарушил молчание, спросив дона Хуана, не находит ли он странным, что оба ресторана были практически одинаковыми.

— В этом городе возможно все, — ответил дон Хуан.

Что-то в его голосе вызвало у меня ощущение сильного дискомфорта.

— Почему ты так нервничаешь? — спросил он с серьезным выражением лица. — Ты знаешь, что-нибудь, о чем не говоришь мне?

Почему я нервничаю? Смешно. Я всегда нервничаю рядом с тобой, дон Хуан. Иногда сильнее, чем другие.

Казалось, он прилагал значительные усилия, чтобы не рассмеяться.

— Нагвали не самые дружелюбные существа на земле, — сказал он извиняющимся тоном. — Я научился этому весьма нелегким образом в борьбе со своим учителем, ужасающим нагвалем Хулианом. Казалось, от одного его присутствия для меня мерк дневной свет. Иногда он, бывало, фокусировался на мне, и мне тогда казалось, что моя жизнь висит на волоске.

— Ты, дон Хуан, несомненно оказываешь на меня такое же воздействие.

Он открыто рассмеялся.

— Нет, нет. Ты явно преувеличиваешь. Да по сравнению с ним я просто ангел.

— Может быть, по сравнению с ним ты и ангел, только вот у меня нет возможности сравнивать.

Он рассмеялся, а потом опять стал серьезным.

— Сам не знаю почему, но мне явно страшно, — объяснил я.

— Ты чувствуешь, что у тебя есть причина для страха? — спросил он и остановился, чтобы рассмотреть меня.

Тон его голоса и то, как он поднял брови, создавали впечатление, будто он подозревает, что я о чем-то умалчиваю. Очевидно было, что он искал случая разоблачить меня.

— Твоя настойчивость меня удивляет, — сказал я. — Мне кажется, что ты, а не я, и есть тот, кто что-то прячет в своем рукаве.

— Кое-что в моем рукаве имеется, — согласился он и усмехнулся. — Но не в этом дело. Дело в том, что в этом городе есть нечто, что ждет тебя. И ты не до конца знаешь, что это, или ты знаешь, что это, но не осмеливаешься сказать мне, или ты вовсе ничего об этом не знаешь.

— Что же меня здесь ждет?

Вместо ответа дон Хуан возобновил прогулку, и мы продолжали ходить вокруг площади в полном молчании. Мы несколько раз обошли площадь, выискивая, где бы сесть. Вскоре несколько молодых женщин встали со скамьи и ушли.

— Годами я рассказывал тебе о заблуждениях магов древней Мексики, — сказал дон Хуан, усевшись на скамью и жестом предлагая мне сесть рядом.

С горячностью человека, который рассказывает об этом впервые, он опять повторил мне то, о чем говорил много раз: что те маги, направляемые исключительно эгоистическими интересами, все свои усилия сосредоточили на совершенствовании методов, которые уводили все дальше и дальше от состояния трезвости и ментального равновесия, что они в конце концов были уничтожены, когда сложные конструкции их убеждений и методов стали настолько громоздкими, что они были просто не способны поддерживать их дальше.

Конечно, маги древности жили и множились в этих местах, — сказал он, наблюдая за моей реакцией. — Здесь, в этом городе. Этот город на самом деле был построен на развалинах одного из их городов. Здесь, именно в этом месте маги древности и совершали все свои деяния.

— Ты это знаешь наверняка, дон Хуан?

— Очень скоро ты будешь знать это так же точно.

Мое возросшее беспокойство заставило меня делать то, чего я не выносил: начать фокусироваться на себе. Дон Хуан, видя мое раздражение, подлил масла в огонь.

— Очень скоро мы узнаем, кто тебе больше нравится: древние маги или современные.

— Что за удовольствие тебе пугать меня этими странными и зловещими разговорами, — запротестовал я.

Общение с доном Хуаном в течение тринадцати лет, помимо всего прочего, приучило меня рассматривать панику как фактор, обычно сопутствующий скорому возникновению какой-то очень важной ситуации.

Дон Хуан, казалось, колеблется. Я заметил, что он украдкой бросает взгляды на церковь. Он даже казался рассеянным. Когда я заговорил с ним, он, казалось, не услышал моих слов. Я повторил свой вопрос.

— Ты ждешь кого-нибудь?

— Да, сказал он. — Можешь не сомневаться, жду. Ты поймал меня на сканировании окружающего пространства моим энергетическим телом.

— И что ты почувствовал, дон Хуан?

— Мое энергетическое тело чувствует, что все на своих местах. Пьеса начинается вечером. Ты — главный герой. Я характерный актер с маленькой незначительной ролью. Мой выход — в первом акте.

— Что ты имеешь в виду?

Он не ответил мне, улыбнувшись с видом человека, который знает, но не говорит.

— Я готовлю почву, — сказал он, — так сказать, разогревая тебя, втолковывая идею о том, что современные маги извлекли серьезный урок. Они поняли, что только в случае, если они будут полностью отрешенными, они могут получить энергию и стать свободными. Это особый вид отрешенности, который рождается не из страха или праздности, но из уверенности.

Дон Хуан умолк и встал, вытянув руки перед собой в стороны, а затем за спину.

— Сделай то же самое, — посоветовал он мне. — Это снимает скованность, а тебе нужно быть очень собранным перед лицом того, что предстоит тебе вечером.

Он широко улыбнулся.

— Этим вечером к тебе придет или полная отрешенность или абсолютное индальгирование. Это тот выбор, который должен сделать каждый нагваль моей линии.

Он опять сел и сделал глубокий вдох. То, что он сказал, похоже, забрало всю его энергию.

— Я думаю, что способен понять отрешенность и индальгирование, — продолжал он, — потому что знал двух нагвалей: моего бенефактора, нагваля Хулиана, и его учителя, нагваля Элиаса. Я видел различие между ними. Нагваль Элиас был отрешенным до такой степени, что мог отказаться от дара силы. Нагваль Хулиан тоже был отрешенным, но не настолько, чтобы отказаться от такого дара.

— Судя по тому, что ты говоришь, — заметил я, — я мог бы сказать, что сегодня вечером ты готовишь меня к какому-то испытанию. Это правда?

— У меня нет власти подвергать тебя испытаниям какого бы то ни было рода, но у духа она есть.

Он сказал это с усмешкой, а затем добавил:

— Я просто его проводник.

— Что дух собирается сделать для меня, дон Хуан?

— Я могу только сказать, что сегодня вечером ты получишь урок в сновидении так, как это бывало обычно, но это будет урок не от меня. Кое-кто другой собирается быть твоим учителем и гидом этим вечером.

— И кто же это?

— Тот, кто может оказаться для тебя полной неожиданностью, — или не будет неожиданностью вовсе.

— Какого типа урок сновидения я получу?

— Это урок о четвертых вратах сновидения. И он состоит из двух частей. Первую я тебе вскоре объясню. Вторую часть объяснить тебе не сможет никто, потому что это нечто, касающееся только тебя лично. Все нагвали моей линии получали такой урок из двух частей. Но все они были разные: они всегда в точности соответствуют особенностям личности каждого нагвала.

— Твое объяснение совершенно не помогает мне, дон Хуан. Я только еще больше нервничаю.

Мы долго молчали. Я был испуган, не мог успокоиться и не знал, что сказать, чтобы это не выглядело жалко.

— Как ты уже знаешь, способность современных нагвалей непосредственно ощущать энергию — это дело личного достояния, — сказал дон Хуан. — Мы управляем точкой сборки посредством самодисциплины. Для древних магов перемещение точки сборки было следствием подчинения другим — их учителям, которые осуществляли эти перемещения темными способами и представляли их своим ученикам как дары силы.

— Что-то сделать для нас может только тот, кто обладает большей, чем у нас, энергией, — продолжал он. — Например, нагваль Хулиан мог превращать меня по своему желанию в кого угодно: от дьявола до святого. Но он был безупречным нагвалем и позволял мне быть собой. Древние маги не были безупречными, и посредством непрерывных усилий достигали контроля над другими, создавая ситуации, полные ужаса и мрака, которые передавались от учителя к ученику.

Он поднялся и внимательно осмотрелся по сторонам.

— Как видишь, этот город невелик, — продолжал он, — но для воинов моей линии он имеет неповторимое очарование. Здесь находится источник того, что мы есть, и источник того, чем мы не хотим быть. Мое время заканчивается и я должен передать тебе определенные мысли, рассказать тебе определенные истории, привести тебя в контакт с определенными сущностями, так же, как это делал со мной мой бенефактор.

Дон Хуан сказал, что, как мне это уже хорошо известно — все, чем он является и все, что он знает, — наследие его учителя, нагвала Хулиана. В свою очередь, тот унаследовал все от своего учителя, нагвала Элиаса. Нагваль Элиас — от нагвала Розендо; тот — от нагвала Лухана, нагваль Лухан — от нагвала Сантистебана, нагваль Сантистебан — от нагвала Себастьяна.

Он повторил мне очень официальным тоном то, что объяснял уже не раз: что перед нагвалем Себастьяном было еще восемь нагвалей, но те были совсем другими. Они по-другому относились к магии, иначе понимали ее, хотя оставались при этом в русле все той же магической линии.

— Ты должен вспомнить теперь и повторить мне все, что я говорил тебе о нагвале Себастьяне, — потребовал он.

Его просьба показалась мне странной, но я повторил все то, о чем не раз слышал от него самого или членов его отряда о нагвале Себастьяне и мифологическом маге древности, бросившем вызов смерти, известного всем им как «арендатор».

— Ты знаешь, что «бросивший вызов смерти» каждое поколение делает нам дары силы, — сказал дон Хуан, — и именно особая природа этих даров силы стала тем фактором, который изменил само направление нашей линии.

Он объяснил, что арендатор, будучи магом старой школы, обучился у своих учителей всем сложностям перемещения своей точки сборки. Так как тысячи лет странной жизни и осознания — это время, достаточное для совершенствования чего угодно, — теперь он знает, как достичь и удержать сотни, если не тысячи, позиций точки сборки.

Его дары одновременно являются как планом для перемещения точки сборки в особые места, так и руководством по удержанию ее в избранных позициях, достигая таким образом состояния соответствия.

Это был пик артистичности дона Хуана. Я никогда не видел его более драматичным. Если бы я не знал его столь хорошо, я бы поклялся, что, судя по интонациям его голоса, он охвачен глубоким страхом или беспокойством. Его жесты могли бы создать у меня впечатление, что он актер, с совершенством изображающий нервозность и озабоченность.

Дон Хуан внимательно посмотрел на меня и, словно делая тайное признание, сообщил мне, что, к примеру, нагваль Лухан получил от арендатора в дар не менее пятидесяти

позиций. Он ритмически покачивал головой, как бы молча призывая меня обратить внимание на то, что он только что сказал. Я молчал.

Пятьдесят позиций! — воскликнул он драматически. — Даже дара в виде одной или, самое большее, двух позиций точки сборки было бы более чем достаточно.

Он пожал плечами как бы в замешательстве.

— Мне рассказывали, что арендатор чрезвычайно любил нагвалю Лухана, — продолжал он. Они были связаны такой тесной дружбой, что стали практически неразделимы. Мне говорили, что нагваль Лухан и арендатор часто заходили в церковь, особенно во время утренних богослужений.

Прямо здесь, в этом городе? — потрясенно спросил я.

— Именно здесь, — ответил он. — Возможно, более ста лет назад они садились именно на это место, разве что на другую скамью.

— Нагваль Лухан и арендатор в самом деле гуляли по этой площади? — снова спросил я, не в силах преодолеть свое изумление.

— Конечно! — воскликнул он. — Я взял тебя с собой сегодня вечером, потому что стихотворение, которое ты мне читал, натолкнуло меня на мысль, что пришло время для твоей встречи с арендатором.

Паника охватила меня как степной пожар. Я стал задыхаться.

— Мы обсудили странные достижения древних магов, — продолжал дон Хуан. — Но всегда тяжело воспринимать объяснения, не имея собственного знания. Я могу повторять тебе снова и снова до самого судебного дня то, что является абсолютно ясным для меня, но остается недоступным для твоего понимания или веры, потому что у тебя нет практического знания об этом.

Он поднялся и оглядел меня с головы до ног.

Пойдем в церковь, — сказал он. — Арендатор любит церковь и ее окрестности. Я уверен, что сейчас самое время пойти туда.

За время нашего знакомства с доном Хуаном так страшно мне было всего несколько раз. Я оцепенел. Когда я все-таки встал, все мое тело дрожало. Живот стянуло в узел. Однако я молча пошел за ним в сторону церкви; колени дрожали и ноги буквально подгибались на каждом шагу. К тому времени, когда мы прошли квартал от площади и подошли к сложенным из известняка ступеням, ведущим в церковь, я был близок к обмороку. Для поддержки дон Хуан был вынужден обхватить меня за плечи.

— Арендатор здесь, — сказал он так просто, как будто сообщал о старом друге.

Я посмотрел в том направлении, куда он указал, и увидел группу из пяти женщин и трех мужчин в дальнем конце галереи. На первый брошенный мною быстрый и панический взгляд, в тех людях не было ничего необычного. Я даже не мог сказать, заходили они в церковь или выходили из нее. Однако я заметил, что они не составляют единой группы. Они оказались там вместе случайно.

К тому моменту, как мы с доном Хуаном подошли к маленькой двери, врезанной в массивные деревянные ворота церкви, три женщины вошли в церковь. Трое мужчин и две другие женщины уходили. Я в замешательстве посмотрел на дону Хуана, ожидая указаний.

Движением подбородка он обратил мое внимание на чашу со святой водой.

Мы должны соблюдать обычаи и перекреститься, — прошептал он.

— Где арендатор? — тоже шепотом спросил я.

Дон Хуан погрузил кончики пальцев в воду и перекрестился. Повелительным жестом подбородка он заставил меня сделать то же самое.

— Был ли арендатор одним из троих мужчин, которые вышли? — прошептал я ему на ухо.

— Нет, — шепнул он в ответ. — Арендатор — одна из трех женщин, которые остались. Она там, сзади.

В этот момент женщина в заднем ряду повернула ко мне голову, улыбнулась и кивнула.

Одним прыжком я оказался у двери и выбежал наружу. Дон Хуан выбежал вслед за мной. Он догнал меня с невероятной ловкостью и схватил за руку.

— Куда это ты собрался? — спросил он.

Все его лицо и тело сотрясались от смеха.

Он крепко держал меня за руку, пока я жадно глотал воздух и самым настоящим образом задыхался. Приступы смеха накатывали на него, как океанские волны. Я рванулся в сторону и бросился в сторону площади. Он последовал за мной.

— Я никогда не подумал бы, что это до такой степени выведет тебя из себя, — сказал он, сотрясаясь от нового приступа смеха.

— Почему ты не говорил мне, что арендатор — женщина?

— Тот маг — это бросивший вызов смерти, — сказал он торжественно. — Для мага, столь опытного в перемещениях точки сборки, быть мужчиной или женщиной — дело выбора или удобства. Это та первая часть урока сновидения, о которой я тебе говорил, и бросивший

вызов смерти и есть тот таинственный посетитель, который собирается провести тебя через него.

От смеха он закашлялся и схватился за бока. Я оцепенел. Затем меня охватил приступ ярости. Это было не бешенство по отношению к дону Хуану, к себе или к кому-либо — мою грудь переполнила какая-то холодная подступившая к горлу ярость, готовая взорвать меня.

— Давай вернемся в церковь, — закричал я, не узнавая своего голоса.

— Сейчас, сейчас, — сказал он тихо. — Не спеши бросаться в огонь. Подумай. Взвесь. Определись. Успокойся, остынь. Никогда в жизни тебе еще не приходилось проходить такое испытание. Сейчас тебе нужно спокойствие.

— Я не могу сказать тебе, что делать, — продолжал он. — Как всякий нагваль, я поверну тебя лицом к твоей задаче, предварительно рассказав тебе косвенным образом кое-что имеющее отношение к предстоящему делу. Это еще один прием нагвалей: говорить обо всем, ничего не говоря или спрашивать, не спрашивая.

Я хотел побыстрее покончить с этим, но дон Хуан сказал, что небольшая пауза придаст мне уверенности в себе. У меня подгибались колени. Дон Хуан заботливо усадил меня на обочину и сел рядом со мной.

— Первая часть урока сновидения сводится к вопросу о том, что быть мужчиной или женщиной не означает окончательности этого состояния, а является результатом особого расположения точки сборки, — сказал он. — Это происходит в результате напряжения воли и тренировок. Поскольку эта тема была близка сердцам древних магов, — только они одни могут пролить свет на это.

Возможно потому, что мне ничего иного не оставалось делать, я стал возражать дону Хуану.

— Я не могу согласиться с этим и поверить тому, о чем ты говоришь, — сказал я, почувствовав, как жар приливает к лицу.

— Но ты видел женщину, — возразил дон Хуан. — Ты считаешь, что это только фокус?

— Я не знаю, как мне к этому отнестись.

— Это существо в церкви — реальная женщина, — убедительно произнес он.

— Почему это так тебя волнует? Тот факт, что она родилась мужчиной, лишь подтверждает силу колдовских деяний старых магов. Это не должно удивлять тебя. Ведь ты сам являешься ярким примером олицетворения всех принципов магии.

Мое нутро было готово разорваться от напряжения. Дон Хуан с упреком заметил, что я люблю спорить. С едва сдерживаемым нетерпением, но с особым пафосом я объяснял ему биологические основы различия мужского и женского организмов.

— Я все это понимаю, — сказал он. — И в этом ты прав. Но твоя ошибка в том, что ты пытаешься сделать свои оценки универсальными.

— То, о чем мы говорим, — это основополагающие принципы, — закричал я. — И они соответствуют человеку здесь или в любом другом месте во вселенной.

— Правильно. Правильно, — сказал он спокойным голосом. — Все, что ты говоришь, верно лишь тогда, когда твоя точка сборки остается в обычной позиции. Но в тот момент, когда она смещается в пределах определенных границ, и наш обычный мир больше не существует, — ни один из принципов, которые ты отстаиваешь, не имеет того значения, о котором ты говоришь.

Твоя ошибка заключается в том, что ты забываешь: бросивший вызов смерти переступает эти пределы тысячи и тысячи раз. Не надо быть гением, чтобы понять, что арендатор не связан больше теми силами, которыми пока еще связан ты.

Я объяснил ему, что мое недоверие, если это можно назвать недоверием, относится не к нему лично, но вызвано тем, что практическая сторона магии, о которой мы говорим, до сего времени выглядела для меня настолько отвлеченной, что я никогда не рассматривал ее как реальную возможность. Я повторил, что на своем собственном опыте я действительно убедился, что именно в сновидении возможно все. Я напомнил, что сам же он и культивировал во мне подобную идею наряду с требованием остановки внутреннего диалога. Но то, что он рассказывал об арендаторе, не укладывалось в привычные рамки. Это было бы нормальным для тела сновидения, но не должно было иметь никакого отношения к действиям в обычном мире. Я дал ему понять, что подобная версия была для меня противоестественной и потому неприемлемой.

Откуда такая реакция непримиримости? — спросил он, улыбаясь.

Его вопрос застал меня врасплох. Я был в растерянности.

— Я думаю, что это претит моей сущности, — предположил я. И именно это я и имел в виду. Мысль о том, что женщина в церкви была мужчиной, вызывала во мне отвращение.

В моей голове вертелась мысль: возможно, арендатор — просто травести. Я серьезно спросил об этом дону Хуану. Он так рассмеялся, что, казалось, не сможет остановиться.

— Такая возможность слишком земная, — сказал он. — Может быть, твои прежние друзья могли делать такое. Твои теперешние друзья более изобретательны и менее склонны к мастурбации. Я повторяю — это существо в церкви — женщина. Это «она». И у нее есть все органы и атрибуты женщины.

Он ехидно улыбнулся. — Тебя всегда привлекали женщины, не так ли? Похоже, что эта ситуация — для тебя, как по заказу.

Его радость была столь по-детски откровенной, что заразила и меня. Мы рассмеялись вместе. Он — неудержимо, я — понимающе.

Затем я принял решение. Я встал и громко заявил, что у меня нет желания иметь дело с арендатором ни в каком состоянии. Я решил пренебречь всем этим и вернуться в дом дон Хуана, а затем — к себе домой.

Дон Хуан сказал, что он ничего не имеет против моего решения, и мы направились назад к его дому. Мои мысли бешено скакали. Правильно ли я поступаю?

Убегаю ли я от страха? Конечно, я сразу расценил свое решение как правильное и неизбежное. В конце концов, убеждал я себя, меня не интересуют приобретения, а дары арендатора напоминали приобретение собственности. Было много вопросов, которые я мог бы задать бросившему вызов смерти.

Мое сердце стало биться так сильно, что я почувствовал его пульсацию в желудке. Внезапно это биение сменилось голосом эмиссара. Он нарушил свое обещание не вмешиваться и сказал, что невероятная сила учащает биение моего сердца, чтобы заставить меня вернуться в церковь. Идти в дом дон Хуана означало — идти к смерти.

Я остановился и быстро сообщил дону Хуану слова эмиссара:

— Это правда?

— Боюсь, что да, — застенчиво согласился он.

— Почему ты сам не сказал мне, дон Хуан? Ты хотел, чтобы я умер, потому что считал меня трусом? — спросил я, приходя в ярость.

— Так ты не умрешь. Твоя телесная энергия имеет бесконечные ресурсы. И мне никогда не приходило в голову, что ты трус. Я уважаю твои решения, и меня совершенно не интересует, что движет их принятием.

Ты в конце пути, так же, как и я. Так будь настоящим нагвалем. Не стыдись самого себя. Я думаю, что если бы ты был трусом, ты бы умер от страха много лет назад. Но если ты боишься встретиться с бросившим вызов смерти, тебе лучше умереть, чем встретиться с ним. В этом нет стыда.

— Давай вернемся назад в церковь, — сказал я как можно спокойнее.

— Сейчас мы приближаемся к самому главному! — воскликнул дон Хуан. — Но сначала давай вернемся в парк, присядем на скамью и тщательно продумаем варианты твоих действий. Мы можем выиграть время; к тому же не стоит слишком спешить к тому, что находится рядом.

Мы вернулись в парк, тут же нашли незанятую скамью и сели.

— Ты должен понять, что только ты сам можешь принять решение, встречаться или не встречаться с арендатором, принять или отвергнуть его дар силы, — сказал дон Хуан. — Но твоё решение должно быть высказано женщине в церкви наедине; иначе оно не будет иметь силы.

Дон Хуан сказал, что дары арендатора необычайны, но плата за них огромна. И сам он не одобряет ни дары, ни цену.

Перед тем, как ты примешь настоящее решение, — продолжал дон Хуан, — ты должен знать все детали наших действий с этим магом.

— Лучше бы мне больше об этом не слышать, дон Хуан, — взмолился я.

— Ты обязан знать, — сказал он. — Как же иначе ты примешь решение?

— Не кажется ли тебе, что чем меньше я буду знать об арендаторе, тем будет лучше для меня?

— Нет. Не дело прятать голову под крыло, чтобы не видеть опасности. Это момент правды. Все, что ты сделал и испытал в мире магов, привело тебя к нему. Я не хотел этого говорить, потому что знал, — тебе скажет об этом твоя телесная энергия; но нет пути избежать того, что предназначено. Даже через смерть. Ты понял? — Он потряс меня за плечо. — Ты понял? — повторил он.

Я понял так хорошо, что попросил его, если это возможно, помочь мне сменить уровень осознания, чтобы уменьшить мой страх и дискомфорт. Я чуть не подпрыгнул, когда он взорвался своим «нет».

— Ты должен встретить бросившего вызов смерти хладнокровно и как нечто давно ожидаемое, — продолжал он. — Ты можешь сделать это только по собственному убеждению.

Дон Хуан стал спокойно повторять мне все, что уже рассказывал о бросившем вызов смерти. По мере того как он говорил, я понял, что мое замешательство отчасти является результатом

его манеры использовать слова. Он переводил «бросивший вызов смерти» на испанский как «el desafiante de la muerte», и «арендатор» как «el inquilino», причем оба автоматически указывали на то, что речь идет о женщине. Но описывая взаимоотношения между арендатором и нагвалями своей линии, дон Хуан продолжал путать мужской и женский род в испанском языке, вызывая у меня чувство замешательства.

Он сказал, что, как предполагается, арендатор будет расплачиваться за энергию, которую он забирает у нагвалей нашей линии, но чем бы он ни заплатил, — это будет связывать магов на поколения. После того, как со всех этих нагвалей взята плата энергией, женщина в церкви обучает их, как в точности расположить их точку сборки в определенных особых положениях, которые она выбирает сама. Другими словами, она связывает каждого из этих людей с даром силы, представляющим собой предварительно выбранную особую позицию точки сборки и всего, что ей сопутствует.

— Что ты имеешь в виду под «тем, что ей сопутствует», дон Хуан?

— Я имею в виду негативные результаты этих даров. Женщина в церкви индугирует в высшей степени. В этой женщине нет сдержанности и умеренности. Например, она обучала нагваля Хулиана, как расположить свою точку сборки в таком положении, как у нее — женщины. Эти уроки для моего бенефактора, который был неисправимым сластолюбцем, стали чем-то вроде вина для пьяницы.

Но разве для каждого из нас не является правилом нести ответственность за то, что мы делаем?

— Да, конечно. Однако это совсем не так просто. И умышленно увеличивать эти сложности, как делает эта женщина, — значит только создавать ненужное давление.

— Почему ты думаешь, что женщина в церкви делает это умышленно?

— Так она поступала с каждым из нагвалей моей линии. Если мы посмотрим на себя честно и беспристрастно, нам придется согласиться с тем, что бросивший вызов смерти своими дарами превратил нас в линию очень индугирующих и зависимых магов.

Меня начали раздражать постоянные несоответствия в его речи при использовании мужского и женского рода.

— Ты должен говорить об этом маге или как о мужчине, или как о женщине, но не как об обоих сразу, — резко сказал я. — Я не столь пластичен, и твое произвольное использование грамматического рода вызывает у меня нарастающее чувство дискомфорта.

— Мне самому не по себе, — признался он. — Но что поделать, если бросивший вызов смерти действительно является и тем и другим — и женщиной, к мужчиной. Я никогда не мог по-настоящему привыкнуть к этому. Я уверен, что и ты должен чувствовать себя так же, ведь ты уже видел его как мужчину.

Дон Хуан напомнил мне о том, как однажды, много лет назад, он взял меня на встречу с бросившим вызов смерти, и я увидел мужчину — странного индейца, не молодого и не старого, очень хрупкого телосложения. Больше всего мне запомнился его странный акцент и одна необычная метафора, которую он использовал, описывая вещи.

Он говорил: «mis ojos se pasearon» — «мои глаза идут вперед». Например, он говорил: «Мои глаза идут вперед на шлемы испанских завоевателей».

Воспоминание об этом было столь мимолетным, что мне всегда казалось, что встреча продолжалась лишь несколько минут. Но позднее дон Хуан сказал мне что я пробыл с бросившим вызов смерти целый день.

— Я предполагал, что тогда, много лет назад, ты сам назначил встречу с бросившим вызов смерти, — продолжал дон Хуан, — поэтому и пытался вывести у тебя, знаешь ли ты о том, что происходило.

— Ты был обо мне слишком высокого мнения, дон Хуан. От такого предположения рехнуться можно. Как тебе могла прийти в голову такая идея?

— Мне показалось, что бросившему вызов смерти ты понравился. А это значит, что уже тогда он мог наделить тебя даром силы, хотя ты этого и не помнишь. Либо он мог назначить тебе встречу, приняв облик женщины. Я даже подозревал, что она дала тебе точные инструкции.

Дон Хуан заметил, что бросивший вызов смерти, определенно являясь существом ритуальных привычек, неизменно встречал нагвалей нашей линии сначала в облике мужчины, как это случилось с нагвалем Себастьяном, а впоследствии — в облике женщины.

— Почему ты называешь дары бросившего вызов смерти дарами силы? И в чем тут тайна? — спросил я. — Ведь ты и сам можешь перемещать свою точку сборки куда угодно, разве не так?

— Это дары силы, потому что они являются продуктом особого знания магов древности, — сказал он. — Это тайна, потому что никто на этой земле, кроме бросившего вызов смерти, не может явить нам пример таких знаний. Я, конечно, могу расположить свою точку сборки там, где хочу, внутри или за пределами энергетической формы человека. Но чего я не могу, и что

подвластно лишь бросившему вызов смерти, — это знать, что нужно делать с моим энергетическим телом в каждом из этих положений с тем, чтобы достигнуть полного восприятия, полного единства.

Затем он объяснил, что современные маги не знают особенностей многих тысяч возможных позиций точки сборки.

— О каких особенностях ты говоришь? — спросил я.

— Особые способы обращения с энергетическим телом, направленные на достижение прочной фиксации отдельных позиций точки сборки, — ответил он.

Он привел в пример себя. Он сказал, что дар силы, полученный им от бросившего вызов смерти, заключался в знании позиции точки сборки вороны и способах манипуляции своим энергетическим телом для достижения полного восприятия себя вороной. Дон Хуан объяснил, что полное восприятие и полное отождествление — это то, чего старые маги добивались любой ценой, и что в случае с его собственным даром силы полное восприятие пришло к нему в результате постепенного процесса обучения, шаг за шагом, как учатся работать на очень сложной машине.

В дальнейшем дон Хуан объяснил, что большинство сдвигов точки сборки, осуществляемые современными магами, — это незначительные сдвиги в пределах тонкого пучка светящихся энергетических волокон внутри светящегося яйца; пучка, называемого «человеческой полосой», или просто человеческим аспектом энергии вселенной. За пределами этого пучка, но все еще в пределах светящегося яйца, располагается сфера глубоких сдвигов. Когда точка сборки смещается в любое место этой сферы, восприятие для нас все еще возможно, но для абсолютного постижения требуется крайне детальные процедуры.

— Неорганические существа попросту надували вас с Кэрл Тиггс в вашем последнем путешествии, якобы помогая вам при попытке достигнуть абсолютного слияния, — сказал дон Хуан. — Они сместили ваши точки сборки в максимально отдаленное место, помогая вам воспринимать так, словно вы находитесь в своем повседневном мире. Это почти невозможная вещь. Для такого восприятия магу требуются или практические знания, или могущественные друзья.

Твои друзья в конце концов предали бы вас с Кэрл, и вам пришлось бы учиться практическим способам борьбы за выживание в этом мире. В результате вы оба до краев бы наполнились прагматизмом, уподобившись в этом наиболее знающим магам древности.

— Каждый глубокий сдвиг точки сборки требует особой проработки, — продолжал он, — которую современные маги могли бы изучить, если бы знали, как фиксировать точку сборки на довольно длительное время при любом таком сдвиге. Только маги древности обладали необходимыми для этого особыми знаниями.

Дон Хуан продолжал объяснять, что знание особых действий, необходимых для таких сдвигов, не были доступны восьми нагвалям нашей линии, предшествовавшим нагвалю Себастьяну. Затем арендатор продемонстрировал нагвалю Себастьяну возможность достигнуть полного восприятия в десяти новых позициях точки сборки.

Нагваль Сантистебан получил семь, нагваль Лухан — пятьдесят, нагваль Розендо — шесть, нагваль Элиас — четыре, нагваль Хулиан — шестнадцать. Сам он получил две. Всего это составило девяносто особых позиций точки сборки, известных его линии.

Он сказал, что на вопрос, считает ли он это преимуществом, он ответил бы «нет», потому что под тяжестью этих даров наша линия явно сместилась в сторону настроения древних магов.

— Сейчас твоя очередь встретиться с арендатором, — продолжал он. — Возможно, что дары, которые он тебе даст, станут последней каплей, после чего наша линия окончательно погрузится во мрак, поглотивший магов древности.

— Это ужасно болезненно, — сказал я.

— Я тебе искренне сочувствую, — серьезно ответил он. — Знаю, что тебя не успокоит, если я скажу тебе, что это самое серьезное испытание для современного нагваля. Встреча с таким древним и таинственным существом как арендатор вызывает не столько страх, сколько отвращение. Так, по крайней мере, было со мной, и это факт.

— Почему я должен пойти на это, дон Хуан?

— Потому что, сам того не зная, ты уже принял вызов бросившего вызов смерти. За время твоего ученичества я подготовил тебя к этой встрече незаметно для тебя самого, точно так же, как это проделал со мной мой учитель.

— Я прошел через такой же ужас, только, пожалуй, в чуть более грубой форме. — сказал он, посмеиваясь. — Нагваль Хулиан был мастер на жестокие шутки. Он сказал мне, что одна очень красивая и пылкая вдова влюблена в меня до безумия. Нагваль часто брал меня с собой в церковь, и я видел там женщину, подолгу смотревшую на меня. Она показалась мне

красивой. Я был молодым невежей, и когда нагваль сказал, что она любит меня, я в это поверил. Меня ожидало сильное разочарование.

Я с трудом удержался от смеха при жесте дон Хуана, означавшем потерю им невинности. Затем меня поразила мысль о том, что положение, в котором он оказался, было совсем не смешным, — оно было просто страшным.

— Ты уверен, дон Хуан, что эта женщина была арендатором? — спросил я, все еще надеясь, что это ошибка или плохая шутка.

— Я совершенно уверен, — сказал он. — Кроме того, даже если бы тогда я и был таким тупым, чтобы забыть арендатора, мое видение не может меня подвести.

— Имеешь ли ты в виду, дон Хуан, что арендатор обладает иным типом энергии?

— Нет, не иным типом энергии, но, без сомнения, другими признаками энергии, что отличает его от нормального человека.

— Ты абсолютно уверен, что та женщина — арендатор? — настаивал я, почувствовав внезапный прилив отвращения и страха.

— Эта женщина была арендатор! — воскликнул дон Хуан тоном, не терпящим возражения.

Некоторое время мы сидели молча. Я ожидал следующего прилива неопишуемой паники.

Я уже сказал тебе, что быть натуральным мужчиной или натуральной женщиной является вопросом положения точки сборки, — сказал дон Хуан. — Но, естественно, я имел в виду того, кто родился или мужчиной или женщиной. Для видящего самая яркая часть точки сборки обращена наружу, если это женщина, и вовнутрь, — если это мужчина. Точки сборки арендатора первоначально была обращена вовнутрь, но он менял ее положение, и вращая ее, превратил свою яйцеобразную энергетическую оболочку в подобие спиралевидной раковины.

12. ЖЕНЩИНА В ЦЕРКВИ

Мы сидели в молчании. Мои вопросы иссякли, а дон Хуан, казалось, сказал мне все, что считал нужным сказать. Было никак не больше семи вечера, но площадь была против обыкновения пустынной. Вечер был теплым. По вечерам в этом городе люди обычно сновали по площади до десяти и даже одиннадцати часов.

Я воспользовался моментом затишья, чтобы осмыслить то, что со мной произошло. Мое время с доном Хуаном подходило к концу. Он и его партия были близки к осуществлению магической мечты — оставить этот мир и войти в непостижимые пространства. Основываясь на своих ограниченных достижениях в области сновидения, я верил, что их притязания были не иллюзорными, а напротив — исключительно трезвыми, хотя и противоречащими разуму. Они стремились постичь непознаваемое, и они сделали это.

Дон Хуан был прав, когда говорил, что сновидящий, вызывая систематическое перемещение своей точки сборки, раскрепощает восприятие, расширяя диапазон и масштабы того, что может быть воспринято. Для магов его партии сновидение не только открывало врата в любые воспринимаемые миры, но и готовило их ко вхождению в эти миры в полном осознании. Сновидение для них было чем-то невыразимым, беспрецедентным, чем-то таким, на что можно было лишь намекнуть, как это сделал, например, дон Хуан, когда назвал его вратами к свету и темноте во вселенной.

Им осталось сделать только одно — свести меня с бросившим вызов смерти. Я сожалел о том, что дон Хуан не позволил мне записывать, чтобы я мог лучше подготовиться. Но он был нагвалем, который в деле любой важности полагался на экспромт или вдохновение, почти ни о чем не предупреждая заранее.

На мгновение я почувствовал себя хорошо, сидя с доном Хуаном в этом парке и ожидая дальнейшего развития событий. Но затем моя эмоциональная стабильность стала улетучиваться, и я в мановение ока оказался на грани темного отчаяния. Меня захватили мелочные соображения относительно своей безопасности, своих целей, своих надежд в этом мире, своих проблем и тревог. Однако поразмыслив, я вынужден был признать, что единственное истинное беспокойство, которое у меня оставалось — это беспокойство о моих трех соратниках по миру дон Хуана. Но даже это реально не волновало меня. Дон Хуан научил их быть такими воинами, которые всегда знали, что делают, и, что самое главное, он научил их всегда знать, что делать с тем, что они знают.

Имея все возможные земные причины, чтоб испытывать муки, беспокоившие меня с давних пор, все, с чем я остался, было беспокойством за себя самого. И я без тени стыда предавался ему. Одно последнее индальгирование на дорожку: страх умереть от руки бросившего вызов смерти. Мне стало страшно до спазмов в желудке. Я пытался извиняться, но Дон Хуан рассмеялся.

— Ты не уникален в своем страхе, — сказал он. — Когда я встретил бросившего вызов смерти, я наложил в штаны. Поверь мне.

Я долго ожидал в молчании, это были тяжкие минуты.

— Ты готов? — спросил он.

Я сказал — да!

Вставая, он добавил: — Тогда идем, посмотрим, как ты сможешь выйти на линию огня.

Он направился назад в церковь. Все, что я могу вспомнить до сегодняшнего дня, — это то, как он тащил меня весь этот путь. Я не помню, как мы дошли до церкви, как вошли в нее. Дальше мне запомнилось, как я опустился на колени на длинную потертую деревянную скамью рядом с женщиной, которую заметил раньше. Она улыбалась мне. В отчаянии я оглянулся, пытаюсь найти дона Хуана, но его нигде не было. Я бы заметался, как летучая мышь, вырвавшаяся из мрака, если бы женщина не удержала меня, схватив за руку.

— Ты что, боишься меня, маленькую? — спросила меня женщина по-английски.

Я стоял, словно приклеенный к тому месту, где преклонил колени. Ее голос — вот что мгновенно приковало мое внимание. Я не могу описать, что было в этом резком звуке, проникнувшем в самые потаенные уголки моей памяти. Мне показалось, что я знал этот голос всегда.

Я остался стоять неподвижно, загипнотизированный этим звуком. Она спросила меня по-английски еще о чем-то, но я не мог понять, о чем она говорила. Она опустилась на колени справа от меня.

— Я понимаю, что такое настоящий страх. Я живу с ним.

Я только собрался заговорить с ней, когда услышал голос эмиссара у своего уха.

— Это голос Хермелинды, твоей кормилицы, — сказал он.

Единственное, что я знал о Хермелинде, — это история, рассказанная мне о том, как она была насмерть сбита грузовиком. Этот женский голос, взывавший к таким глубинам памяти, потряс меня. Я испытал мгновенное мучительное волнение.

— Я — твоя кормилица! — негромко воскликнула женщина. — Как необыкновенно! Хочешь молочка? — Смех сотрясал ее тело.

Я приложил сверх усилие, чтобы остаться спокойным, хотя чувствовал, что земля уходит из под моих ног и в следующее мгновение я потеряю сознание.

— Не обращай внимания на мои шутки, — сказала женщина низким голосом. — По правде говоря, ты мне очень нравишься. Ты переполнен энергией. Похоже, мы с тобой поладим.

Прямо перед нами опустились на колени два старика. Один из них неожиданно обернулся, странно посмотрев на нас. Она не обратила на него никакого внимания, продолжая шептать мне на ухо.

Разреши мне держать тебя за руку, — попросила она.

Однако ее просьба звучала как приказ. Я подчинился и оставил свою руку в ее, не в силах ответить нет.

— Спасибо за твое доверие и веру в меня, — прошептала она.

Звук ее голоса вверг меня в безумие. Его резкость была так необычна, так абсолютно женственна. Ни при каких обстоятельствах не смог бы я спутать его с мужским голосом, пытающимся звучать по-женски. Это был резкий голос, но не хриплый или грубый. Он более походил на хруст гравия под босыми ступнями.

Я приложил невероятное усилие, чтобы разорвать невидимую пелену энергии, которая, казалось, окутала меня. Кажется, это мне удалось. Я встреч, собираясь уходить, и я бы сделал это, но женщина тоже поднялась и прошептала мне на ухо:

— Не убегай. Мне надо так много сказать тебе.

Я автоматически сел, остановленный любопытством. Странно, но мое волнение внезапно исчезло, — пропал и мой страх. У меня даже хватило смелости спросить:

— Ты действительно женщина?

Она тихо усмехнулась, словно молодая девушка. Затем она заговорила.

— Если ты опасаясь, что я превращусь в грозного мужчину, который в состоянии причинить тебе вред, то глубоко ошибаешься, — сказала она еще более гипнотическим, странным голосом. — Ты мой благодетель. Я твоя слуга, и я была слугой всем твоим предшественникам.

Сконцентрировав всю свою энергию, я высказал ей свои мысли.

— Пожалуйста, бери мою энергию, — сказал я. — Это мой дар тебе. Но я не хочу от тебя никакого дара силы. Я так решил.

— Я не могу взять твою энергию даром, — прошептала она. — Я плачу за то, что получаю. Это сделка. Глупо отдавать свою энергию даром.

— Я был глупцом всю мою жизнь. Поверь мне, — сказал я. — Я, конечно, могу позволить себе сделать тебе такой подарок. У меня нет с этим проблем. Тебе нужна энергия — бери ее. Но я не нуждаюсь в излишествах. У меня ничего нет, и мне это нравится.

— Возможно, — сказала она задумчиво.

Агрессивным тоном я спросил, что, собственно, «возможно» — возможно взять мою энергию, или возможно ее недоверие к тому, что у «меня ничего нет, и мне это нравится».

Она довольно ухмыльнулась и сказала, что она, возможно, возьмет мою энергию, раз я столь великодушно ее предлагаю, но она должна будет расплатиться. Она должна мне отплатить чем-то равноценным.

Слушая ее, я понял, что она говорит по-испански с очень сильным и странным акцентом. Никогда в своей жизни я не слышал, чтобы кто-либо так говорил. В каждом слове она добавляла лишнюю фонему в середине слога.

— У тебя очень необычный акцент, — сказал я. — Откуда он?

— Почти из загробного мира, — сказала она и вздохнула.

Между нами установился контакт. Я понял, почему она вздохнула. Она была ближе всего к вечности, в то время как я был чем-то временным. Это было моим преимуществом. Бросившая вызов смерти загнала себя в угол, а я был свободен.

Я внимательно рассматривал ее. Казалось, что ей где-то между тридцатью пятью и сорока годами. Это была смуглая женщина, настоящая индеанка, довольно крепкая, но не толстая. Я мог видеть гладкую кожу ее рук, молодые и упругие мускулы. В ней было около пяти футов и шести или семи дюймов роста. Она была одета в длинное платье и черную шаль. Она стояла на коленях, и я мог видеть ее гладкие пятки и часть ее сильных икр. Ее талия была тонкой. У нее были большие груди, которые она не могла или, возможно, не хотела скрывать под своей шалью. Ее блестящие черные волосы были заплетены в косы. Она не была красавицей, но не была и простушкой. Ее черты ни в коей мере не были выдающимися. Я ощущал, что ничто в ней не может привлечь внимания, кроме ее глаз, обычно опущенных, прикрытых веками. Ее глаза были прекрасны, ясны и спокойны. Кроме дона Хуана, я ни у кого не видел столь сияющих и живых глаз.

От ее глаз мне стало совершенно спокойно. Такие глаза не могут быть злыми. Я ощутил прилив доверия и оптимизма и почувствовал, что я как бы знаю ее всю жизнь. Но я так же хорошо осознавал и другое — свою эмоциональную нестабильность. Это всегда беспокоило меня в мире дона Хуана, заставляя постоянно быть в подвешенном состоянии. У меня были моменты абсолютного доверия, интуитивно сопровождаемые лишь ничтожными сомнениями и недоверием. Эта ситуация не выглядела иначе. В мой подозрительный ум внезапно пришла мысль, предупреждающая меня: я попал под влияние женских чар.

— Вы начали изучать испанский недавно, не так ли? — сказал я, чтобы отделаться от своих мыслей, боясь, что она их прочтет.

— Только вчера, — отпарировала она и рассмеялась хрустальным смехом, показывая маленькие, невероятно белые зубы, сверкающие как жемчуг.

Люди повернулись и посмотрели на нас. Я опустил голову ниже, словно углубясь в молитву. Женщина придвинулась ко мне ближе.

— Есть ли здесь место, где мы могли бы поговорить? — спросил я.

— Мы разговариваем здесь, — ответила она. — Здесь я говорила со всеми нагвалями твоей линии. Если говорить шепотом, никто не услышит нашего разговора.

Я сгорал от нетерпения, желая спросить о ее возрасте. Но меня отрезвило одно мое воспоминание. Я вспомнил одного своего приятеля, который на протяжении многих лет устраивал всяческие западни, чтобы вынудить меня открыть свой возраст. Я ненавидел этот его мелочный интерес, а сейчас я сам был на грани такого же поведения. Я тотчас же отбросил эту мысль.

Я хотел ей сказать об этом, чтобы просто поддержать разговор. Казалось, что она знает, какие мысли приходят мне в голову. Она по-дружески сжала мне руку, словно затем, чтобы сказать, что наши мысли совпадают.

— Можешь ли ты вместо подарка дать мне какое-нибудь напутствие? — спросил я ее.

Она отрицательно покачала головой.

— Нет, — прошептала она. — Мы совершенно разные. Даже более разные, чем мне представлялось возможным.

Она поднялась и соскользнула со скамьи. Ловко преклонила колени, став лицом к главному алтарю. Перекрестилась и дала знак следовать за ней к большому боковому алтарю слева от нас.

Мы стали на колени перед большим Распятием. До того, как я успел что-либо сказать, она произнесла:

— Я живу очень долгое время. Причиной моей долгой жизни является мое умение контролировать сдвиги и перемещение моей точки сборки. Вместе с тем я не остаюсь слишком подолгу здесь, в вашем мире. Я должна сохранять энергию, которую я получаю от нагвалей вашего рода.

— Прикована ли ты только к этому месту, находясь в этом мире?

— Нет. Я хожу везде, где хочу.

— Ты всегда женщина?

— Я была женщиной дольше, чем мужчиной. Мне это определенно больше нравится. Я почти забыла, как быть мужчиной. Я полностью женщина!

Она взяла мою руку и заставила прикоснуться к ее промежности. Мое сердце колотилось у меня в горле. Она действительно была женщиной.

— Я не могу просто взять твою энергию, — сказала она, меняя тему. — Мы должны заключить соглашение другого рода.

На меня накатил еще одна волна бесконечного благоразумия. Я хотел спросить ее, где она жила, когда бывала в этом мире. Оказалось, что у меня не было необходимости произносить свой вопрос вслух, чтобы получить ответ.

— Ты гораздо-гораздо моложе меня, — сказала она. Но и тебе уже теперь очень непросто сообщать людям, где ты живешь. И даже если ты приводишь их в дом, за который платишь и который является твоей собственностью, — он не является тем местом, где ты живешь.

— Есть так много вещей, о которых я хотел бы спросить тебя, но мне в голову приходят лишь бестолковые мысли, — сказал я.

— Тебе не нужно о чем-либо спрашивать меня, — продолжала она. — Ты уже знаешь все, что знаю я. Тебе требуется лишь толчок, чтобы вызвать свои знания. Я дам тебе такой толчок.

Мне не только приходили в голову бестолковые мысли, но и весь я находился в состоянии такой внушаемости, что не успела она закончить говорить, что я знаю то, что знает она, как я ощутил, что я действительно знаю все, и мне не нужно больше задавать какие-либо вопросы. Смеясь, я сказал ей о своей доверчивости.

— Ты не доверчив, — авторитетно заверила она меня. — Ты знаешь все, потому что сейчас ты полностью во втором внимании. Оглядишься вокруг!

На какой-то миг я не мог сфокусировать свое зрение. Это было так, словно в мои глаза попала вода. Когда я присмотрелся, я понял, что произошло нечто зловещее. Церковь была другой, более темной, угрожающей, гнетущей. Я поднялся и ступил пару шагов к нефу. В глаза бросились скамьи; они были сделаны не из досок, а из тонких перекрученных бревен. Это были самодельные скамьи, установленные внутри величественного каменного строения. Другим стал также и свет в церкви. Он был желтоватым, и его тусклое свечение отбрасывало столь черные тени, каких мне не приходилось видеть никогда в жизни. Он исходил от свечей, горевших на многих алтарях. Я ощущал, как гармонично сочетается пламя свечей с массивными каменными стенами и росписями колониальной церкви.

Женщина смотрела на меня; сияние ее глаз было просто невероятным. Я знал, что я в сновидении, и она руководит моим сновидением. Но я не боялся ни ее, ни сновидения.

Я отошел от бокового алтаря и вновь посмотрел на неф церкви. Там на коленях стояли люди и молились. Их было много, необычно маленьких, темных и мускулистых. Я видел их склоненные перед главным алтарем головы. Один из них, стоявший ближе ко мне, смотрел на меня с явным неодобрением. Я с изумлением рассматривал людей и все вокруг. Станным образом я не слышал никакого шума. Люди двигались беззвучно.

— Я ничего не слышу, — сказал я женщине и мой голос отозвался гулким эхом, словно церковь была пустой раковиной.

Люди рядом обернулись, посмотрели на меня. Женщина потянула меня назад в темноту бокового алтаря.

— Ты будешь слышать, если перестанешь слушать своими ушами, — сказала она. — Слушай своим вниманием сновидения.

Оказалось, что мне требуются лишь ее нашептывания. Внезапно на меня нахлынул гул голосов толпы молящихся. Я был охвачен им мгновенно. Это был самый необыкновенный звук, который я когда-либо слышал. Пораженный, я хотел сообщить об этом женщине, но ее не было рядом со мной. Я искал ее взглядом. Она почти дошла до дверей. Там она обернулась, чтобы подать мне знак следовать за ней. Я догнал ее в галерее. Улицы больше не были освещены. Единственным освещением был лунный свет. Фасад церкви также стал другим; он был не достроен. Повсюду лежали квадратные блоки известняка. Вокруг церкви не было больше никаких других строений. В лунном свете эта картина выглядела жутко.

— Куда мы идем? — спросил я ее.

— Никуда, — ответила она. — Мы просто вышли на простор и безлюдье. Здесь мы можем говорить вдоволь.

Она заставила меня сесть на полу обработанный кусок известняка.

— Во втором внимании есть неисчерпаемые сокровища, которые нужно только раскрыть, — начала она. — Самым важным является то, какую начальную позицию примет сновидящий. Именно в этом заключается секрет древних магов, которые были древними уже в мое время. Подумай об этом.

Она под села ко мне так близко, что я чувствовал жар ее тела. Она положила руку на мои плечи и прижала меня к своей груди. От ее тела исходил особый аромат; он напоминал мне

запах дерева и шалфея. Это происходило не потому, что она пользовалась духами; казалось, что все ее существо издает благоухание соснового леса. И жар ее тела тоже не был таким, как у меня или у кого-либо мне известного. Ее жар был ментолово-прохладным, сдержанным. Мне пришло в голову, что этот жар не ослабевает, но и не усиливается.

Она начала шептать мне в левое ухо. Она сказала, что дары, данные ею нагвалям моей линии, связаны с тем, что древние маги обычно называли «сдвоенными позициями». Это, так сказать, начальная позиция, в которой спящий располагает свое физическое тело для сновидений, отражается в позиции, в которой он располагает в сновидении свое энергетическое тело для того, чтобы зафиксировать свою точку сборки в любом избираемом им месте.

Две позиции составляют целое, — говорила она, — и магам древности пришлось потратить тысячи лет, чтобы найти наилучший способ взаимоотношений между любыми двумя позициями. У современных видящих, — продолжала она с усмешкой, — никогда не будет времени и условий, чтобы проделать всю эту работу, и мужчинам и женщинам из твоей линии на самом деле повезло в том, что у них есть я, сделавшая им такие подарки.

Ее смех зазвучал особенно хрустально.

Я не совсем понял ее объяснения сдвоенных позиций. Я без церемоний заявил ей, что не хочу испытывать все это сам, мне достаточно знать о таких вещах как о интеллектуальной возможности.

— Что именно ты хочешь знатью — спросила она мягко.

— Объясни мне, что ты имеешь в виду под сдвоенными позициями, или начальной позицией, которую должен принять сновидящий в своем сновидении.

Как ты укладываешься для сновидений? — спросила она.

— По-разному. У меня нет определенной позы. Дон Хуан никогда не акцентировал на этом моего внимания.

— Это сделаю я, — сказала она и встала. Она изменила позицию. Сев справа от меня, она зашептала мне в другое ухо, что в соответствии с тем, что знает она, поза для сновидения имеет первостепенное значение. Она предложила проверить это на очень утонченных, но простых упражнениях.

— Начни сновидеть, расположившись на правом боку, чуть согнув ноги в коленях, — сказала она. — Правило заключается в том, чтобы сохранить эту позицию и заснуть в ней. Затем в сновидении упражнение заключается в том, чтобы видеть во сне, что ты ложишься именно в этом положении и снова засыпаешь.

— Что это дает? — спросил я.

— Это делает точку сборки неподвижной, я имею в виду, — действительно неподвижной, — в каком бы положении она не была в момент второго засыпания.

— И что будет в результате этого упражнения?

— Полное восприятие. Я уверена, твои учителя уже говорили тебе, что мои подарки — это подарки полного восприятия.

— Да. Но я думаю, что мне не совсем ясно, что означает полное восприятие, — соврал я.

Она не обратила на мои слова никакого внимания и продолжала рассказывать мне о четырех вариантах упражнения, когда погружение в сон происходит на правом боку, на левом, на спине и на животе. Затем о том, что в сновидении упражнение выполняется, чтобы приснилось второе засыпание в том же положении, в котором начался сон. Она обещала мне необычайные результаты, которые, по ее словам, невозможно предсказать.

Она внезапно изменила тему и спросила меня:

— Какой ты подарок хочешь для себя лично?

— Мне не надо никакого подарка. Я уже говорил тебе это.

— Я настаиваю. Я должна предложить тебе подарок, и ты должен принять его. Таково наше соглашение.

— Наше соглашение состоит в том, что мы даем тебе энергию. Так бери ее у меня. Это мой подарок тебе.

Женщина, казалось, была ошеломлена. Я настаивал, говоря ей, что все будет в порядке, если она возьмет мою энергию. Я даже сказал ей, что она мне необыкновенно нравится. Я не кривил душой. В женщине было нечто очень грустное и вместе с тем очень трогательное.

— Давай пойдем назад в церковь, — тихо произнесла она.

— Если ты действительно хочешь сделать мне подарок, — сказал я, — возьми меня на прогулку по этому городу при лунном свете.

Она кивнула в знак согласия.

— При условии, что ты не произнесешь ни слова, — сказала она.

— Почему? — спросил я, хотя уже знал ответ.

— Потому что мы видим сон, — сказала она. — Я возьму тебя глубоко в свое сновидение.

Она объяснила, что пока мы остаемся в церкви, у меня достаточно времени подумать и поговорить, но за пределами церкви ситуация совсем другая.

— Почему так? — дерзко спросил я.

Самым серьезным тоном, который не только сделал ее мрачнее, но и вселил в меня ужас, женщина сказала:

— Потому что за ее пределами ничего нет. Это сон. Ты находишься у четвертых врат сновидения, видя во сне мой сон.

Она сказала мне, что ее искусство заключается в способности направлять свое намерение, и все, что я вижу вокруг, происходит по ее воле. Она сказала шепотом, что церковь и город были результатом ее воображения; они существовали не существуя. Она добавила, глядя мне в глаза, что это одна из тайн намерения во втором внимании двойной позиции сновидения. Это может быть сделано, но не может быть объяснено и постигнуто.

Она сказала мне, что она происходит из линии магов, которые знали, как действовать во втором внимании, направляя свое намерение. Ее рассказ повествовал о том, что маги из ее линии владели искусством направлять свои мысли в сновидении с целью воспроизвести завершенную и правдивую картину объекта, структуры, точки, фрагмента ситуации по своему выбору.

Она рассказывала, что магии ее линии обычно начинали с того, что пристально рассматривали простой объект и запоминали каждую его деталь. Они могли затем закрыть глаза и представить объект, корректировать это визуальное представление, сравнивая с самим объектом, до тех пор, пока не видели его с закрытыми глазами полностью завершенным.

Следующим пунктом в их развивающейся схеме было сновидение с объектом и создание в сновидении полной материализации объекта с точки зрения их собственного ощущения.

— Этот акт, — сказала женщина, — называется первым шагом к абсолютному восприятию.

От простых объектов эти маги переходили к более сложным конструкциям. Конечной целью для всех них являлось визуальное представление в сновидении всего мира, и воссоздания таким образом абсолютно вероятной реальности, в которой они могли бы существовать.

— Когда кто-либо из магов моей линии приобретал способность делать это, — продолжала женщина, — он запросто мог забирать кого-либо в свое намерение, в свое сновидение. Это именно то, что я сейчас проделала с тобой, и то, что я делала со всеми нагвалями твоей линии.

Женщина захихикала.

— Ты лучше поверь в это, — сказала она так, словно я не верил. — Целые народы исчезли в таких сновидениях. Вот почему я сказала тебе, что эта церковь и этот город являются одной из тайн намерения, сконцентрированного во втором внимании.

— Ты сказала, что целые народы исчезли таким образом. Как это было возможно? — спросил я.

— Они создали визуальный образ, а затем воссоздали такую ситуацию в сновидении, — ответила она. — Ты никогда не создавал подобных визуальных образов чего-либо, поэтому тебе очень опасно входить в мое сновидение.

Затем она предупредила меня, что пойти через четвертые врата и продвигаться по местам, которые существуют лишь в чьем-то воображении — весьма рискованно, так как каждый момент такого сна должен быть абсолютно личным моментом.

— Ты все еще хочешь идти? — спросила она.

Я сказал, что да. Потом она еще кое-что рассказала мне о сдвоенных позициях. Суть ее объяснения сводилась к тому, что, к примеру, я сновижу мой родной город, и мое сновидение началось, когда я лежал на правом боку и видел сон, что я заснул. Второе сновидение не должно быть обязательно сном о моем родном городе, но быть наиболее конкретным сном, какой только можно вообразить.

Она была уверена, что в своей практике сновидения я получал бесчисленное. Множество конкретных деталей, но заверяла меня, что каждая из них скорее всего была случайностью. Потому что единственным способом полностью контролировать сны является использование техники сдвоенных позиций.

И не спрашивай меня, почему, — добавила она. — Это просто происходит. Как и все остальное.

Она заставила меня встать и снова предостерегла меня, чтобы я не разговаривал и не отставал от нее. Она нежно взяла меня за руку так, словно я — ребенок, и повела к скоплению домов, казавшихся темными силуэтами. Мы шли по булыжной мостовой. Массивные речные камни были вбиты остриями в землю. Казалось, что рабочие нарочно оставили все неровности поверхности, и не пытались ее выровнять.

Дома представляли собою большие побеленные одноэтажные грязные строения с черепичными крышами. Внутри бесцельно бродили люди. Тени внутри домов вызывали у меня такое впечатление, словно любопытные, но напуганные соседи шушукаются за дверьми. Я видел также невысокие холмы вокруг города.

В отличие от происходившего со мной в моих сновидениях, мои ментальные процессы оставались ясными. На мои мысли не влиял ход событий в сновидении. Мой разум подсказывал мне, что я находился в приснившейся версии города, в котором жил дон Хуан, но в другое время. Мое любопытство разгорелось. Я находился вместе с бросившей вызов смерти в ее сновидении. Но был ли это сон? Сама она говорила, что это был сон. Я хотел видеть все, быть сверх бдительным. Я хотел проверить все, видя энергию. Я чувствовал себя смущенным, но женщина еще крепче сжала мне руку, так, словно подавала мне знак, что согласна со мной.

Все еще чувствуя себя до абсурда робко, я машинально громко заявил о своем намерении видеть. В практике моего сновидения я использовал фразу «я хочу видеть энергию». Иногда я должен был говорить ее вновь и вновь до тех пор, пока не получал результат. На сей раз, как только я по своему обыкновению начал повторять это в городе сновидения этой женщины, она начала смеяться. Ее смех был похож на смех дона Хуана: глубокий непринужденный смех.

— Что тебя так развеселило? — спросил я, несколько обескураженный ее смехом.

— Хуан Матус не любит древних магов вообще и меня в особенности, сказала женщина в перерыве между приступами смеха. — Все, что мы должны сделать для того, чтобы видеть в наших снах, — показать своим маленьким пальцем на то, что мы хотим увидеть. Заставить тебя кричать в моем сне — это его способ направить мне свое послание. Ты должен признать, что он действительно умен.

Она на мгновение остановилась, затем продолжила с оттенком откровения:

— Ты вопишь, как дурной осел во время случки.

Чувство юмора магов привело меня в крайнее замешательство. Она смеялась так, что, казалось, уже не в состоянии была продолжать прогулку. Я чувствовал себя в глупом положении. Когда она успокоилась и к ней вернулось самообладание, она вежливо сказала мне, что я могу указать на все, что я хочу видеть в ее сновидении, включая ее саму.

Я указал мизинцем левой руки на дом. В этом доме не было энергии. Этот дом был как любой другой фрагмент в обычном сне. Я указывал на все остальное вокруг меня, результат был тот же.

— Укажи на меня, — предложила она. — Ты должен получить подтверждение, что именно этим методом сновидящие достигают видения.

И она была абсолютно права. Это был способ. В тот момент, когда я указал своим пальцем на нее, она стала сгустком энергии. Могу добавить, очень своеобразным сгустком. Ее энергетическая форма точно соответствовала тому, какой описывал ее дон Хуан; она выглядела как огромная морская раковина, закручивающаяся вовнутрь вдоль раскола, идущего по всей ее длине.

Я единственное существо, генерирующее энергию в этом сне, — сказала она. — Так что самым правильным для тебя будет просто за всем наблюдать.

В этот момент я впервые был поражен глубиной шутки дона Хуана. Он ухитрился сделать так, чтобы я выучился кричать в своем сне для того, чтобы я сумел крикнуть в плену сновидения, принадлежавшего бросившей вызов смерти. Это показалось мне настолько смешным, что я буквально задохнулся в приступе смеха.

Давай продолжим нашу прогулку, — мягко произнесла женщина, когда я перестал смеяться.

Там были лишь две улицы, которые пересекались; в каждой — по три квартала домов. Мы прошли по всей длине обеих улиц. И не раз, а четырежды. Я смотрел на все и своим слухом сновидения внимал каждому шуму. Шумов было мало, только где-то далеко лаяли собаки или шепотом разговаривали люди, когда мы проходили мимо.

Собачий лай вызвал во мне незнакомое и сильное чувство. Я должен был остановиться. Я облегченно вздохнул, прислонившись плечами к стене.

Прикосновение к стене было шокирующим, не потому что стена была необычная, а потому, что то, к чему я прикоснулся, было настоящей твердой стеной, как любая другая стена, до которой я когда-либо дотрагивался. Я почувствовал это своей свободной рукой. Я провел пальцами по ее грубой поверхности. Это действительно была стена.

Ее ошеломляющая реальность немедленно заставила меня забыть об этом необычном ощущении, и ко мне вернулся интерес к продолжению наблюдения. В особенности я искал те черты, которые соотносились бы с городом моего дня. Тем не менее, как я ни пытался, соответствий не находилось. В этом городе тоже была площадь, но она находилась перед церковью. На площадь выходила галерея.

В лунном свете холмы вокруг города были ясно видны и почти узнаваемы. Я пытался сориентироваться, наблюдая за Луной и звездами так, словно я находился в реальной повседневной жизни. Месяц был на ущербе, вероятно, был первый день после полнолуния. Он находился высоко над горизонтом. Должно быть, было между восемью и девятью часами вечера. Я видел Орион справа от Луны; две главные звезды — Бетельгейзе и Ригель — находились на одном уровне с Луной. Я определил начало декабря. Мое время было — май. В мае Орион нигде в это время суток не виден. Я смотрел на Луну очень долго. Ничего не изменилось. Это была Луна, насколько я мог судить. Несоответствие во времени очень меня взволновало.

Обследовав горизонт на юге, я подумал, что смогу различить колоколообразную вершину, которую было видно из внутреннего дворика дона Хуана. Затем я пытался определить, где может быть его дом. На мгновение мне показалось, что я нашел. Я так увлекся, что отпустил руку женщины. Тут же меня охватило невероятное волнение. Я знал, что должен возвращаться в церковь, потому что если я этого не сделаю, мне грозит уму. Я повернулся и бросился к церкви. Женщина быстро схватила мою руку и последовала за мной.

Пока мы быстрым шагом приближались к церкви, я понял, что в этом сновидении мы находились в той части города, которая была позади церкви. Если бы я принял это во внимание, возможно, я бы смог сориентироваться. Но у меня уже не хватало внимания сновидения. Я сосредоточил его остаток целиком на деталях архитектуры и орнамента задней части церкви. Я никогда не видел эту часть строения в мире обыденной жизни и подумал, что если я зафиксирую в своей памяти ее детали, то смогу сравнить их с деталями реальной церкви.

Этот план экспромтом возник в моей голове. Но что-то внутри меня презирало эти мои попытки все обосновать. На протяжении моего ученичества меня постоянно беспокоила потребность объективности, которая заставляла меня проверять и перепроверять все, что касалось мира дона Хуана. Это была не то чтобы возведенная в ранг закона необходимость, но скорее потребность использовать стремление к объективности как опору в моменты наиболее сильных противоречий в познании. Когда появлялось время, чтобы проверить то, что я намечал, — я никогда не доводил этого до конца.

В церкви мы с женщиной опустились на колени перед небольшим алтарем на левой стороне, там, где мы были раньше. И в следующее мгновение я поднялся в хорошо освещенной церкви моего дня.

Женщина перекрестилась и встала. Я машинально проделал то же. Она взяла меня за руку и пошла к двери.

— Подожди, подожди, — сказал я, удивившись, что могу говорить.

Я не мог четко сформулировать свои мысли, но хотел задать ей непростой вопрос. Я хотел спросить, каким образом кто-либо может обладать энергией в такой степени, чтобы создать визуальный образ каждой детали целого города.

Улыбаясь, женщина ответила на мой невысказанный вопрос. Она сказала, что у нее очень хорошо получается воспроизведение визуального образа, потому что после того, как она занималась этим на протяжении всей своей обычной жизни, у нее было еще много-много жизней, чтобы совершенствоваться.

Она добавила, что город, в котором я побывал, и церковь, в которой мы говорили, были примерами ее недавних опытов в создании зрительных образов. Церковь была той самой церковью, где был пономарем Себастьян. Она поставила перед собой задачу запомнить мельчайшие детали каждого угла этой церкви и этого города — просто для тренировки, безо всякой на то жизненной необходимости.

Она завершила свою речь последней, самой беспокоящей мыслью:

— Поскольку ты кое-что знаешь об этом городе, — хотя ты никогда не пытался создать его мысленный образ, — сказала она, — сейчас ты помогаешь мне создать его. Держу пари, ты не поверишь мне, если я скажу, что этот город, на который ты смотришь сейчас, не существует в реальности, вне моего и твоего воображения.

Она пристально посмотрела на меня и рассмеялась над охватившей меня паникой, настолько сильной, что я едва смог осознать, о чем она говорит.

Мы все еще в сновидении? — спросил я изумленно.

— Да, — ответила она. Но этот сон более реален, чем другие, потому что мне помогаешь ты. Невозможно это объяснить, можно только констатировать, что это происходит. Как и все остальное.

Она широким жестом обвела город вокруг нас.

— Нет способа объяснить, как это происходит, но это происходит. Помни всегда то, что я сказала тебе: это тайна направленного намерения во втором внимании.

Она нежно привлекла меня к себе.

— Давай выйдем на площадь этого сна, — сказала она. — Но мне, наверное, следует немного переодеться, и ты почувствуешь себя свободнее.

Я смотрел непонимающим взглядом, наблюдая, как она искусно меняет свой внешний вид. Она производила простые земные действия. Она сняла длинную юбку, под ней оказалась еще одна современного покроя. Затем она свернула в узел косу и сменила обувь, надев туфли на каблучках, которые носила с собой в маленьком узелке. Она перевернула двустороннюю черную шаль на бежевую сторону. Теперь она выглядела как типичная мексиканка из средних слоев, приехавшая в этот город.

Она взяла мою руку с женской уверенностью и направилась на площадь.

— Что случилось с твоим языком? — сказала она по-английски. — Его съела кошка?

Я был полностью поглощен немыслимой вероятностью того, что я все еще в сновидении. Более того, я начинал понимать, что если бы это было правдой, я рисковал никогда не проснуться.

Бесстрастным тоном, которого я за собой и не подозревал, я сказал:

— До этого момента я не замечал, что ты уже говорила со мной по-английски. Где ты выучила его?

— В том мире. Я говорю на многих языках.

Она остановилась и внимательно посмотрела на меня.

— У меня было много времени, чтобы выучить их. Поскольку мы собираемся проводить вместе много времени, я как-нибудь обучу тебя своему собственному языку.

Она усмехнулась, не обращая внимания на мой расстроенный вид.

Я застыл на месте.

Мы собираемся провести вместе много времени? — спросил я, выдавая свои чувства.

— Конечно, — ответила она веселым тоном. — Ты так великодушно собирался отдать мне даром свою энергию. Ты же сам сказал это, не так ли?

Я был сражен.

— В чем же дело? — спросила женщина, снова переходя на испанский. — Не говори мне, что ты сожалешь о своем обещании. Мы маги. Слишком поздно менять свое решение. Ты не боишься, правда?

Я был более чем напуган, но если бы я задался вопросом, что именно ужасало меня, то не нашел бы ответа. Я наверняка не боялся быть рядом с бросившей вызов смерти в другом сне, потерять свое осознание или даже жизнь. Боялся ли я дьявола? — спрашивал я себя. Но эта мысль не выдерживала критики. В результате всех этих лет жизни мага я без тени сомнения был уверен в том, что во вселенной существует только энергия; дьявол — это только результат человеческого воображения, находящегося во власти точки сборки в ее обычной позиции. Логически рассуждая, мне нечего было бояться. Я знал это, но знал также и то, что моей истинной слабостью был недостаток гибкости в моменты фиксации точки сборки в любой новой позиции. Контакт с бросившей вызов смерти в невероятной степени сместил мою точку сборки, и у меня не хватало смелости сохранять ее положение. Результатом этого явилось неопределенное, но потрясшее меня ощущение ужаса, что я не смогу проснуться.

— Нет проблем, — сказал я. — Давай продолжим нашу прогулку во сне.

Она взяла меня под руку и мы молча вошли в парк. Это молчание не было вынужденным. Но мои мысли вертелись по кругу. Как странно, думал я: только мгновение назад я шел с доном Хуаном от парка к церкви в состоянии самого ужасающего естественного страха. Сейчас я иду назад из церкви в парк с объектом моего страха и мне еще более страшно, чем когда-либо, и страх этот еще сильнее и беспощаднее.

Чтобы отогнать от себя свое беспокойство, я начал оглядываться вокруг. Если бы это было сновидением, — во что мне так хотелось верить, — то была бы возможность доказать или опровергнуть это. Я указывал пальцем на все. Тщетно. Я даже прихватил пару человек, которых, как оказалось, я сильно напугал.

Я ощущал их целиком. Они были столь же реальны, как все, что я считаю реальным, только не излучали энергию. Ничто в этом городе не излучало энергии. Все казалось реальным и нормальным, хотя это было сновидение.

Я обернулся к женщине, прижимавшейся к моей руке и спросил ее об этом.

— Мы спим, — сказала она своим резким голосом и засмеялась.

— Но как могут люди и вещи вокруг нас быть столь реальными, трехмерными?

Тайна направленного намерения во втором внимании! — воскликнула она с благоговением. — Эти люди там столь реальны, что у них даже есть мысли.

Это было последним ударом. Я не хотел больше ни о чем спрашивать. Я хотел предаться этому сновидению. Сильный удар по моей руке заставил меня на мгновение очнуться. Мы дошли до площади. Женщина остановилась и заставила меня сесть на скамью. Когда я

садился, я не чувствовал под собой скамьи. Меня закружило. Я почувствовал, что поднимаюсь вверх. Промелькнул парк, словно я бросил на него взгляд сверху.

— Вот оно! — закричал я.

Мне казалось, что я умираю. Вращение подъема превратилось во вращение падения в темноту.

13. ПОЛЕТ НА КРЫЛЬЯХ НАМЕРЕНИЯ

— Сделай усилие, нагваль, — заставлял меня женский голос. — Не проваливайся. Поверхность, поверхность. Используй технику своего сновидения. Мой разум начал работать. Я подумал, что это был голос англоязычного человека, и еще подумал, что если бы я использовал технику своего сновидения, мне необходимо было бы найти точку отсчета, чтобы сконцентрировать свою энергию.

— Открой глаза, — сказал голос. — Открывай их немедленно. Уцепись за любую вещь, которую ты сразу же увидишь.

Я сделал огромное усилие и открыл глаза. Я увидел деревья и голубое небо. Был день! Надо мной склонилось расплывчатое пятно лица. Но я не мог сфокусировать свой взгляд. Мне показалось, что на меня смотрела женщина из церкви.

— Используй мое лицо, — сказал голос.

Это был знакомый голос, но я не мог идентифицировать его.

— Пусть мое лицо будет для тебя отправной точкой; затем посмотри на все остальное, — продолжал голос.

Мой слух и мое зрение были абсолютно ясными. Я всмотрелся в лицо женщины, затем в деревья в парке, в железную скамейку, в людей, которые проходили мимо, и снова в ее лицо.

Несмотря на то, что ее лицо все время менялось, я продолжал всматриваться в него. Я начал пробовать уменьшать до минимума контроль над собой. Но когда моя возможность воспринимать действительность улучшилась, я осознал, что на скамейке сидела женщина, держа мою голову у себя на коленях. И это была не женщина в церкви, это была Кэрол Тиггс!

— Что ты здесь делаешь? — выдохнул я.

Мой испуг и удивление были такими сильными, что я попытался вскочить и убежать, но тело совершенно не подчинялось приказам мозга. Последовали жуткие минуты, когда я отчаянно, но бесполезно пытался встать. Мир вокруг меня был настолько ясным, что мне трудно было поверить, что я все еще в сновидении, тем не менее ослабленный контроль над способностью двигаться заставил меня заподозрить, что это действительно было сновидение. Кроме того, появление Кэрол было слишком неожиданным, оно никак не вытекало из логики предшествующих событий.

Я осторожно попытался заставить себя встать, как я это делал во сне сотни раз, но ничего не получилось. Сейчас от меня как никогда требовался объективный подход к происходящему. Одним глазом, насколько позволяло поле зрения, я начал тщательно осматривать все вокруг. Я повторил тоже самое другим глазом. Затем я сопоставил образы, увиденные каждым глазом, чтобы получить подтверждение, что я действительно нахожусь в реальности повседневной жизни.

Затем я стал изучать Кэрол. И в этот момент я заметил, что могу двигать руками. Парализована была только нижняя часть моего тела. Я дотронулся до лица и рук Кэрол; я обнял ее. Это было настоящее тело, и я поверил, что это действительно была Кэрол Тиггс. Мое облегчение было невероятным, потому что на мгновение у меня появилось жуткое подозрение, что это была бросившая вызов смерти маскирующаяся под образ Кэрол.

Кэрол очень заботливо помогла мне сесть на скамейке. Я лежал на спине — одна половина на скамейке, другая — на земле. Затем я заметил, что что-то было не в порядке. На мне были поношенные голубые джинсы и старые коричневые кожаные ботинки на мне была также джинсовая курточка и рубашка из грубой ткани.

— Подожди минутку, — сказал я Кэрол. — Посмотри на меня! Разве это моя одежда? Разве это я?

Кэрол засмеялась и тряхнула меня за плечи. Она всегда так делала, чтобы показать свое дружеское расположение, и становилась при этом похожей на мальчишку.

— Я смотрю на твою распрекрасную физиономию, — сказала она своим забавным сильным фальцетом. — О Господи, кто же это еще может быть?

— Какого черта я одет в эти Левисы и ботинки? — настаивал я. — У меня таких нет.

— Это моя одежда, — сказала она. — Я нашла тебя обнаженным!

— Где? Когда?

— Около церкви, примерно час назад. Я пришла сюда на площадь искать тебя. У меня была с собой эта одежда, как раз к месту.

Я сказал ей, что ужасно смущен тем, что разгуливал без одежды.

— Странно, но вокруг никого не было, — заверила она меня, но я почувствовал, что она сказала только чтобы подбодрить меня. Это подтверждала ее лукавая улыбка.

— Должно быть, всю прошлую ночь, а может быть и дольше, я общался с бросившей вызов смерти, — сказал я. — Какой сегодня день?

— Не волнуйся о датах, — сказала она, смеясь. — Когда ты сосредоточишься, ты сам посчитаешь дни.

— Не шути со мной, Кэрол Тиггс. Какой сегодня день? — Мой голос звучал грубо и, казалось, принадлежал кому-то другому.

— Сегодня день после большого праздника, — сказала она и дружески похлопала меня по плечу. — Мы все искали тебя со вчерашней ночи.

— Но что я здесь делаю?

— Я перенесла тебя через площадь в гостиницу. Я не могла нести тебя к дому нагваля; несколько минут назад ты выбежал из комнаты, и вот здесь мы снова встретились.

— Но почему ты не попросила помощи у нагваля?

— Потому что это касается только меня и тебя. Мы вдвоем должны разрешить эту проблему.

Это заставило меня закрыть рот. Она поставила меня на место. Я задал ей еще один вопрос.

— Что я сказал, когда ты нашла меня?

— Ты сказал, что ты так глубоко и так надолго погружался во второе внимание, что еще не пришел в себя. Все, что ты хотел, — это спать.

— Когда я потерял контроль над своими движениями?

— Только минуту назад. Ты обретишь его. Ты сам знаешь, что это совершенно нормально. Когда тыходишь во второе внимание и получаешь значительный заряд энергии, то теряешь контроль над речью или движениями.

— А когда ты перестала шепелявить, Кэрол?

Я застал ее врасплох. Она уставилась на меня и рассмеялась.

— Я долго работала над этим, — заверила она меня. — Я понимала, что это может вызывать сильное раздражение, — слышать, как шепелявит взрослая женщина. Кроме того, ты это просто терпеть не мог.

Согласится с тем, что мне не нравилась ее шепелявая речь, было нетрудно. И Дон Хуан, и я пытались вылечить ее, мы пришли к выводу, что она вовсе не была заинтересована в излечении. Ее шепелявость привлекала к ней внимание других, и дон Хуан считал, что ей это нравится и она не собирается от нее избавляться.

Мне было очень странно и приятно слышать, что она не шепелявит. Это доказывало, что она способна радикально измениться. В этом ни дон Хуан, ни я никогда не были уверены.

— Что еще говорил нагваль, когда он послал тебя за мной? — спросил я.

— Он сказал, что у тебя была схватка с бросившим вызов смерти.

Доверительным тоном я поведал Кэрол, что бросившем вызов смерти была женщина. Она небрежно заметила, что знала об этом.

— Как ты можешь знать об этом? — закричал я. — Никто никогда не знал об этом, кроме она Хуана. Он сказал об этом тебе сам?

— Конечно, — ответила она, не обращая внимания на мой крик. — Ты упустил из виду, что я тоже встретила женщину в церкви. Я встретила ее еще до того, как с ней встретился ты. В церкви мы довольно долго и дружелюбно беседовали с ней.

Я поверил, что Кэрол говорила мне правду. Ее описание было очень похоже на то, как это сделал бы дон Хуан. Он, по всей вероятности, мог послать Кэрол как и разведчика, чтобы выяснить что и как.

— Когда ты видела бросившую вызов смерти? — спросил я.

— Пару недель назад, — ответила она многозначительным тоном. — Это не было для меня большим событием. У меня не было энергии, чтобы дать ей, а может, не было того достаточного количества энергии, которая этой женщине было необходимо.

— Тогда зачем ты виделась с ней? Неужели встреча с женщиной-нагвалем тоже является соглашением между бросившей вызов смерти и магами?

— Я виделась с ней, потому что нагваль сказал, что ты и я взаимозаменяемы, — и только по этой причине. Наши энергетические тела много раз сливались разве ты не помнишь? Мы с этой женщиной разговаривали о том, с какой легкостью мы сливаемся. Я была с ней три или четыре часа, пока не пришел нагваль и не забрал меня.

— Ты все время была в церкви? — спросил я, потому что мне с трудом верилось, что они стояли там на коленях в течение трех или четырех часов, говоря только слиянии наших энергетических тел.

— Она взяла меня в другой аспект своей сущности, — заключила Кэрол после минутного раздумья. — Она позволила мне увидеть, как она избегает своих захватчиков.

Затем Кэрол рассказала самую интригующую историю. Она сказала, что, судя потому, что показала ей женщина в церкви, каждый древний маг неизбежно становился жертвой неорганических существ. Неорганические существа, захватив их, передавали им силу, чтобы они могли быть посредниками между нашим миром и их реальностью, которую люди называют адом.

Бросившей вызов смерти был, как и остальные, с неизбежностью захвачен в сети неорганических существ. Кэрол утверждала, что ему, по всей вероятности, пришлось провести тысячи лет в плену, пока не появилась возможность трансформировать себя в женщину. Он четко увидел, что покинуть этот мир можно только таким способом. Неорганические существа рассматривают женское начало как вечное. Они верят, что женское начало настолько гибкое и многообразное, что женские особи не попадают в ловушки и их трудно взять в плен. Трансформация мага была такой полной и такой детальной, что он был извергнут из реальности неорганических существ.

— Она говорила тебе, что неорганические существа все еще преследуют ее? — спросил я.

— Безусловно, они следят за мной, — заверила меня Кэрол. — Женщина сказала мне, что она должна охранять себя от преследователей каждую минуту своей жизни.

— Что они могут ей сделать?

— Я думаю, что они могут понять, что она была мужчиной и снова взять ее в плен.

Мне кажется, что ее страх бесконечно превосходит любой страх, который мы способны вообразить.

Кэрол сказала мне, что женщина в церкви была в курсе моего столкновения с неорганическими существами, знала она также и о голубом лазутчике.

— Она знает о тебе и обо мне все, — продолжала Кэрол. — И не потому, что я ей что-то рассказала, а потому, что она — часть нашей жизни, нашего происхождения. Она говорила, что всегда следила за всеми нами, особенно за тобой и мной.

Кэрол привела мне примеры тех ситуаций из нашей совместной работы, о которых знала женщина в церкви. Пока она говорила, я стал ощущать безумную ностальгию по человеку, который был передо мной — о Кэрол Тиггс. Я отчаянно захотел обнять их. Я потянулся к ней, но потерял равновесие и упал со скамейки.

Кэрол помогла мне встать с тротуара и тщательно осмотрела мои ноги, глаза, шею спину. Она сказала, что во мне еще чувствуется остатки энергетического заряда. Она положила мою голову себе на грудь и качала меня, как маленького ребенка.

Немного спустя я почувствовал себя лучше и даже стал понемногу обретать контроль над движениями.

— Как тебе нравится моя одежда? — неожиданно спросила Кэрол. — Одета ли я как надо? Я тебе нравлюсь?

Кэрол всегда одевалась исключительно хорошо. Что в ней действительно было, — в одежде. И действительно, все время, что я ее знаю, дон Хуан и все остальные постоянно шутили, что ее единственным достоинством было менее покупать красивую одежду и носить ее со вкусом и грацией.

Я нашел ее вопрос очень странным и спросил:

— Почему ты так волнуешься о своей внешности? Это никогда не волновало тебя раньше. Ты что, хочешь поразить кого-нибудь?

— Конечно, я хочу поразить тебя, — сказала она.

— Но сейчас не время, — запротестовал я. — Сейчас имеет значение не твоя внешность, а бросившая вызов смерти.

— Ты удивишься, насколько важна моя внешность, — засмеялась она. — Моя внешность — вопрос жизни и смерти для нас обоих.

— О чем ты говоришь? Все это напоминает то, как нагваль устраивал мне встречу с бросившей вызов смерти. Я чуть не свихнулся от загадочных намеков.

— Оказались ли его загадочные намеки уместными? — просила Кэрол очень серьезно.

— В известной степени — да, — согласился я.

— То же и моя внешность. Скажи мне, как ты меня находишь? Привлекательной, непривлекательной, средней, отвратительной?

Я подумал немного и сделал определенные выводы. Я находил, что она очень привлекательна. Мне это казалось очень странным. Я никогда сознательно не думал о ее внешности.

— Я нахожу, что ты чертовски хороша, — сказал я. — На самом деле, ты ошеломительно хороша.

— Тогда это, должно быть, правильно выбранная внешность, — вздохнула она.

Я старался понять, что она хотела этим сказать, но она заговорила снова.

— Как ты провел время с бросившей вызов смерти? — спросила она.

Я подробно рассказал ей о моей встрече, особенно о первом сновидении. Я сказал о своем впечатлении, что бросившая вызов смерти показала мне этот самый город, но в другом времени — в прошлом.

— Но это невозможно, — сказала она. — Во вселенной нет ни прошлого, ни будущего. Есть только мгновение.

— Я знаю, что это было прошлое, — сказал я. — Это была та же церковь, но другой город.

— Подумай немного, — настаивала она. — Во вселенной есть только энергия. А у энергии есть только здесь и сейчас, бесконечное и всегда присутствующее здесь и сейчас.

— Тогда что же случилось со мной, как ты думаешь, Кэрол?

— С помощью бросившей вызов смерти ты пересек четвертые врата сновидения, — сказала она. — Женщина в церкви взяла тебя в свой сон, в свое намерение. Она взяла то, как она видит этот город. Вероятно, она визуализировала его в прошлом, и эта визуализация осталась невредимой. Как и ее визуализация современного города.

После продолжительного молчания, когда я не мог произнести ни слова, она задала мне еще один вопрос:

— Что еще делала с тобой та женщина?

Я рассказал Кэрол второе сновидение. Сновидения о городе каков он есть сейчас.

— Ну вот, — сказала она. — Женщина взяла тебя не только в свое прошлое намерение, но и помогла тебе пройти через четвертые врата, заставляя твое энергетическое тело пропутешествовать в другое место, которое существует сегодня, но в ее намерении.

Кэрол сделала паузу и затем спросила меня, объяснила ли мне женщина в церкви, как намереваться во второе внимание.

Я помню, что она говорила об этом, но не объясняла, что значит на самом деле намерение ко второму вниманию. Кэрол обратилась к концепции, о которой никогда не упоминал дон Хуан.

— Откуда у тебя эти новые идеи? — спросил я, откровенно любуясь ей.

Уклончивым тоном Кэрол заверила меня, что многое об этих странных запутанных вещах объяснила ей женщина в церкви.

— Сейчас мы погружены во второе внимание, — продолжала она. — Женщина в церкви ввела нас в сновидение, тебя — здесь, а меня — в Таксоне. А затем мы снова заснули в нашем сне. Но ты не помнишь этой части, а я помню. Секрет сдвоенной позиции. Вспомни, что сказала тебе женщина; второй сон начинается во втором внимании — это единственный путь переступить в четвертые врата сновидения.

После длинной паузы, во время которой я не смог сказать ни слова, она произнесла:

— Я думаю, что женщина в церкви в действительности сделала тебе подарок, хотя ты и не хотел его получать. Ее подарком было то, что она присоединила свою энергию к нашей, чтобы передвигаться туда и назад в здесь и сейчас энергии вселенной.

Это очень взволновало меня. Слова Кэрол были точными и мне нечего было возразить. Она дала определение чему-то, что я считал невозможным определить, хотя и не знал, что же именно она определила. Если бы я мог двигаться, я бы вскочил и обнял ее. Она улыбалась своей прекрасной улыбкой, в то время как я судорожно продолжал размышлять над смыслом ее слов. Я еще раз отметил, что дон Хуан никогда не говорил мне ничего подобного.

— Возможно он не знает, — сказала Кэрол примирительно, не чуть не обижаясь на дону Хуана.

Я не стал с ней спорить. Какое-то время я оставался в неподвижности, глубоко погружившись в свои мысли. Затем мысли и слова посыпались из меня, как при извержении вулкана. Люди шли по площади, кое-то даже остановился посмотреть. Должно быть, мы представляли собой то еще зрелище: Кэрол Тиггс целовала и ласкала мое лицо, в то время как я еще и еще разглагольствовал о ясности ее ума и о моей встрече с бросившей вызов смерти.

Когда я смог идти, она проводила меня через площадь в единственную в городе гостиницу. Она убедила меня, что у меня еще недостаточно энергии, чтобы идти в дом к дону Хуану, но что все там знают, где мы находимся.

— Как они могли узнать, где мы? — спросил я.

— Нагваль — старый хитрый маг, — ответила она, смеясь. — Это он сказал мне, что если я найду тебя энергетически ослабленным, то мне следует отвести тебя в гостиницу, а не рисковать, таща на буксире через весь город.

Ее слова и особенно ее улыбка заставили меня почувствовать такое облегчение, что дальше я продолжал идти в блаженном состоянии. Мы обошли угол и прошли пол квартала вниз по улице ко входу в гостиницу, который был расположен как раз напротив церкви. Мы прошли через фойе, поднялись по цементным ступенькам на второй этаж прямо в номер. В

столь не приветливых гостиничных номерах мне раньше бывать не приходилось. Кэрол сказала, что я уже был здесь; тем не менее, у меня не было никаких воспоминаний ни о гостинице, ни о номере. Хотя настолько устал, что просто не был способен думать об этом. Я просто упал на кровать вниз лицом. Единственное, чего я хотел, — это спать, хотя и был очень взвинчен. Было так много несвязанных концов, хотя внешне все выглядело достаточно упорядоченным. Вдруг я почувствовал внезапный прилив нервного возбуждения и сил.

— Я никогда не говорил тебе, что не принял подарок бросившей вызов смерти, — сказал я, повернувшись к Кэрол. — Откуда ты знаешь, что я не принял его?

— Но ты сказал мне об этом сам, — запротестовала она, садясь рядом со мной. — Ты так гордился этим. Это было первое, что ты сказал мне, когда я тебя нашла.

Как не странно, это был единственный ответ, который не удовлетворил меня. То о чем она сообщила, не выглядело как мое утверждение.

— Я думаю, что ты неправильно меня поняла, — сказал я. — Я просто не хотел принимать ничего, что отклонило бы меня от моей цели.

— Ты хочешь сказать, что не чувствуешь гордости за свой отказ?

— Нет. Я ничего не чувствую. Я неспособен больше что-либо чувствовать, кроме страха.

Я вытянул ноги и положил голову на подушку. Я почувствовал, что если бы я закрыл глаза или прекратил говорить, я бы тут же заснул.

Я рассказал Кэрол, как я спорил с доном Хуаном в начале моего знакомства с ним, о его убедительных мотивах следовать по пути воина. Он говорил, что страх поддерживает его, чтобы идти прямо и что больше всего он боится утратить нагваль, абстрактное, дух.

— По сравнению с утратой нагваля смерть — это ничто, — говорил он с искренней страстью в голосе. — Мой страх потерять нагваль — это единственная реальная вещь, которая у меня есть, потому что без этого я буду хуже, чем мертвец.

Я рассказал Кэрол, как я тут же возразил дону Хуану, гордо заявив, что поскольку мне неизвестен страх, то если бы мне пришлось выбирать такой путь, — силой, подвигающей меня на это, для меня была бы любовь.

Дон Хуан заявил, что когда приходит критический момент, то единственным стоящим состоянием для воина является страх. Втайне я возмущался узостью его взглядов.

— Колесо сделало полный оборот, — сказал я Кэрол. — Посмотри на меня сейчас. Я могу поклясться тебе, что единственное, что заставляет меня держаться, — это страх утратить нагваль.

Кэрол как-то странно взглянула на меня. Такого взгляда я у нее раньше не замечал.

— Я позволю тебе не согласиться, — сказала она мягко. — Страх ничего не значит по сравнению с любовью. Страх заставляет двигаться как попало, любовь заставляет двигаться разумно.

— Что ты говоришь, Кэрол Тиггс? Разве маги сейчас любят?

Она не ответила. Она легла рядом со мной и положила голову ко мне на плечо. Мы оставались там, в этой странной неприветливой комнате долгое время в полной тишине.

— Я чувствую, что чувствуешь ты, — вдруг сказала Кэрол. — Теперь постарайся почувствовать, что чувствую я. Ты можешь это. Но давай сделай это во тьме.

Кэрол протянула вверх руку и щелкнула выключателем над кроватью. Одним движением я сел прямо. Толчок страха пронзил меня как удар электрическим током. Как только Кэрол выключила свет, в комнате наступила ночь. С огромным беспокойством я спросил ее об этом.

— Ты еще не в себе, — сказала она подбадривающе. — У тебя был грандиозных размеров припадок. Войдя так глубоко во второе внимание, ты как бы немного не в порядке. Конечно сейчас день, но твои глаза не могут еще привыкнуть к тусклому свету в номере.

Более или менее, я снова лег. Кэрол продолжала говорить, но я не слушал. Я чувствовал простыни. Это были настоящие простыни. Я пробежался руками по кровати. Это была кровать! Я наклонился и дотронулся пальцами до холодного пола. Я встал с кровати и проверил каждый уголок в номере и ванной. Все было обычно, естественно. Я сказал Кэрол, что когда она выключила свет, у меня появилась абсолютная уверенность, что я сплю.

— Сделай перерыв, — сказала она. — Прекрати этот бред, или иди в кровать и отдохни.

Я открыл занавеси на окне и посмотрел на улицу. Был день, но когда я закрыл их, в номере была ночь. Кэрол умоляла меня лечь в постель. Она боялась, что я убегу на улицу, как сделал это раньше. В этом она была права. Я вернулся в постель, не заметив, что ни одной секунды я не потратил на то, чтобы указать на что-нибудь мизинцем. Как будто бы это стерлось из моей памяти.

Темнота в номере этой гостиницы была необычной. Она навевала на меня чувство мира и гармонии. Она также принесла мне чувство глубокой грусти, тоски по человеческому теплу, по обществу. Я чувствовал себя более чем разбитым. Ничего со мной никогда не было. Я лежал в постели, пытаюсь вспомнить, была ли эта тоска чем-то таким, что я уже знал. Нет.

Тоска, с которой я был знаком, была не по человеческому обществу. Тогда это было чем-то абстрактным, скорее что-то вроде грусти о том, что я не сделал чего-то неопределенного.

— Я распадаюсь на части, — сказал я Кэрл. — Я сейчас расплачусь по людям.

Я думал, что она посчитает мое заявление смешным. Я и представил его как шутку. Но она ничего не сказала. Казалось она согласилась со мной. Она вздохнула. Мое состояние было невероятно нестабильным, я полностью отдался эмоциям. Я повернулся к ней в темноте и прошептал что-то такое, что в обычное время было бы для меня совершенный вздор.

— Я обожаю тебя, — сказал я.

Такие разговоры среди магов дон Хуана были немыслимы. Кэрл Тиггс была женщиной-нагвалем. Между нами двумя не было необходимости проявлять любовь. На самом деле мы даже не знали, что чувствуем друг к другу. Дон Хуан учил нас, что у магов не было необходимости и времени для таких чувств.

Кэрл улыбнулась мне и обняла. И я настолько переполнился любовью к ней, что даже заплакал.

— Твое энергетическое тело движется вперед на светящихся волокнах вселенной, — прошептала она мне на ухо. — Нас несет подарок намерения бросившего вызов смерти.

У меня было достаточно энергии, чтобы понять, о чем она говорит. Я даже спросил ее, понимает ли она сама, что все это значит. Она успокоила меня и прошептала на ухо:

— Я понимаю: подарок бросившего вызов смерти для тебя был крыльями намерения. И с ними ты и я сновидим себя в другом времени. Во времени, которое еще придет.

Я оттолкнул ее и сел. То, как она произносила такие сложные магические понятия, выбивало меня из колеи. Ей не было дано серьезно воспринимать схематическое мышление. Мы всегда шутили между собой, что она не обладала философским умом.

— Что с тобой? — спросил я. — Ты — новое открытие для меня — Кэрл — маг-философ. Ты говоришь как дон Хуан.

— Еще нет, — она рассмеялась. — Но это приближается. Оно катится, и когда наконец оно достанет меня, для меня самым легким в мире будет стать магом-философом. Ты увидишь. И никто не сможет объяснить этого, это просто произойдет.

В моем мозге зазвонил будильник. — Ты не Кэрл! — закричал я. — Ты бросившая вызов смерти, замаскированная под Кэрл. Я знал это!

Ничуть не взволнованная моим обвинением, Кэрл засмеялась.

— Не носи чепухи, — сказала она. — Ты собираешься пропустить урок. Я знала, что рано или поздно ты отдашься своему индугированию. Поверь мне, я Кэрл. Но мы делаем то, чем не занимались раньше: мы собираем намерения во втором внимании, как делали маги древности.

Она не вполне убедила меня, но у меня не было больше энергии, чтобы отстаивать свои доводы, потому что я начал погружаться во что-то вроде водоворота своего сновидения. Я едва слышал голос Кэрл, который шептал мне на ухо:

— Мы сновидим нас самих. Сновидь мне свое намерение! Намеривай меня в будущее! Сконцентрируй намерение меня в будущее!

С огромным усилием я сформулировал выплывшую из глубины мысль:

— Останься здесь со навсегда, — произнесенное мною звучало, как замедленная запись на пластинке. Она ответила что-то непонятное. Я хотел засмеяться, но меня закружил вихрь.

Когда я проснулся, в гостиничном номере никого не было. Я не представлял, как долго я спал. Я совершенно растерялся, не найдя Кэрл рядом с собой. Быстро одевшись я спустился в фойе поискать ее. Кроме того, я хотел развеять странную дремоту, которая еще владела мной.

За столом управляющий сказал мне, что американка, которая сняла номер, ушла минуту назад. Я выбежал на улицу в надежде догнать ее, но ее нигде не было видно. Был полдень. На безоблачном небе светило солнце. Было жарко.

Я пошел в церковь. Мое удивление было искренним, но притупленным, когда я обнаружил, что видел эти архитектурные детали в сновидении. Без особого интереса я сам сыграл роль своего собственного адвоката дьявола и развеял сомнения. Возможно мы с доном Хуаном и осматривали заднюю часть церкви снаружи, но я не помнил этого. Я подумал, что это не имеет значения. Мои веские доказательства не имели для меня никакого значения — я слишком хотел спать.

Оттуда я медленно отправился к дому дон Хуана, продолжая искать Кэрл. Я был уверен, что найду ее там, что она меня ждет. Дон Хуан принял меня так, как будто я вернулся из лап смерти. Он и его компаньоны были в сильном возбуждении, с любопытством меня осматривая.

— Где ты был? — требовательно спросил дон Хуан.

Я не мог понять причины всей этой суеты. Я сказал ему, что провел ночь с Кэрл в гостинице у площади, потому что у меня не было энергии вернуться из церкви к нему домой, — но ведь они и сами об этом знали.

— Мы ничего об этом не знали, — сказал он.

— Разве Кэрл не сказала вам, что была со мной? — спросил я с тупым подозрением, и если бы я не был таким уставшим, то меня бы охватила тревога.

Никто не ответил. Они смотрели друг на друга. Я повернулся к дону Хуану и сказал, что я думал, что это он послал Кэрл найти меня. Дон Хуан ходил взад-вперед по комнате, не говоря ни слова.

— Кэрл Тиггс вообще с нами не было, — сказал он. — А тебя не было девять дней.

Только моя усталость спасла меня от шока при подобном заявлении. Тон его голоса и уверенность, которую продемонстрировали другие, доказывали, что все это серьезно. Но я был настолько ошеломлен, что ничего не мог сказать.

Дон Хуан попросил меня рассказать им подробно, что произошло между мной и бросившей вызов смерти. Я был удивлен, что так много помнил и смог рассказать, не смотря на усталость. Напряжение было снято, когда я рассказал, как сильно смеялась женщина над моим бессмысленным криком в ее сновидение, о моем намерении видеть.

— Способ указывать мизинцем работает даже лучше, — сказал я дону Хуану без всякой попытки обвинения.

Дон Хуан спросил, была ли у женщины еще какая-нибудь реакция на мой бессмысленный крик, кроме смеха. Я не помнил ничего, кроме ее веселья и ее слов о том, как он ее не любит.

— Нельзя сказать, что я не любил ее, — запротестовал дон Хуан. — Я просто не люблю методы принуждения старых магов.

Обращаясь ко всем, я сказал, что лично мне очень нравится эта женщина, безмерно и без предубеждений. И что я люблю Кэрл Тиггс так, как не любил никого и никогда.

Казалось они не одобрили того, что я говорил. Они смотрели друг на друга, как будто я вдруг сошел с ума. Я хотел говорить еще. Но дон Хуан, как мне показалось, чтобы я больше не наговорил глупостей, выставил меня из дома и отправил обратно в гостиницу. Он пошел вместе со мной.

В гостинице был тот же управляющий, с которым я говорил раньше. Он выслушал наши описания Кэрл Тиггс, но с абсолютной уверенностью отрицал, что когда-либо видел ее или меня раньше. Он даже позвал горничных; они подтвердили его слова.

— Что все это может значить? — спросил дон Хуан вслух.

Казалось, что его вопрос был обращен к себе самому.

Он тихонько вывел меня из гостиницы.

— Пойдем из этого запутанного места, — сказал он.

Когда мы вышли на улицу, он велел мне не оборачиваться и не смотреть на гостиницу или церковь через дорогу, а идти с опущенной головой. Я посмотрел на свои ботинки и понял, что на мне была уже не одежда Кэрл, а моя собственная. Но как бы я не старался, я не мог вспомнить, когда я переоделся. Я вычислил, что это, должно быть, было, когда я проснулся в гостинице. Очевидно, тогда я надел свою собственную одежду, хотя ничего не помнил об этом.

К тому времени мы дошли до площади. До того, как мы перешли ее, чтобы направиться домой к дону Хуану, я рассказал ему про свою одежду. Он ритмично покачивал головой, внимательно слушая каждое слово. Он сел на скамейку и полным уверенности голосом сказал, что с этого момента я должен забыть, что было во втором внимании между женщиной в церкви и моим энергетическим телом. Мое общение с Кэрл Тиггс в гостинице было чем-то вроде айсберга.

— Невозможно представить, что ты был во втором внимании девять дней, — продолжал дон Хуан. — Девять дней — это секунда для бросившего вызов смерти, но вечность для нас.

Прежде чем я смог что-то возразить, или объяснить или сказать что-нибудь, он остановил меня.

— Если ты до сих пор не можешь вспомнить всего, чему я тебя обучал во втором внимании, — подумай, насколько труднее должно быть воспоминания того, чему учил тебя бросивший вызов смерти. Я только учил тебя менять уровни осознания; бросивший вызов смерти заставлял тебя менять вселенные.

Я чувствовал себя разбитым. Дон Хуан и два его компаньона заставляли меня сделать невероятное усилие, чтобы вспомнить, когда я переоделся. Я не смог. Моя голова была пуста: ни чувств, ни воспоминаний. Каким-то образом я не был полностью с ними.

Нервное напряжение дон Хуана и двух его компаньонов достигло максимума. Я никогда не видел его настолько обеспокоенным. Он всегда подшучивал как будто хотел чтобы я не воспринимал его слишком всерьез. Но это был не тот случай.

Я снова попытался собраться с мыслями, чтобы пролить свет на все это; и опять мне не удалось, но я не чувствовал поражения; меня охватила волна оптимизма. Я почувствовал, что все идет так, как и должно быть.

Дон Хуан утверждал, что он ничего не знал о моих сновидениях с женщиной в церкви. Сон в гостинице, в городе, сон с Кэрол Тиггс были для него лихими проделками сновидений старых магов, которые только засоряют воображение людей.

Дон Хуан развел руками и наконец улыбнулся, как обычно.

— Мы можем только сделать вывод, что женщина в церкви показала тебе, как это делать, — сказал он медленно, с расстановками.

— Для тебя это будет серьезной задачей — найти смысл в бессмысленном действии. Это было мастерское передвижение по шахматной доске, выполненное бросившим вызов смерти в образе женщины в церкви. Она использовала твое и Кэрол энергетические тела, чтобы подняться, освободиться от своих мертвых якорей. Она поймала тебя на твоём предложении отдать ей свою энергию.

То, что он говорил, не имело для меня никакого смысла, но это много значило для двух его компаньонов. Они пришли в сильное возбуждение. Обращаясь к ним, дон Хуан объяснял, что бросившей вызов смерти и женщина в церкви были разным появлением одной и той же энергией; женщина в церкви была более сильной и сложной из двоих. Используя энергетическое тело Кэрол Тиггс и проделки старых магов, она создала Кэрол Тиггс в гостинице. Дон Хуан добавил, что Кэрол и женщина могли прийти во время встречи к некоему энергетическому соглашению.

Казалось, что какая-то мысль вдруг осенила дону Хуана. Он неуверенно взглянул на своих двух компаньонов. Их глаза бегали, они смотрели друг на друга. Я уверен, что они не искали соглашения, они просто сразу что-то вместе поняли.

— Все наши размышления бесполезны, — сказал тихо дон Хуан ровным голосом. — Я уверен, что нет больше Кэрол Тиггс. Нет никакой женщины в церкви. Обе слились и улетели на крыльях намерения, я уверен, — в будущее.

Причина, почему Кэрол Тиггс из гостиницы так волновалась о своей внешности, заключается в том, что она была женщиной из церкви, заставляя тебя думать, что она Кэрол Тиггс другого плана, более сильная. Разве ты не помнишь, что она говорила? — «Сновидь свое намерение на меня. Намеривай меня в будущее».

— Что это значит, дон Хуан? — спросил я.

— Это значит, что бросивший вызов смерти видел свой путь во вне. Она поймала тебя на прогулке. Твоя судьба — ее судьба.

— Что ты имеешь в виду, дон Хуан?

— Я имею в виду, что если ты обретешь свободу, она тоже обретет ее.

— Как она сделает это?

— Через Кэрол Тиггс. Но не волнуйся о Кэрол.

Он сказал это до того, как я смог выразить свое понимание.

— Она способна и на тот маневр, и на многое другое.

Слишком много всего на меня свалилось. Я ощущал этот ужасный вес. В момент некоторого облегчения я спросил дону Хуана, что из всего этого выйдет.

Он не ответил. Он осмотрел меня с ног до головы. Затем он медленно сказал:

— Подарок бросившего вызов смерти состоит из безграничных возможностей сновидения. Одно из них было твоим сном о Кэрол Тиггс в другом времени, в другом мире; в мире более просторном, безграничном: в мире, где невозможное становится реальным. Дело в том, что ты не просто сможешь пользоваться этими возможностями, но и в один прекрасный день сможешь понять их.

Мы встали и пошли к его дому. В моей голове безумным хороводом кружились мысли. Это были даже не мысли, а образы, смесь воспоминаний о женщине в церкви и Кэрол Тиггс, разговаривающей со мной в сонной темноте гостиничного номера. Пару раз я почти смог сконцентрировать эти образы в чувства моего теперешнего «я», как обычно, но сдался; для такого задания у меня не было энергии.

Перед тем, как мы вошли в дом, дон Хуан остановился и повернулся ко мне. Он снова тщательно осмотрел меня, как будто искал какие-то знаки на моем теле. Затем я почувствовал себя обязанным направить его прямо к главному: я был уверен, что он смертельно ошибается.

— В гостинице я был с настоящей Кэрол Тиггс, — сказал я. — В какой-то момент мне самому показалось, что это был бросивший вызов смерти, но после внимательного осмотра я отверг это подозрение. Это была Кэрол. Каким-то непонятным, странным образом она была в гостинице, как, впрочем, и я сам.

— Конечно, это была Кэрол, — согласился дон Хуан. — Но не та Кэрол, которую мы знаем. Это была Кэрол сновидения. Я говорил тебе — Кэрол, сделанная из чистого намерения. Ты

помог женщине в церкви осуществить это сновидение. Ее мастерство заключалось в том, чтобы сделать этот сон в высшей степени реальным: искусство старых магов, самая опасная вещь. Я говорил тебе, что ты получишь в сновидении королевский урок, не так ли?

— Как ты думаешь, что случилось с Кэрол Тиггс? — спросил я.

— Кэрол Тиггс ушла, — ответил он. — Но однажды ты найдешь новую Кэрол Тиггс, ту, из сновидения в гостинице.

— Что ты имеешь ввиду, говоря что она ушла?

— Она ушла из мира, — ответил он.

Я ощутил чудовищный спазм в солнечном сплетении. Я просыпался. Мое осознание постепенно возвращалось ко мне, но у меня еще не было полного контроля над ним. Тем не менее, оно начало пробиваться сквозь пелену сновидения; это была смесь незнания того, что происходит, и телесного ощущения, что что-то несоизмеримое находится сразу за углом.

Должно быть, мое лицо выражало недоверие, потому дон Хуан добавил повелительным тоном:

— Это сновидение. Ты должен знать, что это последнее перемещение.

— Но куда же она ушла как ты думаешь, дон Хуан?

— Туда же, куда ушли древние маги. Я сказал тебе, что подарок бросившего вызов смерти заключался в безграничных возможностях сновидения. Ты не хотел ничего конкретного, по этому женщина в церкви дала тебе абстрактный подарок: возможность летать на крыльях намерения.